

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

В. В. Бондарь

**ВОЙСКОВОЙ
ГОРОД
ЕКАТЕРИНОДАР
1793—1867 гг.**

МОСКВА
2023

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
Южный филиал

В. В. БОНДАРЬ

ВОЙСКОВОЙ ГОРОД ЕКАТЕРИНОДАР 1793–1867 гг.

Историко-культурная специфика и функциональная роль
в системе городских поселений Российской империи

*Издание второе,
исправленное и дополненное*

Краснодар
2023

УДК 947.1/9(471.62)

ББК 63.3(235.7)

Б81

Публикуется по решению Ученого совета Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Автор:

В. В. Бондарь, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник — руководитель отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Научный редактор:

В. Н. Ратушняк, доктор исторических наук, профессор

Рецензенты:

Т. А. Невская, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета;

О. В. Матвеев, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета

Бондарь, Виталий Вячеславович.

Б81

Войсковой город Екатеринодар. 1793–1867 гг. : Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Институт Наследия, 2023. — 202 с. : ил. — DOI 10.34685/НИ.2023.25.93.005. — ISBN 978-5-86443-421-5.

В монографии излагаются результаты исследования историко-культурной специфики Екатеринодара в бытность его «войсковым городом» (1793–1867) — административным центром Земли Черноморского казачьего войска, включая обстоятельства возникновения, типологические и функциональные характеристики, систему управления, сословный статус горожан, их хозяйственные занятия, бытовую культуру, пространственную среду поселения. В контексте основной исследовательской задачи обосновываются взгляды автора на методiku датировки возникновения городов, вводится в оборот понятие «войсковые города», раскрывается сущность этого явления российского горообразования дореформенного периода; освещается процесс перехода Екатеринодара к общероссийскому городскому устройству.

УДК 947.1/9(471.62)

ББК 63.3(235.7)

© Бондарь В. В., 2023

© Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2023

ISBN 978-5-86443-421-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ко второму изданию.....	4
Введение	5
Историография вопроса.....	9

Глава 1

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ЕКАТЕРИНОДАРА

1.1. Политико-административные обстоятельства возникновения города.....	21
1.2. Датировка основания Екатеринодара	30
1.3. Выбор места: стратегическая выгода и природно-климатические условия	36
1.4. Екатеринодар конца XVIII века: типологические характеристики	46

Глава 2

СПЕЦИФИКА ЕКАТЕРИНОДАРА КАК ВОЙСКОВОГО ГОРОДА

2.1. Официальный статус населения города	56
2.2. Особенности административного устройства и организации городской власти.....	61
2.3. Функциональная роль Екатеринодара в масштабах империи и Черномории	71
2.4. Культурно-хозяйственный облик города	103
2.5. Внутригородская пространственная среда.....	119

Глава 3

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЕКАТЕРИНОДАРА ИЗ ВОЙСКОВОГО В ГРАЖДАНСКИЙ ГОРОД

3.1. Предпосылки и условия перехода города в новый статус	158
3.2. Упразднение станичного устройства и становление Екатеринодара в статусе гражданского города	169
Заключение	176
Список использованных источников и литературы.....	179
Список сокращений	201

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Главным мотивом второго издания монографии «Войсковой город Екатеринодар» стала возможность актуализации текста двадцатидвухлетней давности, расширения его новыми фактами и обобщениями, исправления ошибок, внесения уточнений в библиографические ссылки, а также введения в оборот прежде не задействованных источников, существенно дополняющих реконструированную ранее историческую действительность войскового города черноморских казаков Екатеринодара. Кроме того, вторым изданием мы намерены окончательно закрепить за собой в научном поле наш текст, впервые опубликованный в последний год прошлого века¹ и подвергшийся позже, не будучи «оцифрованным», неоднократным заимствованиям целых фрагментов недобросовестными исследователями².

Автор благодарит художника, руководителя фонда «Достояние» Оксану Владимировну Бабичеву, подавшую идею второго издания, и оказавших помощь в поиске источников историков Бориса Ефимовича Фролова, Константина Викторовича Скибу, этнографа Владимира Игоревича Колесова, краснодарского краеведа Михаила Вячеславовича Юрьева.

¹ *Бондарь В. В.* Войсковой город Екатеринодар, 1793–1867 гг. : Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. — Краснодар, 2000.

² См., например: *Агеева Е. Ю.* Город как социокультурное образование : Функционально-типологический анализ : спец. 24.00.01 : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Нижний Новгород, 2005. — 48 с. ; *Натолочная О. В.* Сочи и сочинцы после Великой Отечественной войны: проблемы социально-экономического и культурного развития курорта : 1945–1953 гг. : спец. 07.00.02 : дис. ... канд. ист. наук. — Краснодар, 2005. — 268 с.

ВВЕДЕНИЕ

Город — многостороннее социально-культурное явление и важнейший элемент пространственной организации общества. В единой системе поселений и хозяйственно освоенных территорий (в мировом, государственном, региональном, местном масштабах) город выступает главным звеном, выражая и закрепляя, концентрируя в себе все процессы жизнедеятельности общества, выработанные им институты и нормы. Он одновременно и зеркало общества, и одно из основных средств его существования, причем в первом качестве город значительно богаче, поскольку отражает не только целенаправленную программу своего создания и свое назначение, но и все последствия ее реализации; не только актуальные потребности и нормы, но и адаптированные к сегодняшним нормы прошлого. В этом смысле город — наиболее действенная, активная форма «культурной памяти» человечества.

Как объект исследования город привлекал и привлекает внимание представителей различных областей научного знания: историков, философов, культурологов, географов, социологов, политологов, экономистов, биологов и др. Ученые-урбанисты обсуждают и решают проблемы феномена города не только в рамках утилитарных задач, но и в целях воплощения гуманистических идеалов существования и развития мировой сети городов, выступающей достижением и одновременно организующим началом человеческой культуры. Оптимальное решение этих проблем предполагает целостное видение города, его понимание в глубокой ретроспективе как организма, несущего жизненно важные структуры, традиции и повседневные практики, которые не могут быть сохранены и освоены в полной мере без познания процессов возникновения и бытования, причинно-следственных оснований, всех условий формирования городского пространства и населения, внешних связей, коллективной биографии сменяющихся поколений его жителей.

В современных условиях, когда города стремительно превращаются в громоздкие агломерации, изменяются их пространственные структуры и образ жизни живущих в них людей, необходимы новые подходы к регулированию и планированию развития городской среды и, в частности, в ряду первоочередных задач — к решению проблем сохранения ее компонентов и качеств, составляющих историческое и культурное наследие.

В России проблемы современной стадии общемирового процесса урбанизации проявляются с особой остротой и специфичностью, вызванными нестабильностью политической и экономической ситуации в стране. На сегодняшний день очевидна необходимость создания комплексных программ развития для каждого города — актуальных стратегий, которые явились бы результатом совместной работы ученых и практиков различных областей знания и сфер деятельности. Отправной же точкой такого проектирования выступает фиксация исторически сложившегося культурно-хозяйственного облика города, определяющего его культурный и хозяйственно-экономический потенциал. Исходя из научно обоснованных представлений об этом потенциале, наряду с прочими факторами должны определяться оптимальные направления развития города в ближайшей и отдаленной перспективе. Наиболее продуктивным в этом смысле нам представляется комплексное ретроспективное исследование конкретного города. Иными словами, поле зрения историка-урбаниста, пользующегося широким спектром методов научного анализа и синтеза, должно охватить все доступное множество обстоятельств, определявших существование городского поселения.

В отечественной науке комплексный подход к исследованию города был предложен в 20-х годах прошлого столетия профессором И. М. Гревсом. Понимая город как «цельный социальный и духовный организм», который «должно познавать в его индивидуальном развитии — от рождения через весь его рост до современного состояния», И. М. Гревс намечал конкретные пути его изучения: «Привлекать к делу требуется все стороны и явления, какие могут выяснить происхождение и развитие города: как природу, среди которой он возник, и почву, на которой он развертывался, так и памятники, в которых он воплотился, так и совершавшийся внутри его труд и деятельность его жителей и их плоды, вещественные и духовные. Надо изучать естественный ландшафт, внутри которого рос город, его план (топографию), монументальную физиономию, все содержание его жизни, динамически, эпоха за эпохой по всем указанным линиям, стремясь к конечному синтезу, то есть к построению образа города как результата всего его прошлого развития»³.

³ Гревс И. М. История в краеведении // Краеведение. — 1926. — № 4. — С. 496.

С разгромом развивавшегося в русле академической науки краеведческого движения комплексный подход к исследованию городов был надолго забыт, и с тех пор разработки тем по истории отдельных городов стали лишь составной частью исследований по политической, социально-экономической или (значительно реже) культурной истории страны, не имея самостоятельного значения. Как справедливо отмечал П. Г. Рындзюнский, «в большинстве монографий об отдельных городах и их областных группах... мы находим рассказ об успехах промышленного развития города, сведения об общем росте его населения, об источниках пополнения, о социальном составе горожан; затем повествуется о системе управления городом, о его внешнем виде и бытовом положении разных категорий горожан, далее описываются проявления общественного и революционного движения в городе и, наконец, излагаются достижения местных уроженцев в области науки, искусства и литературы. Подобная структура... стала как бы традиционной...»⁴. Очевидно, что такой подход носил в большей степени описательный, нежели исследовательский характер, не раскрывал подлинной историко-культурной специфики города, сводя в большинстве случаев биографию поселения до уровня иллюстрации к теоретико-идеологическим установкам об «объективных закономерностях» социально-экономического развития общества. Между тем, по словам того же П. Г. Рындзюнского, «город — это не экономическая категория. Центр тяжести в его определении не лежит в области экономики... он расположен в социально-экономической сфере во всей ее полноте, и не меньше того определяется общественно-правовой, идеологической и культурной сферами»⁵.

В последние три десятилетия в отечественной научной литературе вначале наметился, а позже отчетливо проявился возврат к комплексному познанию города как уникального в каждом конкретном случае социально-культурного организма и самостоятельного куль-

⁴ Рындзюнский П. Г. Изучение городов России первой половины XIX в. // Города феодальной России : сб. ст. памяти Н. В. Устюгова. — М. : Наука, 1966. — С. 66–67.

⁵ Рындзюнский П. Г. Основные факторы градообразования в России второй половины XVIII в. // Русский город : историко-методологический сборник. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. — С. 109.

турного ландшафта⁶. Именно такие исследовательские подходы нам представляются наиболее продуктивными⁷.

Выбор из более чем двухвековой биографии Екатеринодара (Краснодара) отрезка времени, когда Екатеринодар был войсковым городом — военно-административным центром Земли Войска Черноморского, диктуется не только и не столько принципом хронологической последовательности, сколько тем обстоятельством, что названный период в истории города, хронологически предваряющий остальные, во многом предопределил характер процессов, происшедших (и происходящих!) на протяжении всего времени его существования. К тому же феномен войсковых городов вообще не исследовался исторической наукой до наших работ 1990-х годов.

Объектом настоящего исследования выступает город Екатеринодар в «войсковой» период его истории, а предметом — его функ-

⁶ См., например: *Лихачёв Д. С.* Образ города // Знание — сила. — 1988. — № 5. — С. 5–12 ; *Павлова Л. И.* Город: модели и реальность. — М.: Стройиздат, 1994 ; *Репина А. П.* Город, общество, цивилизация: историческая урбанистика в поисках синтеза // Город как социокультурное явление исторического процесса : сб. науч. тр. — М.: Наука, 1995. — С. 32–38 ; *Рабинович Е. И.* О социально-краеведческом методе исследования города в социально-проектной диагностике // Там же. — С. 280–285 ; *Алисов Д. А.* Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.) : монография / Федеральное агентство по образованию, Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. — Омск : Изд-во ОмГУ, 2006 ; *Алисов Д. А.* Культурный ландшафт города: концепция, структура, индикаторы. — Текст : электронный // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики) : материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) / под ред. Д. А. Алисова, О. В. Петренко. — Москва, Омск : Сибирский филиал Института Наследия, 2020. — С. 7–17 ; *Смолицкая Т. А., Король Т. О., Голубева Е. И.* Городской культурный ландшафт: традиции и современные тенденции развития / под ред. Т. А. Смолицкой. — М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

⁷ См. подробнее: *Бондарь В. В.* Комплексное историческое исследование российского города: концептуальные принципы // Голос минувшего : Кубанский исторический журнал. — 1998. — № 1–2. — С. 3–7 ; *Бондарь В. В., Маркова О. Н.* Культурные ландшафты исторических поселений как особая категория наследия : (на материалах Северо-Западного Кавказа) : монография / Министерство культуры Российской Федерации, Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. — М.: Институт Наследия, 2020.

циональная роль в масштабах страны и края и историко-культурная специфика. Географическое исследование ограничивается территорией города в процессе территориального роста, хронологически же оно простирается от 1793 года до конца 1860-х годов, что соответствует времени фактического существования Екатеринодара в статусе войскового города и периоду перехода его к гражданскому городскому устройству.

Историография вопроса

Интерес к изучению истории Екатеринодара отчетливо проявился в конце позапрошлого — начале прошлого столетия: тогда был опубликован ряд небольших исследований, посвященных отдельным страницам биографии города, в частности проблеме датировки его возникновения⁸, процессу территориального роста⁹, истории войскового Воскресенского собора¹⁰, городских базаров¹¹, известны и неопубликованные работы того времени, например рукопись П. П. Короленко о екатеринодарской крепости¹². Предельно краткий, почти энциклопедический обзор екатеринодарской истории приведен в работе П. В. Миронова «Екатеринодар (Очерк естественных, экономических и исторических элементов)», вышедшей в 1913 году¹³. В изданном тогда же фундаментальном труде Ф. А. Щербины «История Кубанско-

⁸ *Фелицын Е. Д.* По поводу столетия со дня основания города Екатеринодара // Кубанские областные ведомости. — 1893. — 16 окт. ; *Его же.* Документальные сведения об основании города Екатеринодара : материалы для изучения Кубанской области, собранные Е. Д. Фелицыным. — [Б. м. : б. и.] ; *Короленко П. П.* Город Екатеринодар // Кубанские областные ведомости. — 1895. — 20 апр.

⁹ *Миронов П. В.* Территориальный рост гор. Екатеринодара // Известия Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО). — Вып. 4. — Екатеринодар : Тип. Кубанского областного правления, 1909. — С. 73–88.

¹⁰ *Короленко П. П.* Екатеринодарский Войсковой собор времен Екатерины Великой // Известия ОЛИКО. — Вып. 1. — Екатеринодар : Тип. Кубанского областного правления, 1899. — С. 69–74.

¹¹ *Собриевский А. С.* Екатеринодарские городские базары : (К истории города Екатеринодара). — Екатеринодар : Типо-литогр. Э. Килиус и Ко, 1897.

¹² Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 31. Л. 56–58.

¹³ *Миронов П. В.* Екатеринодар : очерк естественных, экономических и исторических элементов // Вся кубанская область : торгово-промышленный справочник на 1913 год. — Екатеринодар, 1913. — С. 1–10.

го казачьего войска»¹⁴ отдельные сюжеты из жизни войскового города были показаны в общем русле истории Черноморского войска. Применительно к нашей теме названные работы вряд ли стоит считать историографическими фактами: в первом случае ввиду их узкой направленности, во втором — ввиду чрезмерной обобщенности и в третьем — ввиду фрагментарности. Также скорее источниковедческое, нежели историографическое значение имеет вышедшее в 1926 году (охватывающее весь временной отрезок существования города) исследование П. В. Миронова «Население Краснодара. Количество»¹⁵.

Действительная историография войскового города Екатеринодара открывается работами историков А. Ф. Лещенко и В. В. Дроздовского. В вышедшей в 1927 году статье А. Ф. Лещенко «Краснодар, як культурно-економічний і революційний центр Кубані»¹⁶ история города рассматривается поэтапно, с момента основания до современных автору событий. Помимо «революционной» истории города, на которой сделан акцент, в сжатой форме освещается вопрос о датировке его основания, характеризуется эволюция внешнего облика города, занятий, нравов и обычаев его жителей, оценивается место Екатеринодара и Краснодара в истории Кубани.

Исследование В. В. Дроздовского «Катеринодар у минулому»¹⁷ сосредоточено собственно на периоде существования Екатеринодара как войскового города. Опираясь достаточно широкой источниковой базой, автор статьи подробно рассмотрел предысторию и обстоятельства возникновения города, формирования его культурно-хозяйственного облика; особое внимание он уделил раскрытию особенностей нравов

¹⁴ История Кубанского казачьего войска / сост. чл.-корр. Акад. наук. Ф. А. Щербина. — Т. I : История края. — Екатеринодар : Типография Кубанского областного правления, 1910 ; Т. II : История войны казаков с закубанскими горцами. — Екатеринодар : Типография Товарищества печатного и издательского дела под фирмой «Печатник», 1913.

¹⁵ *Миронов П. В.* Население Краснодара. Количество. — Краснодар : Издание Кубанского окружного отдела коммунального хозяйства, 1926.

¹⁶ *Лещенко А. Ф.* Краснодар як культурно-економічний і революційний центр Кубані // Новим шляхом [Орган Комнацу Наркомосу РСФРР]. — 1927. — № 1. — С. 3–30.

¹⁷ *Дроздовський В. В.* Катеринодар у минулому // Науковий збірник лєнінградського товариства дослідників української історії, письменства та мови. — III. — Київ : З друкарні Всеукраїнської академії наук, 1931. — С. 65–83.

и обычаев екатеринодарцев, дал развернутую характеристику процесса становления и начального развития художественной культуры населения города. Однако вне поля зрения В. В. Дроздовского, как и А. Ф. Лещенко, остались специфика административного устройства города, системы муниципальной власти, сословного состава населения, процесс перехода города из войскового в гражданский статус. В обеих статьях отсутствуют какие-либо обобщения, что несколько снижает их ценность.

Прямое отношение к нашей теме имеют две публикации в газете «Большевик». 29 марта 1941 года вышла статья сотрудника Краснодарского краеведческого музея В. Васькиной «Основание Екатеринодара»¹⁸, где были приведены некоторые документы первых месяцев существования города, в соответствии с которыми автор отнесла факт основания города к 7 сентября 1794 года, когда Таврическим губернатором С. С. Жегулиным был утвержден первый план строившегося Екатеринодара. В статье «Краснодару — 150 лет» от 29 августа 1943 года доцент кафедры истории СССР Краснодарского педагогического института М. В. Покровский обосновывал точку зрения об отнесении основания города к 1793 году, по времени первого упоминания в документах имени «Екатеринодар»¹⁹.

В 1956 году был издан первый исторический очерк Краснодар²⁰. Его авторы, историки Я. И. Куценко и Г. Т. Чучмай, впервые подробно изложили биографию города в популярной форме. Однако истории Екатеринодара как войскового города из семи глав посвящена лишь часть первой главы, названной «Возникновение и развитие Краснодара», где сжато излагаются предыстория и обстоятельства возникновения города, начальный этап его развития, вкратце характеризуется экономическое значение Екатеринодара в масштабах Черноморья, а также его роль экономического и культурного центра Кубанской области после преобразования в гражданский город в 1867 году. Завершается глава выводами-лозунгами о «феодално-крепостническом» характере войскового города Екатеринодара, «тяжком бремени политического бесправия трудящихся» и т. д.

¹⁸ *Васькина В.* Основание Екатеринодара // Большевик. — 1941. — 29 марта.

¹⁹ *Покровский М. В.* Краснодару — 150 лет // Большевик. — 1943. — 29 авг.

²⁰ *Куценко Я. И., Чучмай Г. Т.* Краснодар : исторический очерк. — Краснодар : Кн. изд-во, 1956.

Через 12 лет вышел в свет подобный популярный исторический очерк города, составленный теми же Я. И. Куценко и Г. Т. Чучмаем в соавторстве с Л. А. Солодухиным²¹. Он имеет ярко выраженный пропагандистско-публицистический характер, проявившийся даже в названиях глав: «Степь ковыльная», «В тисках социальных противоречий», «Заре навстречу» и т. п. Начинается очерк общим обзором природы и истории Кубани с древнейших времен, далее так же, как и в очерке в 1956 года, довольно подробно излагается история Екатеринодара (Краснодара), однако никаких завершающих обобщений в тексте нет. Несмотря на использование широкого круга источников и обстоятельный показ биографии города, оба очерка применительно к нашей теме могут служить историографическими фактами лишь условно.

В том же ключе, что и названные очерки, выдержана кандидатская диссертация Г. Т. Чучмая «Краснодар. 1793–1917 гг.», защищенная в 1981 году в Московском государственном историко-архивном институте²². В этом объемном, базирующемся на широком круге источников труде, представляющем собой изложение преимущественно социально-экономической истории дореволюционного Екатеринодара, «войсковому» периоду его истории посвящена одна глава; особенности административного устройства, официального статуса населения города, функциональная роль в масштабах государства и края, хозяйственно-культурный и пространственный облик, процесс перехода в статус гражданского города отражения в диссертации не нашли.

Сжато, но емко отдельные типологические характеристики и значение войскового города Екатеринодара в ряду существовавших на Кубани в дореформенный период городских поселений рассмотрены в статье Г. Н. Шевченко «Социально-экономическая структура городов Кубани в дореформенный период»²³. Здесь кратко изложена история возникновения Екатеринодара, схематично показаны процесс

²¹ Солодухин Л. А., Куценко Я. И., Чучмай Г. Т. Краснодар : исторический очерк. — Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1968.

²² Чучмай Г. Т. Краснодар. 1793–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1980.

²³ Шевченко Г. Н. Социально-экономическая структура городов Кубани в дореформенный период // Новейшие исследования по социально-экономической и культурной истории дореволюционной Кубани : сб. науч. тр. — Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 1989. — С. 4–15.

его экономического развития, специфика сословного состава жителей, культурно-хозяйственного облика города, сделаны выводы о доминирующей военно-административной функции войсковой столицы, а также о наличии начатков ее будущих экономических функций.

Большое значение для наших изысканий имеют результаты изучения отдельных аспектов екатеринодарской истории, изложенные в материалах юбилейной краевой научно-практической конференции «Краснодару — 200 лет», проходившей в Краснодаре в мае 1993 года²⁴. К таковым относятся «Основание города Екатеринодара» Г. Н. Шевченко, «Реставрация оборонительных сооружений екатеринодарской крепости в первой половине XIX века» Б. Е. Фролова, «Исторический герб Екатеринодара» О. М. Матющенко и П. П. Матющенко. Реконструкция отдельных сюжетов истории города в значительной мере способствует созданию его целостной биографии.

Важное значение в решении проблемы датировки основания Екатеринодара имели результаты прошедшего в формате круглого стола 9 января 1997 года обсуждения этой проблемы учеными Кубанского госуниверситета, сотрудниками Государственного архива Краснодарского края и Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына, опубликованные в журнале «Голос минувшего»²⁵. Круглый стол показал, что большинство ученых-историков относит возникновение города к 1793 году; при этом участники обсуждения сошлись во мнении, что для более точной датировки необходим тщательный анализ критериев определения даты возникновения городских поселений.

Истории екатеринодарского и краснодарского гербов посвящен изданный 1999 году совместный труд Н. Н. Суворовой и Б. Е. Фролова, имеющий применительно к нашей теме, несмотря на небольшой объем, одновременно историографическое и источниковедческое значение — как конкретно-историческое исследование

²⁴ Краснодару — 200 лет : тезисы краевой научно-практической конференции / Администрация г. Краснодара ; Краснодарский городской совет народных депутатов ; Кубанский государственный университет и др. ; отв. ред. В. Н. Ратушняк, В. Е. Щетнев. — Краснодар : Типография администрации [Краснодарского] края, 1993.

²⁵ Когда же был основан Екатеринодар? : [материалы круглого стола] // Голос минувшего : Кубанский исторический журнал. — 1997. — № 2. — С. 51–58.

городской геральдики и свод соответствующих теме документов, в том числе относящихся к «войсковому» периоду истории Екатеринодара²⁶.

В основу вышедшего в 2000 году первого издания настоящей монографии²⁷ легла защищенная в марте 1999 года в Кубанском государственном университете кандидатская диссертация «Войсковой город Екатеринодар (1793–1867 гг.): историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи»²⁸. На тот момент необходимость такого труда мы обосновывали отсутствием комплексного исследования истории города Екатеринодара «войскового» периода, признавая наличие отдельных теоретических наработок и определенного объема фактического материала по отдельным сюжетным линиям темы. В том же году был опубликован сделанный нами совместно с Б. Е. Фроловым историографический обзор, обозначивший итоги научного изучения екатеринодарской истории в XX веке²⁹.

За время, прошедшее после выхода первого издания настоящего исследования, историография проблемы пополнилась рядом опубликованных трудов по отдельным аспектам истории Екатеринодара «войскового» периода, что позволило нам актуализировать текст, сделав соответствующие дополнения. К таким, имеющим для нас значение историографических фактов, мы относим опубликованные в материалах научно-практической конференции «Екатеринодар-Краснодар. 1793–2003. Вчера, сегодня, завтра» доклады Б. Е. Фролова

²⁶ Суворова Н. Н., Фролов Б. Е. Биография городского герба. — Краснодар : [б. и.], 1999.

²⁷ Бондарь В. В. Войсковой город Екатеринодар. 1793–1867 гг. Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. — Краснодар : [ГУП «Издательство «Советская Кубань»)], 2000.

²⁸ Бондарь В. В. Войсковой город Екатеринодар (1793–1867 гг.): историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи : спец. 07.00.02 : дис. ... канд. ист. наук / Кубан. гос. ун-т. — Краснодар, 1999.

²⁹ Бондарь В. В., Фролов Б. Е. Изучение истории Екатеринодара в XX столетии // Гуманитарная мысль Юга России в XX веке : тез. межрегион. науч. конф., станция Тамань, 19–22 сент. 2000 г. / науч. ред.: В. Н. Ратушняк, В. Е. Щетнев. — Краснодар, 2000. — С. 138–144.

«К истории создания оборонительных сооружений г. Екатеринодара»³⁰, О. В. Матвеева «Екатеринодар в исторической картине мира кубанского казачества»³¹ и совместное исследование А. Г. Бурмагина, О. А. Леусян и Н. Н. Суворовой по истории городского самоуправления³². К этому ряду примыкает составленная Б. А. Трехбратовым и В. А. Жаданом историческая энциклопедия «Екатеринодар-Краснодар» как опыт систематизированного изложения сведений о городе, включая результаты исторических изысканий по нашей теме³³.

В 2000–2022 годах нами было опубликовано более тридцати работ (несколько — в соавторстве), прямо или косвенно относящихся к истории Екатеринодара «войскового» периода; часть их вошла в монографический сборник «Город Екатеринодар в пространстве и времени»³⁴. Результаты этих исследований нашли отражение в настоящем издании.

Особое место в историографии нашей темы занимают научно-популярные работы, в первую очередь результаты изысканий краснодарских краеведов. Наибольший вклад в изучение и популяризацию екатеринодарской истории внес В. П. Бардадым, опубликовавший более полутора сотен очерков, собранных в нескольких книгах, начиная с изданных в 1978 году «Этюдов о прошлом и настоящем Краснодара» и заканчивая посмертным изданием 2011 года «Зодчие Кубани»³⁵, в ко-

³⁰ Фролов Б. Е. К истории создания оборонительных сооружений г. Екатеринодара // Екатеринодар-Краснодар. 1793–2003. Вчера, сегодня, завтра : тез. науч.-практ. конф., посвящ. 210-летию г. Краснодара (13 сентября 2003 г.). — Краснодар, 2003. — С. 26–28.

³¹ Матвеев О. В. Екатеринодар в исторической картине мира кубанского казачества. С. 57–60.

³² Бурмагин А. Г., Леусян О. А., Суворова Н. Н. Вехи истории городского самоуправления. — Краснодар : Палитра-С, 2010.

³³ Екатеринодар-Краснодар. 1793–2009 : историческая энциклопедия / [авт.-сост. Б. А. Трехбратов, В. А. Жадан]. — Краснодар : Кубань-Книга, 2009.

³⁴ Бондарь В. В. Город Екатеринодар в пространстве и времени : Опыт исторической урбанистики : монографический сборник. — Краснодар : Издатель Игорь Платонов, 2006.

³⁵ См.: Бардадым В. П. Этюды о прошлом и настоящем Краснодара. — Краснодар : Краснодар. кн. изд-во, 1978 ; *Его же*. Этюды о Екатеринодаре. — Краснодар : Северный Кавказ, 1992 ; *Его же*. Зодчие Екатеринодара. — Краснодар : Советская Кубань, 1995 ; *Его же*. Кубанские арабески : краеведческие очер-

торых содержится богатейший фактический материал, собранный за десятилетия кропотливых архивных и библиографических поисков.

Большую ценность для понимания городской топографии в соотнесении ее с историческими событиями и биографиями горожан представляют книги и статьи Г. С. Шаховой: «Штрихи к портрету города», «Краснодарская улица Красная», «Улицы Краснодара рассказывают» (книга вторая и книга третья) и др.³⁶

Отдельные эпизоды предыстории и ранней истории Екатеринодара нашли отражение в воплотившейся в двух изданиях книге «Суворов на Кубани»³⁷ и в ряде других работ В. А. Соловьева³⁸.

Не имея неотъемлемых атрибутов научных текстов — сравнений, обобщений, выводов теоретического характера, эти труды краеведов, тем не менее, выступают отправной точкой многих региональных конкретно-исторических исследований, как масштабных, так и посвященных отдельным темам. Главное же их достоинство, выходящее за рамки исследовательских задач, — сохранение и передача исторической и культурной памяти, что в конечном счете относится к главным целям гуманитарного знания.

Исходя из обозначенной степени изученности темы и учитывая актуальность ее дальнейшей разработки, а также круг и сущность

ки. — Краснодар : Советская Кубань, 2000 ; *Его же*. Архитектура Екатеринодара. — Краснодар : Лебедев Ю. Ю., 2009 ; *Его же*. Зодчие Кубани. — Краснодар : Вишера, 2011 и др.

³⁶ Шахова Г. С. Штрихи к портрету города // Кубанский краевед. — Вып. 3. — Краснодар : Краснодар. кн. изд-во, 1992. — С. 3–12 ; *Ее же*. Краснодарская улица Красная : книга об истории главной улицы Краснодара. — Краснодар : Краснодарские известия, 1997 ; *Ее же*. Улицы Краснодара рассказывают... Кн. 2. — Краснодар : Полиграфист, 2002 ; *Ее же*. Улицы Краснодара рассказывают. Кн. 3 : В Карасунском куте. — Краснодар : Краснодар. изд.-полиграф. комплекс, 2007.

³⁷ Соловьев В. А. Суворов на Кубани, 1778–1793. — Краснодар : Кн. изд-во, 1986 ; *Его же*. Суворов на Кубани, 1778–1793. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Краснодар : Кн. изд-во, 1992.

³⁸ Соловьев В. А. Екатеринодарская крепость. — Краснодар : Советская Кубань, 1995 ; *Его же*. Место сыскал под войсковой град // Екатеринодар : [еженедельник городского самоуправления], 1991. — Вып. 1. — С. 6 ; *Его же*. По следам Суворова : записки краеведа. — Краснодар : Центр информационного и экономического развития печати, телевидения и радио Краснодарского края, 2004.

проблем, решаемых исторической урбанистикой, целью нашего исследования определено выявление и описание типологических характеристик и функциональной роли войскового города Екатеринодара в масштабах Российской империи и кубанского края.

Достижение этой цели предполагает решение следующих основных задач:

- анализ обстоятельств возникновения города, датировка его основания;
- определение первоначальных функций и типологических характеристик;
- выявление специфики официального статуса населения Екатеринодара;
- раскрытие особенностей административного устройства и организации городской власти;
- выявление и характеристика функционального спектра Екатеринодара в масштабах страны и края;
- характеристика культурно-хозяйственного облика города и его пространственной среды;
- установление предпосылок и обстоятельств перехода Екатеринодара в статус гражданского города.

Методологическое кредо автора составляют, наряду с общепринятыми принципами историзма и объективности, принцип системности и обусловленный достижениями науки комплексный подход к изучению конкретного поселения как целостного социально-культурного организма.

Следуя заявленному принципу системности, мы анализируем явления, события и процессы прошлого как элементы единой системы. Применительно к исследованиям такого сложного, многокомпонентного объекта, как город, этот принцип понимается нами в расширенных смысловых границах. Во-первых, город, являясь звеном глобальной системы расселения, представляет собой элемент определенного уровня этой системы, и его развитие определяется культурным и материальным потенциалом общества; во-вторых, иерархичность организации всех городских процессов характеризуется определяющим влиянием элементов внешней среды по отношению к внутренней; в-третьих, город как система существует в четырех уровнях иерархии пространственных систем: глобальном, государ-

ственном, региональном (субрегиональном) и как локальная территория — поселение, выступающее самостоятельной системой.

В общегуманитарном смысле город, как и любое поселение, понимается нами как территориально-социальная система — совокупность локальной территории (материально-вещной среды) и протекающих (включая историческую ретроспективу) в ее границах социально-культурных процессов. В конкретно-историческом смысле, применительно к дореволюционной отечественной истории, к городам мы относим поселения с преимущественно несельскохозяйственными занятиями населения, выполнявшие функции административного и (или) хозяйственного центра тяготеющей к ним территории, являвшиеся структурными звеньями в системе расселения государства, соответствовавшие понятию «город» в сознании современников и имевшие специфический городской характер пространственной организации³⁹.

Исходя из изложенного, мы утверждаем необходимость использования обозначенного выше комплексного подхода в любых видах исследования города, включая конкретно-историческое. Суть его рассмотрена в трудах отечественных «городоведов» И. М. Гревса⁴⁰, Н. П. Анциферова⁴¹, а также в исследованиях главы французской научной школы «Новой городской истории» Ф. Броделя⁴² и предста-

³⁹ См.: *Бондарь В. В.* Город в дореволюционной России: к проблеме трактовки понятия // Культурное наследие России : научно-информационный журнал. — 2017. — № 2. — С. 17–24.

⁴⁰ *Гревс И. М.* Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело. — 1921. — № 1. — С. 21–34 ; *Его же.* Город как предмет краеведения // Краеведение. — 1924. — № 3. — С. 245–258 ; *Его же.* История в краеведении. С. 487–508.

⁴¹ *Анциферов Н. П.* Пути изучения города как социального организма : Опыт комплексного подхода. — 2-е изд., испр. и доп. — Л. : Сеятель, 1926 ; *Анциферов Н., Анциферова Т.* Книга о городе. Кн. 1 : Город как выразитель сменяющихся культур. Картины и характеристики. — Л. : Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1926 ; *Анциферов Н. П., Анциферова Т. Н.* Жизнь города. — Л. : Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1927 ; См. также: *Враская О. Б.* Архивные материалы И. М. Гревса и Н. П. Анциферова по изучению города // Археографический ежегодник за 1981 г. / отв. ред. С. О. Шмидт. — М. : Наука, 1982. — С. 303–315.

⁴² См.: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. — Т. I. Структура повседневности: возможное и невозможное. — 2-е изд. — М. : Весь Мир, 2007.

вителя английской школы «комплексных локальных исследований» Ч. Фитьян-Адамса⁴³.

К числу теоретических оснований нашего исследования относится функциональная типология городов, нашедшая отражение в работах зарубежных⁴⁴ и отечественных⁴⁵ исследователей. Под функцией города подразумевается деятельность его жителей, направленная на связь с внешним (по отношению к самому городу) миром, обеспечивающая его жизненные ресурсы и оправдывающая его существование; под функциональной ролью — спектр (набор) функций поселения, определяющий место города в мире, стране, регионе.

Особое место в инструментальном наборе исследования принадлежит так называемому экскурсионному методу изучения по-

⁴³ См.: *Phythian-Adams Ch. Desolation of a City: Coventry and the Urban Crisis of the Late Middle Ages.* — Cambridge, 1979 ; *Его же. Re-thinking English Local History.* — Leicester, 1987.

⁴⁴ См., например: *Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж.* Очерки по географии городов / пер. с фр. К. Т. Топуридзе и С. Н. Тагера ; вводная статья и ред. В. В. Покшишевского. — М. : Прогресс, 1967 ; *Мерфи Р.* Американский город / сокр. пер. с англ. В. Ковалевского ; редакция В. Гохмана ; послесл. В. Гохмана и Г. Лаппо. — М. : [Прогресс], 1972 ; *Мерлен П.* Город. Количественные методы изучения / пер. с фр. О. К. Парчевского ; под ред. и с послесл. Ю. В. Медведкова. — М. : Прогресс, 1977.

⁴⁵ См., например: *Константинов О. А.* Типология и классификация городских поселений в советской экономико-географической науке // *Материалы по географии населения : [сб. ст.] / Геогр. о-во СССР, Отд-ние экон. географии ; отв. ред. О. А. Константинов.* — Ленинград : [б. и.], 1962–1963. — Т. 2, вып. 2. — 1963. — С. 5–53 ; *Хорев Б. С.* Проблемы городов : (Урбанизация и единая система расселения в СССР). — 2-е изд., доп. и перераб. — М. : Мысль, 1975 ; *Мионов Б. Н.* Русский город во второй половине XVIII — первой половине XIX века. Типологический анализ // *История СССР.* — 1988. — № 5. — С. 150–168 ; *Его же.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие / Б. Н. Мионов ; АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние. — Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1990 ; *Перцик Е. Н.* География городов. Геоурбанистика : [учеб. пособие для вузов по спец. «География»]. — М. : Высш. шк., 1991 ; *Город и деревня в Европейской России : Сто лет перемен : Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского : [моногр. сб.] / Ин-т географии Рос. акад. наук ; [ред.-сост.: Т. Нефедова и др.].* — М. : ОГИ, 2001 ; *Лаппо Г. М.* Формирование сети городов на территории России // *Проблемы урбанизации на рубеже веков / отв. ред. А. Г. Махрова.* — Смоленск : Ойкумена, 2002. — С. 19–33.

селений, разработанному И. М. Гревсом и развитому его учеником Н. П. Анциферовым⁴⁶? основанному на представлении о городе как самостоятельном многокомпонентном источнике информации о себе самом. Посредством экскурсий (городских экспедиций) историк входит в непосредственный зрительный, эмоциональный контакт с объектом изучения, постигая его историческую культурную сущность⁴⁷.

Источниковую базу исследования составили материалы российских архивов, отдела рукописей Российской национальной библиотеки, собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына, опубликованные законодательные, делопроизводственные, изобразительные источники, публикации в периодической печати и др. В соответствии с заявленными методологическими подходами комплексным источником выступают подлинные элементы культурного ландшафта города Екатеринодара, сохранившиеся в историческом ядре современного города Краснодара.

⁴⁶ См.: *Гревс И. М.* К теории и практике «экскурсий» как орудия изучения истории в университетах. — СПб. : Сенат. тип., 1910 ; *Его же.* Монументальный город и исторические экскурсии. С. 21–34 ; *Его же.* Природа «экскурсионности» и главные типы «экскурсий в культуру» // *Экскурсии в культуру : метод. сб. / под ред. проф. И. М. Гревса.* — М., 1925. — С. 9–34 ; *Анциферов Н. П.* О методах и типах историко-культурных экскурсий. — Пг. : Начатки знаний, 1923 ; *Его же.* Город как объект экскурсионного изучения // *Краеведение.* — 1926. — № 2. — С. 167–182.

⁴⁷ См.: *Бондарь В. В.* Комплексное историческое исследование российского города: концептуальные принципы. С. 6–8 ; *Ктиторов С. Н.* Экскурсионный метод в исторической урбанистике Предкавказского региона // *Культурная жизнь Юга России.* — 2009. — № 3 (32). — С. 10–13.

Глава 1

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ЕКАТЕРИНОДАРА

1.1. Политико-административные обстоятельства возникновения города

Возникновение Екатеринодара было косвенно обусловлено целым рядом мер русского правительства по решению так называемого Кубанского вопроса, состоявшего в стремлении обеспечить и закрепить вхождение Правобережья Кубани в состав империи. Вкупе с присоединением Крыма это разрешало и так называемую черноморскую проблему во внешней политике России, т. е. открывало ей выход в Черное море и отторгало от Турции стратегически важные территории.

Вслед за присоединением в 1783 году Крыма, Тамани и правобережной Кубани и подтверждением новых южных границ Российской империи Яским мирным договором (1791), завершившим войну 1787–1791 годов с Османской империей, русское правительство приступило к практической реализации плана колонизации Прикубанья, составной частью которого явилось переселение на кубанские земли Войска Верхних Черноморских казаков. «Жалованной грамотой» от 30 июня 1792 года Екатерина Великая «даровала» Войску, сформированному еще в 1787 году (костяк Войска составили бывшие запорожцы), «в вечное владение» земли, простиравшиеся между реками Кубанью и Еей, Черным и Азовским морями и устьем Лабы. Этой мерой императрица решала две задачи: защита южных рубежей страны от внешних нападений («Войску Черноморскому предлежит бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских») и хозяйственное освоение края («Мы надеемся, что Войско Черноморское, соответствуя Монаршему Нашему о нем попечению, потщится не только бдительным охранением границ соблюсти имя храбрых воинов, но и всемерно употребить старание заслуживать звание добрых

и полезных граждан внутренним благоустройством и распространением семейного жития»)⁴⁸.

Переселение основной массы черноморцев проходило в 1792–1793 годах несколькими партиями. Пришедший на Кубань северным путем (через Землю Войска Донского) отряд казаков под командой кошевого атамана З. А. Чепеги остановился в конце октября 1792 года на Ейской косе⁴⁹ и, перезимовав, 10 мая следующего года выступил в глубь войсковой земли к Усть-Лабинскому укреплению⁵⁰. Оттуда, после встречи З. А. Чепеги с командиром Кавказского корпуса генерал-аншефом И. В. Гудовичем, часть казаков во главе с войсковым полковником К. Белым направилась 19 мая берегом вниз по Кубани, занимая учреждаемые через каждые десять верст кордоны (посты)⁵¹.

6 июня 1793 года К. Белый рапортовал «Ведомостью о кордонах, на войсковой земле при реке Кубани расположенных, с показанием, во столько верст расстояния один от другого и находящихся в оных старшин и казаков»⁵² о расстановке десяти кордонов от Воронежского редута до Казачьего Ерика, сообщив, что сам он с шестью старшинами и 163 казаками находится в учрежденном им Главном Ореховатом кордоне⁵³.

⁴⁸ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). — Собр. 1. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. — Т. XXIII. — № 17055. — С. 342–343.

⁴⁹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 179. Л. 95.

⁵⁰ *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. — Т. 3. — СПб. : Тип. штаба отд. корпуса жандармов, 1896. — С. 607 ; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 764. Л. 3.

⁵¹ *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов ... Т. 3. С. 617–618.

⁵² Там же. С. 623–624.

⁵³ Предположительно, Главный Ореховатый кордон был учрежден на месте построенного в 1778 году под руководством А. В. Суворова Архангельского фельдшанца (см.: *Соловьев В. А.* Суворов на Кубани, 1778–1793. — Изд. 2-е, испр. и доп. С. 113 ; Екатеринбург-Краснодар : Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... : материалы к Летописи. — Краснодар : Краснодарское книжное издательство, 1993. — С. 11 ; Главно-Екатеринодарский кордон // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года / сост., науч. ред. Б. А. Трехбратов. — Краснодар : Администрация Краснодарского края, 1997. — С. 119), однако документальных подтверждений этого факта нет.

9 июня Черноморское Войсковое правительство направило Таврическому губернатору С. С. Жегулину⁵⁴ рапорт № 201 следующего содержания: «Оного (Черноморского. — *Авт.*) войска старшины и казаки по общему желанию усоветуя на всемилостивейше пожалованной земле [не теряя к домостроительству нынешнего удобного времени] (на полях документа. — *Авт.*) заводить свои воинские селения по-над рекой Кубаном (так в документе. — *Авт.*), начиная от устья ея до Усть-Лабинской линии, между коими повыше **Казачьего Ерика Верст за пятьдесят и главный войсковой град** (выделено мной. — *Авт.*), а в нем для нужного пристанища бездомовных и престарелых казаков и порядка Войску сорок куреней по прежним их названиям сего правительства просят рассмотрения, а как в Высочайшей Ея Императорского Величества грамоте, в 30 день июня прошлого [1]792 года... пожалованной, о построении главного града и заведении селений не упомянуто, сие ж правительство быть по-над рекой Кубаном, как выше писано, граду и селениям к непоколебимому утверждению от набегов закубанских народов пограничной стражи находит за нужное, то под резолюцию представляя, покорнейше просит учинить милостивое рассмотрение»⁵⁵.

Несмотря на то что приведенный документ не дает конкретной привязки «войскового града» к местности, указанное приблизительное расстояние от Казачьего Ерика, известного черноморским казакам со времени составления М. С. Гуликом «Ведомости»⁵⁶, дает основания утверждать, что место для строительства города было выбрано 9 июня 1793 года в Карасунском куте, ставшем позже ядром Екатеринодара (Краснодара). Казачьим Ериком в то время назывался бывший правый рукав реки Протоки (которая, в свою очередь, является пра-

⁵⁴ Территория, отведенная «Жалованной грамотой» для поселения войска, с 1783 года считалась Фанагорийским уездом Таврической области (см.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1. Д. 236. Л. 34; *Кабузан В. М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX веках: этно-статистическое исследование. — СПб.: Русско-балтийский информационный центр «Блиц», 1996. — С. 130).

⁵⁵ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 238. Л. 13; *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов ... Т. 3. С. 626.

⁵⁶ Ведомость каковое положение Таманской и Кубанской земли, с показанием, какие города, крепости и другие места, также рек и соляных озер. Учтена 8 июля 1792 года // ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 161. Л. 66–85.

вым рукавом Кубани), частично сохранившийся до нашего времени в виде оросительного канала⁵⁷. По подсчетам В. А. Соловьева, произведенным по карте, составленной адъютантом командира Кубанского корпуса В. Слудиным в 1772 году⁵⁸, Казачий Ерик вытекал в восьми с половиной верстах, т. е. в 18 километрах⁵⁹, выше истока Протоки, возле северной окраины современного хутора Трудобеликовского Красноармейского района, отстоящей от южной части Краснодара (бывшего урочища Карасунский кут) на 112 км. Указанные же в рапорте 50 верст составляют около 107 км. С учетом приблизительности обозначения расстояния в рапорте, а также того обстоятельства, что за два века в процессе естественных изменений русла расстояние по берегу Кубани могло незначительно измениться, можно констатировать совпадение указанных величин.

12 июня 1793 года З. А. Чепега в письме войсковому судье А. А. Головатому указал уже конкретное место расположения лагеря черноморских казаков, определенное для строительства города: «...я, расставивши по реке Кубани пограничную стражу, состою с правительством над оною при урочище Карасунском куте, где и место

⁵⁷ Речь может идти исключительно о бывшем правом рукаве р. Протоки (являющейся, в свою очередь, правым рукавом Кубани), частично сохранившемся (северная часть) до нашего времени в виде оросительного канала. См.: Краснодарский край : топографическая карта. — 1:100 000. — Лист L-37-101 (XIX). — Издание Генштаба ВС СССР, 1989.

Примечательно, что здесь существовал хутор Казачий Ерик, в 1971 году соединенный с хутором Протичка (см.: Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.) : [справочник] / Гос. арх. Краснодарского края ; [сост. А. С. Азаренкова и др.]. — Краснодар : Кн. изд-во, 1986. — С. 313). Другой Казачий Ерик, левый рукав Кубани, впадающий в Большой Ахтанизовский лиман, в конце XVIII века упоминаться не мог, поскольку был прорыт для соединения Кубани с лиманом уже в XIX столетии (см.: *Данилевский Н. Я.* Исследования о кубанской дельте // Записки Русского географического общества. — Т. 2. — СПб., 1869. — С. 1–125 ; *Самойлов И. В.* Устья рек. — М. : Географгиз, 1952. — С. 266–267 ; *Борисов В. И.* Реки Кубани. — Краснодар : Кн. изд-во, 1978. — С. 29.

⁵⁸ *Соловьев В. А.* Суворов на Кубани, 1778–1793. Изд. 2-е, испр. и доп. С. 27.

⁵⁹ Имеется в виду межевая верста, равная 2,1336 км (см.: *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология : учеб. пособие. — 2-е изд. — М. : Высш. школа, 1975. — С. 191).

Высокоородному и Председательскому
Господину Генералу и Милору Таврическому
Губернатору и Капитану Семену
Семёновичу Желубову

Кавалера Бюроного Императорского
Войска Черноморского изъ
Войскового Правительствы

Риспортъ!

Оного Войска старшина и Кавалеръ По Общему
желанию усевтукъ нежеланности вьше
Пожелованной отъ Ва Императорского
Величества Звѣлымъ Заповѣдъ словъ Войскаки
Семенн Пондарию Кувалю Местинъ
отбучать ея Зажать Левагомоу Местинъ
Между Ковалю Полкише Ковалего Ерика Вер
ствъ Звѣдѣдесять Мѣсякомъ Войскономъ Свѣдѣ
слъ Кавалеръ для нужного Присутствыше безъ доило,
вѣдѣ Императорскихъ Ковалю Сорочъ Куррен
Потренинныи Мѣдъ Кавалерияше сего Пряди
Правительствы отъ Васемнъ Прислѣдъ Развѣмотро
нѣ слѣдѣ Ва Высокоороднѣ Ва Императорского
Величества Звѣмотъ Ва 30 Января Мѣня
Прошлого 1792 года Вселмостеннѣ вѣше Кавалер
лю Войску Пожелованной отъ Васемнъ Свѣдѣ
Ваде изъсвѣденнѣ Семенн неупомянута, смежа
Правительствдо вѣдѣ По Кавалерю Кувалю
Кавалеръ вѣшегисано вѣдѣ Местинъ Запужное,
По оселѣ Вашему Председательству Пряди
Правительствдо покореннѣ Прислѣдъ Мѣдѣ
Мѣдѣ Местинѣ Развѣмотрение

Сего

1793 году
июня 9го

Б. Милоръ Пондарию

Рис. 1. Рапорт Черноморского Войскового правительства
Таврическому губернатору о выборе места для строительства
«главного войскового града» от 9 июня 1793 года (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 238. Л. 13)

сыскал под войсковою град»⁶⁰, а 17 июня Таврический вице-губернатор К. И. Габлиц сообщил Войсковому правительству о том, что ходатайство «о построении на пожалованной... земле по-над рекою Кубани (так в тексте. — *Авт.*) главного воинского города и селений... графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому на разрешение... представлено»⁶¹. Резолюция А. В. Суворова предполагалась, очевидно, на том основании, что он в тот период командовал войсками в Таврической губернии, к которой была отнесена территория Черноморского войска⁶².

По какой-то причине полководец на ходатайство Черноморского Войскового правительства не ответил, и уже в апреле 1794 года тот же К. И. Габлиц, сообщая, что относительно строящегося города он не имеет «от вышнего начальства апробации», просил, если таковая имеется у Войскового правительства, прислать ему копию⁶³. В ответ Войсковое правительство сообщило, что о городе Екатеринодаре «никакого повеления от вышнего начальства в получении не было»⁶⁴.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что, не имея предписаний «сверху», Черноморское Войсковое правительство само выступило инициатором основания главного войскового города — военно-административного центра осваиваемого края. Применительно к эпохе императрицы-«градоздательницы» Екатерины Великой, издавшей в 1785 году «Жалованную грамоту на права и выгоды городам Российской империи»⁶⁵, определявшую устройство городов вплоть до конца 60-х годов XIX века, и прибавившей за 34 года своего царствования к 232 существовавшим городам 165 вновь основанных⁶⁶, такое начало истории города выглядит парадоксально.

⁶⁰ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 239. Л. 30.

⁶¹ ГАКК. Л. 20 ; Д. 223. Л. 9.

⁶² См.: *Бондарь В. В., Фролов Б. Е.* К ранней истории Екатеринодара: был ли А. В. Суворов основателем города? // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2022. — № 4. — С. 6–8.

⁶³ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 20. Л. 16–16 об.

⁶⁴ Там же. Д. 5. Л. 4–5.

⁶⁵ ПСЗ. — Собр. 1. — Т. XXII. — СПб. : Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — № 16187 (16188). — С. 358–384.

⁶⁶ *Лаппо Г. М.* Города России // Города России : энциклопедия / гл. ред. Г. М. Лаппо. — М. : Большая российская энциклопедия, 1994. — С. 6.

Получь июля 18го 1793 20го 1792

125

Милостивый Государь мой

Сиротонь Андрейелнъ

Поздравляя васъ прибытиемъ в Италианъ
напоинокъ земль Зыженскійскъ Селедъ Вашего
фамилиа насей Золотого и шестипого
жизни, Удвоимъ это в разсталиши поръчи
Жудакъ Подаримъ Страху состоа старителъ
тполъ надоконъ ПРИХОДИШЬ КАРСУНСКОМЪ
ХУТЬ СЪЗЪ МЫСЛО СИМАНЬ ПОДВОИНОКОМЪ РАДЪ
отелиъ Вилъ КСЕО КОДАТЪМЪ ВОЛОДА ХУМКО
ЗЕРНИЩЕДЪ ИЖИДОПСАСКОМЪ ПОДОБНО СКАЗАТЬ
МОГУТЬ: АДЕМЪ МЫШОМЪ ОТРОБАЦІИ КОИЩЕГО
УПЕРЖЕДЕНІА ВАСЪ МИЛОСТИВАГО ГОСУДАРЯ
МОЕГО ТКОКОМО ПРОШУ ПОСТЫШЬТЕСЪ СЗОИМЪ
ПРИБЫТИЕМЪ СМОБЕЗНЫШЕ ВАНЕЖЕНОМЪ
АДЕМОЕ ХУМОМЪ, И ПРОТЪЖИМЪ СТАРШИНАМЪ
ИБО ГСАМЪ ИЗДОИТЕ ЗНАТЕБЪ ЯМО КЪ ДОМО-
СТРОИТЕЛСТУ УДОБНОЕ ВРЕМЯ СЕГО ЛЪТКА
ПРОХОДИТЕ, АДЕМЪ ЕЩЕ КЪ ТОМУ ИЕНАГАТКО.
ДЕЖЕЛЪ ЗАСИМЪ ВАМЪ ПРИДУТЬ НЕМОЖНО
УДВОИМЪ ИЕМЪ НЕОСТАДТЕ ПРЕБЫВАЮЩАГО
АДЕМЪ СТОПТЕНЕМЪ ИСОДЕРЖЕННОЮ
ПРЕДАННОСТІА.

милостивый Государь мой

Ванъ Покорнѣишій Служа

Закрунъ Служа

7 = 12 = июля
1793. году
ПРИКУБСКОМЪ

Рис. 2. Письмо кошевого атамана З. А. Чепеги войсковому судье А. А. Головатому о выборе места для строительства «войскового града» от 12 июня 1793 года (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 239. Л. 30)

Возникновение городов «по периметру» империи в XVIII — первой половине XIX века, как правило, путем придания статуса города крепостям на пограничных укрепленных линиях (как, например, Екатеринограду, Кизляру, Моздоку, Омску, Оренбургу, Орску, Ставрополю, Уральску)⁶⁷ было проявлением государственной политики освоения присоединенных окраин, в которой городам отводилась роль форпостов влияния и административных центров географически тяготевавших к ним территорий, и официально оформлялось «высочайшими» указами. Показательно, что в некоторых случаях указ об основании опережал по времени фактическое возникновение поселения. Так, «высочайшее повеление» об основании Новочеркаска последовало в августе 1804 года, официальная закладка города состоялась 31 декабря, а фактически поселение возникло лишь весной 1805 года⁶⁸. Очевидно, что именно инициатива правительства имела решающее значение при основании городов. По точному замечанию Н. П. Огарёва, «большая часть наших городов — это не центры, следовательно выращенные развитием местной общественной жизни, это административные центры, навязанные народонаселению правительством ради своих целей управления»⁶⁹. При таких обстоятельствах издание «высочайшего указа» об основании становилось в ранней истории города определяющим событием.

Отсутствие императорского указа об основании Екатеринодара можно объяснить тем обстоятельством, что, жалую Черноморскому Войску «в вечное владение» кубанские земли, Екатерина Великая подразумевала автономность Войска в вопросах расселения и организации внутренней жизни, с тем однако, что устанавливалось общее административное подчинение Войска Таврическому губернатору.

⁶⁷ Городские поселения в Российской империи / [сост. по приказанию М-ва внутренних дел]. — СПб., 1863. — Т. 3. — С. 502–503; Города России : энциклопедия. — С. 187, 263, 313, 327, 332, 335, 438; Екатериноград // Отечественная история : энциклопедия. — М., 1996. — Т. 2. — С. 132.

⁶⁸ Лунин Б. В. Очерки истории Подонья-Приазовья. В 2 кн. Кн. 2. Ростов н/Д : Ростиздат, 1951. — С. 168; Кулишов В. П. В низовьях Дона. — М. : Искусство, 1987. — С. 69.

⁶⁹ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения : в 2 т. / под общ. ред. М. Т. Иовчука и Н. Г. Тараканова; Акад. наук СССР, Ин-т философии. — [М.] : Госполитиздат, 1952–1956. — Т. 1. — 1952. — С. 677.

При этом какие-либо предполагаемые города в «Жалованной грамоте» не упоминались. Возможно, учитывался тот факт, что ни в Сечи, ни в Забужье (на территории временного нахождения Войска Верхних Черноморских казаков, созданного в основном из бывших запорожцев) городских поселений не было⁷⁰, и образ жизни казаков был далек от городского.

Относительная административная самостоятельность Черноморского войска при водворении на Кубани проявилась уже в том, что внутреннее административно-территориальное устройство, система управления и порядок землепользования были определены составленным Войсковым правительством к 1 января 1794 года «Порядком общей пользы» — своеобразной «конституцией», регламентировавшей практически все стороны военной и гражданской жизни черноморцев. Расселение куреней (в данном случае — куренных селений⁷¹) по войсковой земле производилось также без каких-либо распоряжений имперской власти — согласно проведенной именно в войске в начале 1794 года жеребьевке⁷².

Во втором пункте «Порядка общей пользы» было сказано: «Ради войсковой резиденции, к непоколебимому подкреплению и утверждению состоящих на пограничной страже кордонов при реке Кубану (так в документе. — *Авт.*), в Карасунском куте воздвигнуть град и для вечного достопамятства нынешней жизнедательницы и благодетельницы нашей Всемилостивейшей Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийской, именовать его Екатеринодар»⁷³. Таким образом, «снизу» было юридически оформлено основание столицы войсковой земли. Примечательно, что в конце позапрошлого века известный кубанский историк П. П. Короленко, рассуждая о ранней

⁷⁰ В некоторых случаях казачьи поселения выступали «предшественниками» будущих городов, составляя их предысторию. (См., например: *Грибовський В. Містечко Микитине і Микитин перевіз: козацька предісторія міста Нікополя // Датування міста як проблема історичної урбаністики: європейський та український досвід: матеріали круглого столу, 24 вересня 2008 р. / за заг. ред. В. Г. Панченка. — Дніпропетровськ: Герда, 2008. — С. 34–42; Репан О. Час виникнення міста: випадок Дніпропетровська // Там же. С. 43–47).*

⁷¹ Курень // *Энциклопедический словарь по истории Кубани ... С. 240.*

⁷² ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 276. Л. 13–14; *Дмитренко И. И. Сборник исторических материалов ... Т. 3. С. 724.*

⁷³ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2830. Л. 1–3.

истории Екатеринодара, писал, что никаких повелений свыше «в сущности и не требовалось, так как полновластным хозяином кубанской земли в данном случае являлось Черноморское войско»⁷⁴.

1.2. Датировка основания Екатеринодара

Отсутствие «высочайшего указа» об основании Екатеринодара породило административную проблему датировки основания города, перешедшую позже, в конце XIX века, в общественно-политическую и научную сферы. В этом смысле показательна переписка 1841–1849 годов между Департаментом военных поселений Военного министерства и Черноморской Войсковой канцелярией по вопросу о сборе «сведений о времени и других подробностях присвоения Екатеринодара названия города» в связи с составлением городского герба⁷⁵. Она завершилась тем, что на гербе Екатеринодара был обозначен 1794 год — вероятно, либо по времени утверждения «Порядка общей пользы», либо по началу межевания города 18 сентября 1794 года по плану, утвержденному Таврическим губернатором⁷⁶. При этом еще в октябре 1846 года исправлявший должность наказного атамана Черноморского казачьего войска генерал-майор Г. А. Рашпиль сообщал на очередной запрос из Санкт-Петербурга, что «из дел, хранящихся в войсковом архиве, видно: город Екатеринодар устроен по распоряжению бывшего войсковым атаманом генерал-майора (тогда еще армии бригадира. — *Авт.*) Чепеги, с Войсковым Правительством учиненному, вследствие данного от Чепеги на имя городничего того города полкового старшины армии поручика Волкореза ордера от 19 ноября 1793 года за № 1676. Высочайшего же повеления на постройку этого города в делах войскового архива не найдено, а построен оный, как из рапорта того же Правительства, писанного от 22 апреля 1794 года Таврическому вице-губернатору Габлицу значится, на основании 2-го пункта Высочайшей грамоты, в 30-й день июня

⁷⁴ Короленко П. П. Город Екатеринодар // Кубанские областные ведомости. — 1895. — 20 апр.

⁷⁵ РГИА. Ф. 1341. Оп. 75. Д. 518. Л. 1 ; Ф. 1405. Оп. 45. Д. 9036 ; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1742 ; Ф. 318. Оп. 1. Д. 276.

⁷⁶ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 3. Л. 56.

1792 года войску Черноморскому Всемилодивейше пожалованной»⁷⁷. Этим пунктом «Грамоты» утверждалось: «...все состоящие на... пожалованной земле всяческого рода угоды, на водах же рыбные ловли остаются в точном и полном владении и распоряжении войска Черноморского, исключая только места для крепости на острове Фанагория и для другой, при реке Кубани...»⁷⁸ Генерал Рашпиль таким образом обращал внимание Департамента военных поселений на происходившее из екатерининской «Жалованной грамоты» право Черноморского войска на принятие самостоятельных решений в вопросах внутреннего устройства, в том числе на основании войскового города.

К проблеме датировки возникновения Екатеринодара обращались известные дореволюционные исследователи И. В. Бентковский, Е. Д. Фелицын и П. П. Короленко. В частности, Бентковский считал, что историю города нужно вести с 24 ноября 1793 года — дня тезоименитства Екатерины Великой (дня Святой Екатерины)⁷⁹, когда, по его мнению, город получил название, и обосновывал свою позицию тем, что название города в официальных бумагах впервые встречается 1 декабря 1793 года⁸⁰. Видимо, Бентковскому не был известен ордер З. А. Чепеги первому екатеринодарскому городничему Д. С. Волкорезу от 19 ноября 1793 года⁸¹, ссылаясь на который архивариус войскового архива Кубанского казачьего войска П. П. Короленко утверждал, что Екатеринодар был городом еще осенью 1793 года, «...иначе не было смысла для пустого места назначать городничего»⁸². Чуть раньше публикации позиции

⁷⁷ ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 276. Л. 6–6 об.

⁷⁸ ПСЗ. — Собр. 1. — СПб. : Тип. П Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. — Т. XXIII. — № 17055. — С. 342–343.

⁷⁹ В эпоху Екатерины Второй имя императрицы получили пять городских поселений: Екатериненштадт (ныне город Маркс), Екатериноград (позже станица Екатериноградская Терского казачьего войска), Екатеринослав (позже город Днепропетровск, ныне Днепр, Украина), Екатеринофельд (ныне город Болнис, Грузия) и собственно Екатеринодар (ныне Краснодар). Екатеринбург был основан ранее и назван в честь Екатерины Первой.

⁸⁰ *Бентковский И. В.* Заселение Черномории с 1792 по 1825 год // Памятная книжка Кубанской области на 1881 год. — Екатеринодар, 1881. — Паг. 5. — С. 36–37.

⁸¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 210. Л. 164.

⁸² *Короленко П. П.* [О времени основания Екатеринодара] // Кубанские областные ведомости. — 1894. — 4 июня.

П. П. Короленко на тему датировки основания войскового города высказался Е. Д. Фелицын: он соотносил основание города с моментом начала его официального межевания по утвержденному Таврическим губернатором плану 18 сентября 1794 года, оговариваясь при этом, что не имеет «претензии считать свое мнение безусловно верным»⁸³.

От упомянутого ордера, как от документа, в котором впервые употребляется название войскового центра — Екатеринодар, предлагал вести биографию города историк А. В. Лещенко⁸⁴, и на этот же документ, как датирующий, было обращено внимание в историческом очерке Краснодара Я. И. Куценко и Г. Т. Чучмаем⁸⁵, а также в их совместной работе с Л. А. Солодухиным⁸⁶. В 1980 году Г. Т. Чучмай привел эту точку зрения в своей кандидатской диссертации⁸⁷. При том, что в названных работах утверждается, что город был основан в 1793 году, точная дата этого события не указывается.

К концу XX столетия сложился достаточно широкий спектр мнений относительно точной даты основания Екатеринодара, причем большинство историков (А. М. Авраменко, В. А. Жадан, В. Н. Ратушняк, Л. А. Соколова, В. А. Соловьев, Б. Е. Фролов, Г. Н. Шевченко)⁸⁸ придерживалось мнения, что город был основан в 1793 году. В частности, В. А. Соловьев считал, что решение об основании Екатеринодара

⁸³ *Фелицын Е. Д.* Документальные сведения об основании города Екатеринодара : материалы для изучения Кубанской области, собранные Е. Д. Фелицыным. — [Б. м. : б. и.]. — С. 4–5 ; См. также: *Фелицын Е. Д.* По поводу столетия со дня основания города Екатеринодара // Кубанские областные ведомости. — 1893. — 16 окт.

⁸⁴ *Лещенко А. Ф.* Краснодар як культурно-економічний і революційний центр Кубані // Новим шляхом [Орган Комнацу Наркомосу РСФРР]. — 1927. — № 1. — С. 19.

⁸⁵ *Куценко Я. И., Чучмай Г. Т.* Краснодар. С. 7.

⁸⁶ *Солодухин Л. А., Куценко Я. И., Чучмай Г. Т.* Краснодар. С. 26–27.

⁸⁷ *Чучмай Г. Т.* Краснодар. 1793–1917 гг. С. 6–7.

⁸⁸ См.: *Жадан В. А.* Когда Краснодару праздновать день рождения? // Кубанские новости. — 1991. — 21 сент. ; *Его же.* Так когда же основан Краснодар? // Вольная Кубань. — 1996 ; *Шевченко Г. Н.* Основание города Екатеринодара // Краснодару — 200 лет : тезисы краевой научно-практической конференции / Администрация г. Краснодара, Краснодарский городской совет народных депутатов, Кубанский государственный университет и др. ; отв. ред. В. Н. Ратушняк, В. Е. Щетнев. — Краснодар : Типография администрации [Краснодарского] края, 1993. — С. 5–8 ; Когда же был основан Екатеринодар? С. 51–58.

было принято на собрании войсковой старшины 15 августа 1793 года, ссылаясь на публикацию воспоминаний неизвестного автора — очевидца основания города — в газете «Русский инвалид», где сказано следующее: «Августа 15 дня собрались в Войсковое Правительство кошевой Атаман, войсковые старшины, полковники, бунчуковое товарищество, полковые старшины и атаманы и положили в Карасунском куте против дубравы, называемой Круглик, в достопамятное воспоминание имени жизнедательницы нашей Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны воздвигнуть главный город Екатеринодар, построить в нем Войсковое Правительство и сорок куреней»⁸⁹. Такое же мнение, со ссылкой на тот же источник, еще в середине позапрошлого столетия высказывал известный исследователь истории запорожского и черноморского казачества А. А. Скальковский⁹⁰, а в начале 1930-х годов — украинский историк В. В. Дроздовский⁹¹.

Названная публикация в «Русском инвалиде» представляется нам источником, не имеющим достаточных для решения вопроса датировки основания города характеристик достоверности. В документах, относящихся к августу 1793 года и в поздней переписке первых лиц Черноморского войска, в делах Коша и Войскового правительства сведений об официальной закладке города или каких-либо официальных актах о его основании нет. Более того, судя по сохранившимся документам, вплоть до конца октября 1793 года не употреблялся и топоним (астионим) «Екатеринодар». Местонахождение войсковой резиденции обозначалось (включая приказы и предписания кошевого атамана Чепеги) «При Кубани» либо «Карасунский кут»⁹².

К 1794 году начало истории Екатеринодара относили В. Н. Черников и В. И. Шкуро. В качестве события, служащего, по их мнению, фактом официального основания города, они полагали утверждение

⁸⁹ Соловьев В. А. Место сыскал под войсковой град. С. 6; *Его же*. Екатеринодарская крепость. С. 4.

⁹⁰ Скальковский А. А. История Новой Сечи, или последнего Коша Запорожского : сост. из подлинных документов Запорожск. сечевого архива А. Скальковским. — 2-е изд., испр. и значит. умноженное. — Ч. 3. — Одесса : Гор. тип., 1846. — С. 215–216.

⁹¹ Дроздовський В. В. Катеринодар у минулому. С. 67.

⁹² См.: Бондарь В. В., Фролов Б. Е. К проблеме датировки основания Екатеринодара // Голос минувшего : Кубанский исторический журнал. — 2001. — № 3–4. — С. 49–52.

1 января 1794 года «Порядка общей пользы», которым de jure был закреплён факт существования города и его имя⁹³.

Отсутствие единого мнения в вопросе датировки основания Екатеринодара объясняется, на наш взгляд, тем, что на момент актуализации проблемы, в канун 200-летия города и после юбилея, в отечественной исторической науке отсутствовали устоявшиеся подходы и система критериев датировки возникновения городов и населённых мест вообще. Проблема эта не нова: ещё в 60-х годах прошлого столетия видный специалист в области исторической географии В. К. Яцунский признавал отсутствие «у историков... единого критерия для определения даты основания городов»⁹⁴. Но до сих пор, несмотря на наличие ряда результативных исследований⁹⁵, она не нашла разрешения в какой-либо методике датировки и бытует в большей степени в сфере общественно-политической, нежели научной.

По результатам анализа массива фактов и событий, соотносимых в исторической литературе с фактами возникновения (основания) российских городов, и хронологических «привязок» в целях датировки их возникновения (основания) нами предложен следующий набор фактов-событий, выступающих критериями датировки возникновения городских поселений.

⁹³ Черников В. Н. Когда родился город Екатеринодар, или Что же мы празднуем нынче? // Кубанский курьер. — 1993. — 30 июня; *Его же*. Следует ли Думе Краснодара отменять свое решение? // Казачьи вести. — 1996. — № 47. — 7–15 дек.; Когда же был основан Екатеринодар? С. 51–52. [Выступление В. И. Шкуро].

⁹⁴ Яцунский В. К. Некоторые вопросы методики изучения истории феодального города в России // Города феодальной России: сборник статей памяти Н. В. Устюгова. — М.: Наука, 1966. — С. 89.

⁹⁵ См., например: *Тройно Ф. П.* О принципах датировки основания городов // II Всесоюзная конференция по историческому краеведению. Апрель 1989 г.: тезисы докладов и сообщений. — Пенза, 1989. — С. 11–12; *Водарский Я. Е.* Проблемы сущности, времени и места основания русских городов // Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты) / Я. Е. Водарский. — М.: Институт российской истории РАН, 2006. — С. 5–49; *Бабюх В. А., Кайсарова Ж. Е.* Понятие «город» и типологизация городов: проблемы соотношения при определении даты возникновения городских поселений // Вестник Казанского технологического университета. — 2014. — Т. 17. — № 20. — С. 417–422; *Бабюх В. А.* Методологические критерии, принципы и проблемы летоисчисления городов в российской исторической урбанистике // Манускрипт. — 2021. — Т. 14, вып. 8. — С. 1544–1550.

Прямые:

- официальная закладка;
- указ о переводе сельского поселения в разряд городских;
- достоверное документальное свидетельство о появлении постоянного контингента населения.

Косвенные:

- указ об основании;
- первое документальное свидетельство существования поселения на постоянном месте;
- первое употребление в источниках имени города (астионима).

Выбор конкретного критерия определяется характером и условиями возникновения поселения, а также имеющейся в распоряжении исследователя источниковой базой. Косвенные критерии могут быть использованы при отсутствии прямых⁹⁶.

Основываясь на предложенной точке зрения, мы датируем возникновение города Екатеринодара по вышеприведенному рапорту Черноморского Войскового правительства Таврическому губернатору от 9 июня 1793 года, свидетельствующему о появлении тогда в урочище Карасунский кут поселения, непрерывно существующего до настоящего времени с постоянным контингентом населения⁹⁷.

С первого же дня существования поселения основатели именovali его «городом» или «градом», и с первого же дня он выполнял административную функцию, присущую почти исключительно городским поселениям, являясь местом пребывания Войскового правительства и кошевого атамана. Именно отсюда, начиная с 9 июня 1793 года, исходили рапорты и письма вышестоящему начальству⁹⁸

⁹⁶ См.: *Бондарь В. В.* Комплексное историческое исследование российского города: концептуальные принципы. С. 5–7 ; *Его же.* К проблеме датировки основания городов // Труды Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 11–13 окт. 2007 г.). В 3 т. Т. 2. — СПб., 2010. — С. 607–613.

⁹⁷ См.: *Бондарь В. В.* Точка отсчета екатеринодарской истории // Древности Кубани : [сб. науч. тр.]. — Краснодар, 1997. — С. 37–45 ; *Его же.* К истории основания Екатеринодара // Екатеринодар-Краснодар. 1793–2003. Вчера. Сегодня. Завтра : тез. науч.-практ. конф. — Краснодар : [б. и.], 2003. — С. 15–17.

⁹⁸ См., например: *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов ... Т. 3. С. 626, 631, 633, 635, 639, 642, 658.

и ордера должностным лицам Черноморского войска, находящимся как на войсковой земле, так и вне ее⁹⁹, и именно сюда стекалась от- ветная корреспонденция¹⁰⁰.

При таких обстоятельствах прибегать к косвенному критерию — первому известному употреблению названия города в доку- менте от 29 октября 1793 года¹⁰¹ — не имеет смысла. Такой подход мог быть оправдан лишь в случае недостатка сведений (как, например, о назначении первого городничего еще 20 октября¹⁰²).

Возникновение имени города само по себе не датирует возник- новение поселения. В большинстве случаев название закреплялось за уже существовавшим городом. Например, датой основания Санкт- Петербурга считается 16 (27) мая 1703 года, когда началось строитель- ство крепости Санкт-Питер-Бурх, позже названной Петропавловской, а строящийся город до начала 1704 года в документах называли Петро- полем, Питерполем или Петрополисом, пока за ним не закрепилось название Санкт-Питер-Бурх (Санкт-Петербург)¹⁰³.

1.3. Выбор места: стратегическая выгода и природно-климатические условия

Место для строительства города в Карасунском куте было выбрано казаками-черноморцами не случайно: форма образующей кут излучины Кубани, широкая, топкая, заливаемая пойма, обрыви- стый берег, русло Карасуна придавали урочищу несомненно высо- кие стратегические качества. Господствовавший по высоте над левым кубанским берегом (что, соответственно, обеспечивало обзор реки и противоположного берега вверх и вниз по течению) Карасунский кут был с трех сторон (с юга и запада — Кубанью, с востока — Кара- суном) защищен естественной водной преградой.

⁹⁹ См., например: ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 210. Л. 55 об. ; *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов ... Т. 3. С. 629, 652.

¹⁰⁰ См. например: ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 239. Л. 20 ; Там же. Д. 223. Л. 9 ; *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов ... Т. 3. С. 636–638.

¹⁰¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 228. Л. 105–106.

¹⁰² ГАКК. Д. 318. Т. 1. Л. 57.

¹⁰³ Основание Петербурга // Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград : энцикл. справ. — М. : Большая российская энциклопедия, 1992. — С. 460.

Для понимания ландшафтной сущности Карасунского кута важен тот факт, что Карасун, вопреки устоявшемуся убеждению¹⁰⁴, был не старицей Кубани, а самостоятельной рекой родникового происхождения, исток которой находился за северо-западной оконечностью современной станицы Старокорсунской. В рельефе местности бывшее русло Карасуна хорошо прослеживается на территории современной Пашковской станицы (поселка Пашковского) и города Краснодара. Прямое подтверждение независимого от Кубани происхождения Карасуна содержится в документе Черноморской Войсковой канцелярии от 1801 года: «...при первоначальном заселении куренных селений по Кубани и назначении чрез оные от Екатеринодара к Усть-Лабинской крепости трактовой дороги, Пашковского селения жителями... из природных Малого Карасуна родников, оное селение обтекающего, сделана как для перевоза, так и водопоая гать»¹⁰⁵. Спустя столетие на этот факт обращал внимание П. П. Короленко: «Речка Карасун берет свое начало из родников, выходящих из балки за станицей Пашковской...»¹⁰⁶ Его наблюдение совпадает с результатами исследований современного ученого-естественника С. Р. Илюхина, пришедшего к выводу о том, что «Карасун представлял собой сложную речную систему, исток которой находился в 45 километрах восточнее города... и был, вероятно, единственным правым притоком реки Кубань в среднем и нижнем ее течении»¹⁰⁷. Гидроним «Карасун», имеющий, вероятно, тюркское происхождение, можно перевести не только как «черная вода» (это наиболее распространенное толкование связано с оттенком воды, происходящим от обилия темных водорослей: «кара» — черный, черная; «су» — вода), но и как «родниковая вода» или «вода из земли» («кара» — земля, суша)¹⁰⁸.

¹⁰⁴ См.: Соловьев В. А. Суворов на Кубани ... С. 113 ; *Его же*. Екатеринодарская крепость. С. 8 ; Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 41 ; Большой Карасун // Энциклопедический словарь по истории Кубани ... С. 64 и др.

¹⁰⁵ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 39. Л. 35.

¹⁰⁶ ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 31. Л. 56 (Рукопись П. П. Короленко «Екатеринодарская крепость»).

¹⁰⁷ Илюхин С. Р. При реке Кубани, в Карасунском куте, или Ландшафтная экология Екатеринодара в историческом плане. — Краснодар : Кубаньпечать, 1998. — С. 78.

¹⁰⁸ Галкин Г. А., Коровин В. И. «Родословная» реки Кубани // Кубанский краевед. — Вып. 3. — Краснодар, 1992. — С. 186. Бытует и иная версия этимологии гидронима: от адыгского «Карапсын» — родник, меняющий русло.

Стратегические выгоды местности были по достоинству оценены обитавшими здесь еще в IV веке до нашей эры — III веке нашей эры меотами — об этом свидетельствует тот факт, что по обеим сторонам Карасуна, при впадении его в Кубань, находились два меотских городища. Слева от Карасуна располагалось городище, называемое археологами «Городищем КРЭС» (по построенной здесь в 1927 году Краснодарской электростанции)¹⁰⁹. По мнению В. А. Соловьева, валы древнего городища были использованы в 1778 году при возведении здесь по указанию генерал-поручика А. В. Суворова Архангельского фельдшанца — пункта Кубанской укрепленной линии¹¹⁰. Однако Е. Д. Фелицын на «Военно-исторической карте Северо-Западного Кавказа» размещал Архангельский фельдшанец на несколько верст выше Карасунского кута — между возникшими позже куренными селениями (станциями) Старокорсунской и Пашковской¹¹¹. Доподлинно известно, что в конце XVIII — середине XIX века на месте городища находился Главный Екатеринодарский кордон Черноморской кордонной линии, предположительно изначально называвшийся Ореховатым или Главным Ореховатым¹¹², а также меновой двор с карантинном и почтовая станция¹¹³.

¹⁰⁹ *Анфимов И. Н., Анфимов Н. В.* Археологические памятники города Краснодара // Кубанский краевед. — Вып. 3. — С. 20–21.

¹¹⁰ *Соловьев В. А.* Суворов на Кубани ... С. 110.

¹¹¹ Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии : К столетию занятия Тифлиса русскими войсками 26 ноября 1799 г. / под ред. ген.-майора Потто. — Тифлис : Издание военно-исторического отдела при Штабе Кавказского военного округа, 1899. — Приложения. — Военно-историческая карта Северо-Западного Кавказа с обозначением местонахождения несуществующих ныне крепостей, укреплений, постов и главнейших кордонных линий, устроенных русскими войсками с 1774 года до окончания Кавказской войны. Составлена Е. Д. Фелицыным.

¹¹² По мнению В. А. Соловьева (см.: *Соловьев В. А.* Суворов на Кубани ... С. 113), Ореховатый кордон был переименован после того, как появилось имя города. Прямых свидетельств территориальной тождественности Главного Ореховатого и Главного Екатеринодарского кордонов, как и какой-либо топографической привязки Главного Ореховатого кордона, не обнаружено.

¹¹³ *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов ... Т. 4. С. 109–111; ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1. Л. 34–35; Коллекция «Географические и специальные карты Северного Кавказа». Д. 113.

Остатки второго городища, именуемого «Городищем горпарка», располагаются в черте самого Карасунского кута, в нынешнем «Городском Саду». По мнению Н. В. и И. Н. Анфимовых, уже к началу XX столетия сохранялась лишь северная окраина городища¹¹⁴. Остальная же его часть была скрыта при строительстве полотна Новороссийской ветки Владикавказской железной дороги в 1885 году¹¹⁵, а также могла быть частично смыта Кубанью.

В эпоху Средневековья оседлых поселений на территории Карасунского кута и его окрестностей не было — об этом свидетельствует характер культурного слоя, прослеженного в массе обнажений в исторической части города Краснодара. При этом в разных местах встречается разнородный археологический материал VII–XVI столетий, относящийся к различным археологическим культурам и временным отрезкам: к болгарскому варианту салтово-маяцкой культуры Прикубанья¹¹⁶, средневековой археологической культуре адыгов¹¹⁷, половецкому¹¹⁸ и раннему «ногайско-

¹¹⁴ Анфимов И. Н., Анфимов Н. В. Археологические памятники города Краснодара. С. 29.

¹¹⁵ См.: ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 96. Л. 159.

¹¹⁶ Например, двойное погребение с инвентарем VIII–IX веков во дворе по улице имени Леваневского близ пересечения с улицей Пашковской (по сообщениям старшего научного сотрудника отдела археологии Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына — А. З. Аптекарева и старшего научного сотрудника сектора археологии отдела фондов КГИАМЗ А. В. Пьянкова, 1996); керамический материал, найденный в строительном котловане во дворе по улице Октябрьской близ пересечения с улицей Постовой (по сообщению зав. отделом археологии КГИАМЗ А. В. Кондрашева и старшего научного сотрудника отдела археологии КГИАМЗ Н. Ф. Шевченко, 1997); кремационные погребения VII–VIII веков за Карасуном — в районе Кубанского госуниверситета (по сообщению старшего научного сотрудника отдела археологии КГИАМЗ В. А. Тарабанова, 1996).

¹¹⁷ Например, кремационные погребения в красноглиняных урнах X–XII веков на улице Кубанской (по сообщению старшего научного сотрудника отдела археологии КГИАМЗ А. В. Пьянкова, 1997). Н. В. и И. Н. Анфимовы датировали эти погребения VII–VIII веками (см.: Анфимов И. Н., Анфимов Н. В. Археологические памятники города Краснодара. С. 19).

¹¹⁸ Например, погребение половецкого воина XIII века на улице имени 40-летия Победы близ пересечения с улицей Московской (см.: Зеленский Ю. В. Несколько предметов из разрушенного средневекового погребения // Историко-археологический альманах. — Армавир ; М., 1998. — Вып. 4. — С. 141–142).

му»¹¹⁹ периодам, что в целом позволяет сделать вывод о том, что естественную «закрытость» этой местности использовали для стоянок различные кочевые племена и здесь же находили временное пристанище адыги-земледельцы. Помимо обозначенных предметов и комплексов, наличествует значительный массив неатрибутированных или условно атрибутированных средневековых артефактов¹²⁰.

К письменным упоминаниям екатеринодарской предистории относится сообщение дореволюционного историка П. Г. Буткова о том, что в 1743 году в Карасунском куте располагался лагерь отряд, состоящий из донских казаков, драгун и калмыков, сдерживавших вытесненных за Кубань ногайцев¹²¹, и фраза (без ссылки на источник) В. В. Дроздовского: «На месте теперешнего Краснодара много веков тому назад было торгово-рыболовецкое поселение и крепость»¹²². Можно лишь предполагать, что под «крепостью» понималось одно из меотских городищ.

В «Истории Кубанского казачьего войска» Ф. А. Щербина приводит рассказ адыгского историка и общественного деятеля Султана Девлет-Гирея о том, что находившийся к северо-востоку от Карасунского кута лес Круглик был выращен князем Кушьмезуко — владельцем располагавшегося здесь бжедугского аула, большая часть жителей которого после водворения в Карасунском куте черноморцев выселилась в Кабарду¹²³. Известен и рапорт Черноморского Войскового правительства Таврическому губернатору: «...сыскана казаками при реке Кубани в войсковой земле в лесах в Карасунском куте закубан-

¹¹⁹ Например, сосуд из каменной массы XVI–XVII веков, найденный во дворе Дома Союзов по улице имени Бабушкина (собрание КГИАМЗ, КМ-2434).

¹²⁰ Например, железный топор, найденный на улице имени Шаумяна (Рашилевской) близ пересечения с улицей имени Бабушкина (собрание КГИАМЗ, КМ-2413); железный топор, найденный во дворе по улице Офицерской, 43 (собрание КГИАМЗ, КМ-2414); комплекс предметов (керамика, бронзовая цепочка, зеркало, сабля, серп и др.), найденный на улице Артельной (собрание КГИАМЗ, КМ-2422); комплекс предметов (подъемный материал, 1976) из могильника «Гидрострой-1» (собрание КГИАМЗ, КМ-5023).

¹²¹ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1893 год / П. Г. Буткова. — СПб. : Типография Императорской академии наук, 1869. — Ч. 1. — 1869. — С. 512.

¹²² Дроздовский В. В. Екатеринодар у минулому. С. 66.

¹²³ История Кубанского казачьего войска. Т. I. С. 556.

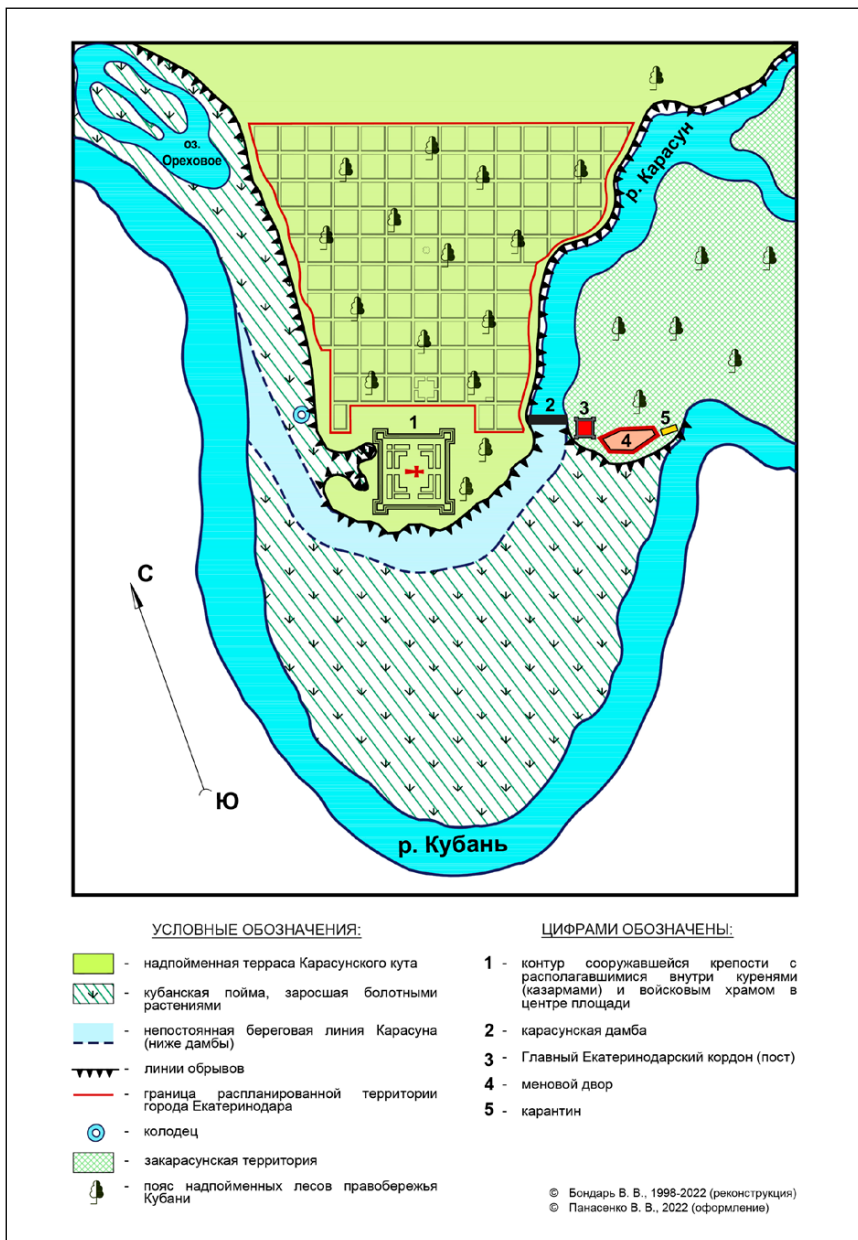

Рис. 3. Схематический план урочища Карасунский кут конца XVIII века (реконструкция автора)

ского мурзы Гаджина Оглу Батых Гирея деревня, в двадцати хатах, с живущими в них черкесами, с их женами, детьми и имением, где и хлеба насеяно множество». В рапорте сообщается, что глава аула просил у Войскового правительства разрешения остаться с аулом на прежнем месте до окончания уборки урожая¹²⁴.

Обобщая приведенные сведения, можно констатировать, что территория Карасунского кута своими естественными стратегическими достоинствами привлекала внимание людей на протяжении многих веков. Это урочище, близкое в плане к вытянутому полуовалу, образованное крутой излучиной Кубани и впадавшим в нее Карасуном, ограничивавшим кут с востока, как нельзя лучше подходило для устройства пограничного поселения, каковым стал и долгое время был Екатеринодар. Большое значение имело также то обстоятельство, что Карасунский кут находился в срединной части устраивавшейся Черноморской кордонной линии.

Черноморские казаки, несомненно, знали о ландшафтных качествах Карасунского кута еще до прибытия сюда отряда атамана Чепеги: в первой половине 1792 года кубанское правобережье было обследовано снаряженной от Черноморского Войска экспедицией под командой войскового есаула М. С. Гулика. В составленную им «Ведомость...»¹²⁵, упомянутую выше, не включалось детальное описание самого берега, поэтому можно лишь предполагать, что о достоинствах местности Гулик доложил руководству Черноморского Войска устно. Возможно также, что в распоряжении казаков-переселенцев имелись карты кубанских земель, составленные военными топографами Кубанского корпуса.

Руководствуясь при выборе места для войскового города исключительно стратегическими соображениями, черноморцы, видимо, не подозревали о чрезвычайно неблагоприятном для постоянного жительства микроклимате урочища Карасунский кут, и этот просчет основателей имел достаточно серьезные и продолжительные последствия.

¹²⁴ *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов ... Т. 3. С. 635. Селение Батыр Гирей упоминалось в списке селений Фанагорийского уезда Таврической губернии еще в 1783 году. См.: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 962. Ч. 2. Л. 229–230.

¹²⁵ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 161. Л. 66–85.

Пригодная для поселения часть полуострова занимала вторую, надпойменную террасу высотой в среднем 28 метров над уровнем моря¹²⁶, выходящую за северную границу собственно Карасунского кута, ограниченного, применительно к концу XVIII — первой половине XIX века, условной линией от Орехового озера, находившегося в северо-западной части города (район нынешней Кубанской набережной при примыкании к ней улиц Карасунской, имени Чапаева, имени Горького) до восточного конца северной балки Карасуна (близ южной оконечности нынешней улицы имени Володарского и юго-западной оконечности улицы Тихорецкой). Практически по всему контуру кута, исключая берег Карасуна, эта терраса была отделена от Кубани болотистой поймой с песчано-илистой почвой, высотой в среднем 21 м. Обширность этой почти сплошь поросшей камышом, осокой и другими болотными растениями поймы¹²⁷ обуславливала поздней весной, летом и ранней осенью постоянную высокую влажность воздуха и обилие гнуса. Надпойменная терраса, на которой строился Екатеринодар, хоть и возвышалась уступом на 6,5–7 метров, была почти горизонтальной, и в ее небольших впадинах, не имевших стока¹²⁸, долго сохранялась вода, которая гнивала и отравляла воздух болотными испарениями. Довершалась картина тем, что густой дубовый лес, покрывавший значительную часть площади Карасунского кута¹²⁹, задерживал испарение влаги после выпадения осадков и препятствовал высушивающему действию ветров.

В первые месяцы существования Екатеринодара на Карасуне, напротив Главного Екатеринодарского поста, для сухопутного сообщения между городом и постом была сооружена плотина¹³⁰, что

¹²⁶ См.: Нивелировочный план гор. Екатеринодара (1912 г.) // ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 155 (высоты приведены по горизонту Азовского моря); Яковлев С. А. Артезианские воды города Краснодара : С 4 черт. геол. профилей, планом гор. Краснодара с нанесением мест буровых скважин. — Краснодар : [б. и.], 1922 (4-я тип. Полиграфтреста). — Приложение.

¹²⁷ Миронов П. В. Краснодар : материалы к естественно-историческому и экономическому познанию города. — Вып. 1. — Краснодар : Кубанск. окр. отд. коммунального хозяйства, 1926. — С. 17.

¹²⁸ Миронов П. В. Екатеринодар ... С. 1; ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 155.

¹²⁹ Миронов П. В. Краснодар ... Вып. 1. С. 16.

¹³⁰ В письме А. А. Головатого З. А. Чепеге от 31 декабря 1796 года «карасунская гребля» (т. е. плотина) упоминается применительно ко времени основания Екатеринодара (см.: Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 35).

привело к регулярному «цветению» и загниванию карасунских вод в жаркие месяцы года и усугубило тяжесть здешнего климата.

Перечисленные обстоятельства приводили, начиная уже с осени 1793 года, к массовым заболеваниям жителей города злокачественной лихорадкой (малярией), с частыми смертельными случаями. Иван Мигрин, один из обитателей «новостроящегося» Екатеринодара, сетовал в своих воспоминаниях, что при выборе места для строительства города «была сделана невознаградимая ошибка... Заметил это и атаман, но уже поздно, когда существование города было утверждено, начаты и окончены некоторые капитальные постройки...». Однако же Мигрин признавал неоспоримые преимущества Карасунского кута в военном отношении¹³¹.

Для городских обитателей лихорадка была настоящим бичом вплоть до начала XX столетия¹³². По словам известного исследователя Екатеринодара (Краснодара) П. В. Миронова, «Екатеринодар награждал своих жителей такой малярией, какую могли выдерживать только хорошо акклиматизировавшиеся аборигены»¹³³.

Через почти девять лет изнурительной борьбы екатеринодарцев с лихорадкой, унесшей к тому времени не одну сотню жизней, 26 марта 1802 года последовал указ Правительствующего Сената: «По совершенно нездоровому местоположению города Екатеринодара Войсковую канцелярию перевести в Тамань, предоставляя однако же, жителям Екатеринодара полную свободу оставаться на месте, или, по возможности, выгоде и удобности, также переселяться в Тамань»¹³⁴. Это означало утрату Екатеринодаром «столичного» положения в Черноморском войске.

Перемещение в новое место населения города и находившихся в нем учреждений и хозяйственных заведений, именуемое в науке трансурбанизацией, — явление в российской истории отнюдь

¹³¹ Мигрин И. И. Похождения, или История жизни Ивана Мигрина, черноморского казака // Русская старина. — 1878. — Т. XXIII. — Сентябрь. — С. 11.

¹³² См.: Бардадым В. П. Этюды о прошлом и настоящем Краснодара. С. 48–49.

¹³³ Миронов П. В. Екатеринодар ... С. 9.

¹³⁴ Туренко А. М. Исторические записки о войске Черноморском: [Со времени последнего онога на всемилостивейше пожалованной земле по 1831 год] / А. М. Туренко. — Киев : Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамом, 1887. — С. 60.

не редкое. Так, из-за постоянных подтоплений во время разливов Дона в начале XIX века Донская Войсковая канцелярия и резиденция войскового атамана были переведены из Черкаска во вновь основанный Новочеркасск; при этом бывшая столица Войска Донского потеряла статус города и стала называться станицей Старочеркасской¹³⁵. Три раза менял место Оренбург: первоначально он находился на месте города Орска (бывшая станица Орская Оренбургского казачьего войска), откуда был перенесен ниже по реке Яик, к Красной горе; с этого места город был перенесен (оставив на прежнем месте Красногорскую крепость, преобразованную позже в станицу) в третий раз — на свое нынешнее место (в 1743 году)¹³⁶.

В соответствии с упомянутым указом подобное должно было произойти и с Екатеринодаром, однако уже 28 июня 1802 года Черноморское войско «всходило со Всеподданнейшим прошением» следующего содержания: «Город Екатеринодар, лежащий в самой середине Высочайше пожалованной земли, превосходит Тамань изобильными войсковыми заведениями и благоустройством в домоводстве и хлебопашестве... и живущие в нем старшины и казаки, приобъкши, не имеют повальных болезней, а для лучшего еще очищения воздуха и лежащую при городе болотистую речку Карасун употребим все деятельные меры провести течением через посредство каналов в реку Кубань... по вышеприведенным обстоятельствам все Войска Черноморского чиновники и казаки, утвердся жилищами своими в городе Екатеринодаре и окружности оною с довлеемой осторожностью, невзирая ни на какие препятствия, верноподданнически... просили: не угодно ли будет... оставить Войсковую канцелярию в Екатеринодаре»¹³⁷.

Всего через две с небольшим недели, 14 июля 1802 года, император Александр I отправил Новороссийскому военному губернатору генерал-аншефу И. И. Михельсону (которому тогда было подчинено Черноморское войско) рескрипт: «...повелеваю перевод Войсковой канцелярии в Тамань отменить и оставить оную в Екатеринодаре по-прежнему»¹³⁸.

¹³⁵ Лунин Б. В. Очерки истории Подонья-Приазовья. Кн. 2. С. 167–168.

¹³⁶ Столянский П. Н. Город Оренбург : материалы к истории и топографии города. — Оренбург : Изд-во Оренб. губ. тип., 1908. — С. 18–22.

¹³⁷ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 54. Л. 2.

¹³⁸ ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 21. Л. 11.

Похожая история произошла в 1821 году, когда перенести столицу Черноморского войска в Медведовское куренное селение предложил командир Отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии А. П. Ермолов, которому не понравилось положение Екатеринодара «на виду у неприятеля», однако длившаяся четыре года переписка по этому вопросу результатов не дала — Войсковая канцелярия проект отвергала, и в ноябре 1825 года дело было закрыто¹³⁹.

1.4. Екатеринодар конца XVIII века: типологические характеристики

В краеведческой, научно-популярной и даже научной исторической литературе до сих пор бытует ошибочное мнение об основании Екатеринодара как крепости и длительном его существовании в качестве города-крепости¹⁴⁰. Происходит оно, очевидно, из того обстоятельства, что в XVIII веке в Российской империи многие приграничные города основывались именно как крепости, но позже приобретали статус города и выполняли городские функции.

В отличие от большинства крепостей, население которых изначально составлял исключительно гарнизон (как, например, Ставрополь, Кизляр)¹⁴¹, практически все города-крепости, занимавшие в иерархии укрепленных поселений верхнюю ступень, выполняли, помимо стратегической, еще и функции административного и экономи-

¹³⁹ ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 21. Л. 16–18.

¹⁴⁰ См., например: *Солодухин Л. А., Куценко Я. И., Чучмай Г. Т.* Краснодар. С. 28, 31; *Куприянова Л. В.* Города Северного Кавказа во второй половине XIX века: К проблеме развития капитализма вширь. — М.: Наука, 1981. — С. 29; *Шевченко Г. Н.* Социально-экономическая структура городов Кубани в дореформенный период. С. 4; Краснодар // Города России: энциклопедия. С. 217; *Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г.* — Краснодар: Советская Кубань, 1996. — С. 178; *Туаева Б. В.* Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразований второй половины XIX — начала XX в. — Владикавказ: ИППС СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2013. — С. 67.

¹⁴¹ См.: *Прозрителев Г. Н.* Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии // Сборник сведений о Северном Кавказе / под ред. Г. Н. Прозрителева. — Т. 7. — Ставрополь: Тип. губернского правления, 1912. — Паг. 2. — С. 1–9.

ческого центра осваивавшегося края (например, Омск, Оренбург)¹⁴². Город Екатеринодар, основанный как центр Земли Войска Черноморского, изначально сосредоточивал в себе военно-административные функции и со временем приобрел экономические функции, однако отнесение его к городам-крепостям представляется неверным по целому ряду причин¹⁴³.

Во-первых, в документах Войскового правительства вопрос о необходимости строительства крепости был поставлен лишь в марте 1794 года¹⁴⁴, хотя до этого уже строились курени (в данном случае — казармы, казачьи «общежития»¹⁴⁵), «покои» для Войскового правительства и т. п.¹⁴⁶ Во-вторых, укрепление, контур которого в целом оформился лишь к 1797 году¹⁴⁷, не мог считаться крепостью ввиду отсутствия ряда обязательных фортификационных элементов. По словам кубанского историка Б. Е. Фролова, в иерархии укреплений Екатеринодарская крепость «...более всего соответствовала фельдшанцам — земляным укреплениям замкнутого типа. Статус крепости ей придавали размеры и местоположение в войсковой столице»¹⁴⁸. Показательно, что на рукописной «Карте Полуденной части России с показанием имеющих по оной крепостей»¹⁴⁹, составленной в 1794–1796 годах, где на Кубани обозначены Фанагорийская, Усть-Лабинская, Кавказская и Прочноокопская крепости,

¹⁴² См.: Юрасова М. К. Омск : очерки истории города. — Омск : Кн. изд-во, 1983. — С. 19–27 ; Райский П. Д. Путеводитель по гор. Оренбургу с очерком его прошлого и настоящего, иллюстрациями и планом. — Оренбург : Губ. тип., 1915. — С. 31–44.

¹⁴³ См.: Бондарь В. В. О распространенных ошибках в освещении ранней истории Екатеринодара // Культурная жизнь Юга России. — 2009. — № 1. — С. 64–67.

¹⁴⁴ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–3.

¹⁴⁵ Курень // Энциклопедический словарь по истории Кубани ... С. 240.

¹⁴⁶ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 239. Л. 13 ; Дмитренко И. И. Сборник исторических материалов ... Т. 3. С. 649.

¹⁴⁷ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 354. Л. 5.

¹⁴⁸ Фролов Б. Е. К истории реставрации оборонительных сооружений Екатеринодарской крепости // Историко-археологический альманах. — Армавир ; М., 1997. — Вып. 3. — С. 161.

¹⁴⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 342. № 951.

а о Григориполисской и Тифлисской сказано, что они строятся, и отдельно показаны планы крепостей, Екатеринодарская крепость не упомянута.

В-третьих, с точки зрения пространственной организации город-крепость представляет собой поселение, находящееся внутри контура укрепления (стен, валов), как, например, Елизаветград, Александровск, Омск, Оренбург¹⁵⁰. Екатеринодарская же крепость территориально не смыкалась с городом, будучи отделенной эспланадой, и была лишь, по выражению Таврического губернатора С. С. Жегулина, «прикрытием его... со стороны Кубани»¹⁵¹. Стоит добавить, что современники и дореволюционные историки не называли Екатеринодар городом-крепостью, а употребляли выражения: «Крепость отстоит от города на ружейный выстрел»¹⁵², «Южная оконечность его (города. — *Авт.*) занята... земляною крепостью», «От крепости к северу, за обширную площадью... раскинулся собственно город»¹⁵³, «...город Екатеринодар и при нем крепость...»¹⁵⁴, «...в передней части города... крепость»¹⁵⁵ и т. п.

Екатеринодар «войскового» периода его истории относится к типу городов, в которых укрепление в пространственном отношении не было единым целым с самим поселением. В этом смысле он отчасти подобен Моздоку, особенность которого состояла в том, что валы и рвы были устроены вокруг уже существовавшего поселе-

¹⁵⁰ См.: Шквариков В. А. Планировка городов России XVIII и начала XIX века. — М. : Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1939. — С. 66–67, 71, 197, 228–229 ; Крашенинникова Н. Л. Принципы планировки регулярных городов-крепостей XVIII в. : На примере Оренбурга // Архитектурное наследство. — 1973. — № 21. — С. 13–30.

¹⁵¹ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 3. Л. 56 об.

¹⁵² Сбитнев И. Воспоминания о Черномории // Украинский журнал. — Харьков, 1825. — Ч. 6, № 11–12. — С. 313.

¹⁵³ Воронов Н. Черноморские письма // Русский вестник : журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. — Т. 7, № 1. — М. : В типографии Каткова и К°, 1857. — Паг. 2. — С. 71.

¹⁵⁴ Короленко П. П. Кубанские казаки // Кубанский сборник : тр. Кубан. обл. статист. комитета / под ред. В. А. Щербины. — Т. 3. — Екатеринодар : Тип. А. П. Сташевского, Э. Х. Килиуса и Кубан. обл. правления, 1894. — Паг. 3. — С. 16.

¹⁵⁵ История Кубанского казачьего войска. Т. I. С. 556.

ния¹⁵⁶, Ростову-на-Дону, образовавшемуся в процессе постепенного территориального срастания поселений при Темерницкой таможене и крепости Святого Дмитрия Ростовского¹⁵⁷, Тирасполю, где городское поселение находилось на расстоянии от крепости¹⁵⁸, и др.

Осваивать территорию основанного ими города казаки-первопоселенцы начали с юго-восточной части Карасунского кута, по правому берегу реки Карасун и на расстоянии нескольких сот метров к западу и северу от него. На этой небольшой территории сложилась первоначальная селитебная и одновременно административная зона войскового центра.

Ордером от 19 ноября 1793 года атаман Чепега предписывал городничему Волкорезу «разделя град, по усмотрению вашему, на кварталы, и учредя с общества квартальных, смотреть за жителями, дабы они по данному вашему плану во граде строили порядочно»¹⁵⁹. Таковой план, видимо, составлен не был, и первоначальная застройка была беспорядочной: на «Генеральном плане города Екатеринодара», помещенном в рукописном «Атласе Новороссийской губернии» 1799 года, составленном землемером П. Чуйко, помимо регулярной сетки кварталов, в восточной части города, близ берега Карасуна, показан небольшой массив хаотично располагавшихся строений¹⁶⁰.

Как большинство российских городов, основанных в XVIII веке, Екатеринодар при межевании местности для застройки получил регулярную планировку. В то время планы городов вычерчивались как законченный геометрический рисунок, с учетом природных условий: рельефа, водоемов, растительности, и утверждались к исполнению, после чего местность в соответствии с планом разбивалась на кварталы¹⁶¹. По образовавшейся сетке кварталов велась в дальнейшем застройка города.

Съемку Карасунского кута на карту в апреле 1794 года произвел прибывший из Симферополя землемер Самбулов¹⁶². Эта не дошедшая

¹⁵⁶ Шквариков В. А. Планировка городов России ... С. 210.

¹⁵⁷ Краснянский М. Б. Прошлое Ростова-на-Дону по городским планам. — Ростов н/Дону: Скл. изд. у авт., 1912. — С. 8–12.

¹⁵⁸ Шквариков В. А. Планировка городов России ... С. 69.

¹⁵⁹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 239. Л. 87.

¹⁶⁰ РГВИА. Ф. ВУА. № 20159. Ч. 2. Л. 39.

¹⁶¹ Шквариков В. А. Планировка городов России ... С. 49.

¹⁶² ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 283. Л. 2.

до нас карта, видимо, послужила основой для утвержденного Таврическим губернатором С. С. Жегулиным «сочиненного о строении города Екатеринодара плана», по которому было разрешено «разбить места и начать строение», для чего в Екатеринодар в начале сентября 1794 года прибыл «искусство сие совершенно знающий» землемер прапорщик Гетманов¹⁶³. Начавшись 18 сентября 1794 года, межевание территории урочища между реками Карасун и Кубань, кубанской поймой на юге и условной границей на севере, проходившей примерно по линии современной улицы имени Горького, проводившееся силами жителей Екатеринодара под контролем городничего, закончилось в конце января 1795 года¹⁶⁴.

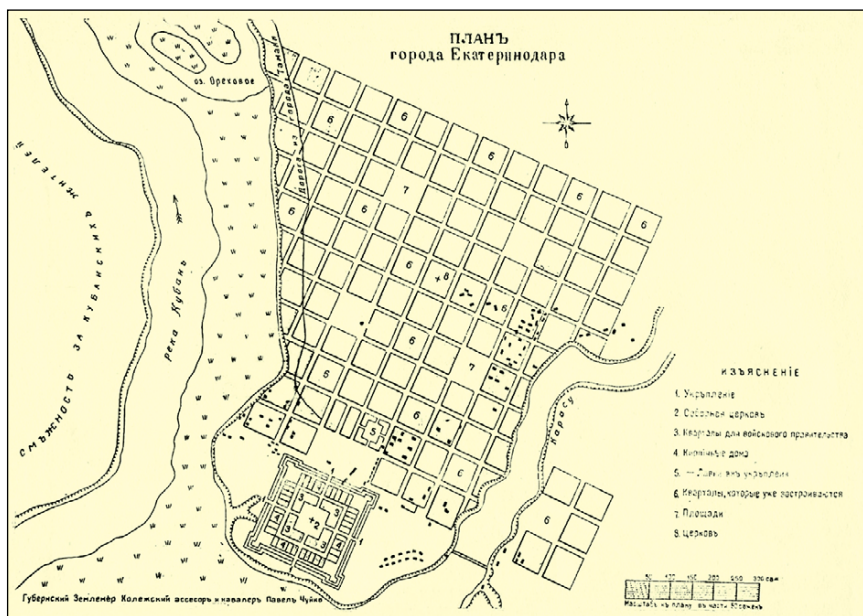

Рис. 4. План города Екатеринодара [1797–1799]. Из рукописи «Атлас Новороссийской губернии». 1799 год (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 20159. Ч. 2. Л. 39)

Для планировки Екатеринодара, как большинства городских поселений, имевших военный характер, был выбран самый простой

¹⁶³ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 3. Л. 56 ; Там же. Д. 24. Л. 79.

¹⁶⁴ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 208. Л. 203 об. ; Там же. Ф. 250. Оп. 1. Д. 3. Л. 109 об.–110 ; Там же. Д. 24. Л. 79.

из применявшихся в России XVIII — начала XIX века композиционный прием регулярной планировки: ортогональная разновидность прямоугольного плана¹⁶⁵. Он сводился к однообразному схематичному расчерчиванию местности по идентичным клеткам с тем, чтобы улицы были параллельны и перпендикулярны, а кварталы имели форму квадрата и были одинаковы по размерам. Такая планировка подразумевала, как правило, линейный центр — главную осевую улицу. Подобную планировку получили города Кизляр, Кременчуг, Моздок, Нахичевань, Осташков, Прилуки, Черкасск¹⁶⁶.

Самый ранний из сохранившихся планов города, датированный мартом 1795 года¹⁶⁷, дает представление о первоначальном композиционном замысле, которым предусматривалось создание нелинейного композиционного ядра путем формирования центральной и четырех равноудаленных от нее второстепенных площадей, расположенных по углам квадрата, стороны которого составляли по пять кварталов. План этот был воплощен лишь частично: в последующие годы оформились (и существуют до сих пор) лишь три из пяти предполагавшихся площадей — центральная и две, расположенные к югу от нее. Диагонально-крестовая композиция ядра не состоялась, вместо нее в рамках той же ортогональной сетки кварталов сложилась линейная, с главной композиционной осью — улицей Красной.

Причинами, видимо, послужили два обстоятельства. Первое — возможность территориального роста города исключительно в северном направлении, что было обусловлено ландшафтными качествами Карасунского кута, и второе — расположением оформившейся к 1797 году крепости, занявшей пространство на расстоянии одного квартала к югу от распланированной территории города. Стороны этой земляной, квадратной в плане крепости длиной были равны трем городским кварталам, а центральная ось совпадала с линией улицы

¹⁶⁵ См.: Шквариов В. А. Планировка городов России ... С. 228, 230, 237–239 ; Саваренская Т. Ф., Швидковский Д. О., Петров Ф. А. История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм. — М. : Стройиздат, 1989. — С. 116 ; Проскурякова Т. С. О регулярности в русском градостроительстве XVIII–XVIII вв. // Архитектурное наследие. — 1980. — № 28. — С. 41–46.

¹⁶⁶ Шквариов В. А. Планировка городов России ... С. 163, 210, 211, 227, 230, 231.

¹⁶⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21924.

Красной, к которой были обращены южные ворота. Таким образом, крепость была смещена к западу относительно изначально предполагавшейся оси юго-северного направления, где была запланирована центральная площадь с храмом.

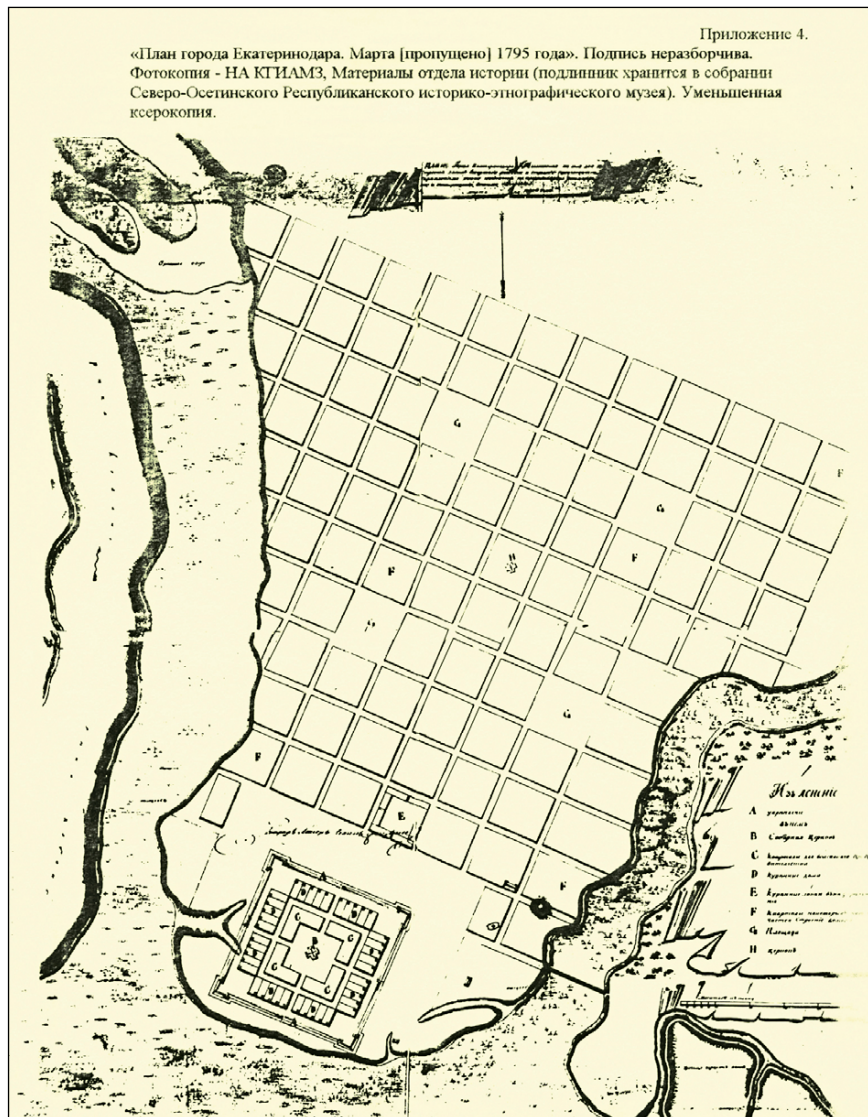

Рис. 5. План Екатеринодара. Марта 1795 года (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21924)

О том, как застраивался Екатеринодар в первые годы своего существования, сохранилось чрезвычайно мало сведений, причем имеющиеся отрывочны и неконкретны. Из «Ведомости о живущих в городе Екатеринодаре старшинах и казаках, с означением кто какой художник и имеет ли свой дом или нет», составленной городничим Д. С. Волкорезом 11 ноября 1794 года, следует, что в городе на тот момент, при 580 жителях, из которых 42 не имели собственного жилья, было 154 «землянки», 74 хаты «на версе» и 9 домов¹⁶⁸. Землянками называли глинобитные жилища, заглубленные в землю до половины и более высоты стен, хатами «на версе» (т. е. «наверху») обозначались наземные постройки, а «домами» составитель «Ведомости...», очевидно, считал жилища, отличавшиеся от хат большими размерами и числом комнат.

Главным строительным материалом в Карасунском куте первоначально служил лес, заготовка которого в первые месяцы жизни города велась столь интенсивно, что могла привести к полному обезлесению местности. В марте 1794 года был издан указ Войскового правительства о запрещении рубки леса, «кроме самонужнейших потребностей»¹⁶⁹, а в январе следующего года для надзора за использованием лесных угодий в городе была учреждена специальная должность «лесмейстера», и первому назначенному на нее — капитану Гелдишу — были определены три помощника¹⁷⁰. Примерно с этого времени в Екатеринодаре стали возводиться преимущественно турлучные и саманные жилища, что впоследствии сделало его похожим на куренные селения Черномории: традиционные способы постройки таких жилищ были принесены казаками из Малороссии, где основным строительным материалом в степных и лесостепных районах издавна служила глина¹⁷¹.

После разбивки города на кварталы Войсковое правительство приступило к распределению между жителями участков под застрой-

¹⁶⁸ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 283. Л. 9–16.

¹⁶⁹ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 1. Л. 274.

¹⁷⁰ ГАКК. Д. 24. Л. 79.

¹⁷¹ См.: Этнография восточных славян: очерки традиционной культуры / [К. В. Чистов, М. Г. Рабинович, М. Н. Шмелева и др.] ; гл. ред. Ю. В. Бромлей ; отв. ред. К. В. Чистов ; [АН СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая]. — М. : Наука, 1987. — С. 226.

ку. Прошения об отводе плановых мест стали поступать уже с февраля 1795 года, причем было достаточно много желавших строить не только дома, но и ремесленные мастерские или лавки и склады при них. Например, в числе прочих прошения подали казаки Андрей Комисаренко — «под строение в городе Екатеринодаре место, где сапожникам отведено», Афанасий Ремез — «на хату и кузню с прочими в ряду», войсковой казначей майор Федор Яковлевич Бурсак (будущий войсковой атаман Черноморского казачьего войска): «Имею я желание выстроить в городе Екатеринодаре жилой дом и при нем лавки...»¹⁷²

Постепенно Екатеринодар приобретал черты, которые, помимо административного значения, выдвигали его из общего ряда поселений Черноморского войска. Еще в марте 1794 года здесь были учреждены четыре ежегодные ярмарки¹⁷³, а в начале 1796 года начал функционировать меновой двор с карантинном для торговли казаков с горцами¹⁷⁴ — этого было достаточно, чтобы Екатеринодар приобрел значение торгового центра осваивавшегося края. С первых же дней своего существования Екатеринодар был пунктом, куда стекалась и откуда исходила официальная и частная корреспонденция (см. выше), а в июле 1794 года здесь, в числе прочих, была учреждена почтовая станция¹⁷⁵. В январе 1795 года в городе были учреждены ремесленные цеха во главе с выборными цехмейстерами¹⁷⁶, пожарная команда¹⁷⁷, к концу столетия — госпиталь¹⁷⁸ и Екатеринодарское духовное правление¹⁷⁹; в крепости, на площади, со времени водворения черноморцев находился главный войсковой храм — походная Свято-Троицкая церковь, и ему на смену строился войсковой Воскресенский собор¹⁸⁰.

¹⁷² ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 24. Д. 27–28 ; Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 31. Л. 66.

¹⁷³ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 1. Л. 260 об.

¹⁷⁴ *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов ... Т. 4. С. 109–111.

¹⁷⁵ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 338. Л. 2

¹⁷⁶ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 24. Л. 39–40.

¹⁷⁷ ГАКК. Л. 208 об.–209.

¹⁷⁸ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1. Л. 210–211.

¹⁷⁹ ГАКК. Л. 114.

¹⁸⁰ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 62. Л. 206 об.–207, 234–235 ; *Короленко П. П.* Екатеринодарский Войсковой собор ... С. 71.

Исходя из приведенных фактов, можно констатировать, что к началу XIX века город Екатеринодар выполнял в масштабе Земли Войска Черноморского военно-административную, коммуникативную и торговую функции, с наметившейся функцией религиозного центра. В масштабе Российской империи Екатеринодар приобрел значение военно-колониционного центра присоединенного Правобережья Кубани. При относительной автономности Черноморского войска в вопросах жизнеустройства, в организации городского хозяйства и управления населением Екатеринодара прослеживается стремление войскового начальства следовать установлению екатерининской Жалованной грамоты от 30 июня 1792 года: «...чтобы земское управление сего войска, для лучшего порядка и благоустройства, соображаемо было с изданными от нас учреждениями об управлении губерний»¹⁸¹.

¹⁸¹ ПСЗ. — Собр. 1. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. — Т. XXIII, № 17055. — С. 343.

Глава 2

СПЕЦИФИКА ЕКАТЕРИНОДАРА КАК ВОЙСКОВОГО ГОРОДА

2.1. Официальный статус населения города

Екатеринодар возник в то время, когда устройство и управление городов в России основывалось на одном из наиболее значительных документов законодательства Екатерины Великой — «Жалованной грамоте на права и выгоды городам Российской империи», изданной 21 апреля 1785 года¹⁸². Утверждая характерные для эпохи Просвещения представления о регулярном государстве с сословной структурой, «Грамота...» определяла всесословный порядок городского управления (просуществовавший до 1870 года), при котором все «градское общество» разделялось на шесть разрядов, соответствовавших сословным группам: «настоящих городских обывателей» (имеющих в городе недвижимость), «гильдейских граждан», «цеховых граждан», «именитых граждан» (к которым относились выборные чиновники, дипломированные ученые и художники, банкиры, оптовые торговцы, «кораблехозяева» и «лица, объявившие капитал свыше 50 тысяч рублей»), «иногородних и иностранных гостей» и «посадских» (т. е. всех остальных). Фактически законодательно были зафиксированы два городских сословия — купечество и мещанство¹⁸³.

Грамотой устанавливалась и система городского самоуправления с выборными органами — Общей городской думой и Шестиглас-

¹⁸² ПСЗ. — Собр. 1. — Т. XXII. — СПб. : Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — № 16187 (16188). — С. 358–384.

¹⁸³ *Кизеветтер А. А.* Городовое положение Екатерины II 1785 г. : Опыт исторического комментария. — М. : Типография Императорского Московского университета, 1909. — С. 336–344 ; *Кафенгауз Б. Б.* Город и городская реформа 1785 г. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. / под ред. А. И. Барановича, Б. Б. Кафенгауза, П. К. Алефиренко, Ю. Р. Клокмана, Е. Н. Кушевой. — М. : Изд-во АН СССР, 1956. — С. 151–165 ; *Catherine II's charters of 1785 to the nobility and Towns.* — Bakersfield : Charles Schlacks, Jr., Publ., 1991.

ной думой, депутаты в которую избирались по шести разрядам. Города получали право сбора определенных налогов и на их основе, наряду с установленными государственными отчислениями, формировать городскую казну¹⁸⁴.

При таких законодательных обстоятельствах города, расположенные на землях казачьих войск, оказывались вне общероссийского городского устройства. Казачество, как замкнутое полупривилегированное военно-служилое сословие, обладало исключительным феодальным правом собственности на территории, отведенные для поселения казачьим войскам. При этом каждое войско номинально выступало монолитной общиной-собственником войсковых земель, делившихся на собственно «войсковые» и «станичные», т. е. принадлежавшие станичным (в Черноморском войске до 1842 года — куреным) общинам. Представители же других сословий империи никаких прав собственности в пределах территории войска не имели и могли здесь проживать лишь временно¹⁸⁵.

Город Екатеринодар — административный Черноморского казачьего войска, имевшего, по формулировке Министерства юстиции Российской империи, «значение самостоятельного субъекта прав поземельной собственности, явствующее из Жалованной грамоты Екатерины II (от 30 июня 1792 года. — *Авт.*)»¹⁸⁶, был основан и изначально заселен исключительно черноморскими казаками. Из этого следует, что отдельной от войска городской казны, всесословного

¹⁸⁴ См.: Городское или среднее состояние русского народа, в его историческом развитии, от начала Руси до новейших времен / сост. Л. О. Плошинским, преподавателем законоведения в дворянском полку. — СПб. : Тип. Э. Веймара, 1852. — С. 242–284; *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов России. В 2 т. Т. 1. Ведение. Города России в XVIII столетии. — СПб. : Типография П. П. Меркульева, 1875. — 508, III с. С. 415–431; Российское законодательство X–XX веков : в 9 томах / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О. И. Чистякова. — Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. засл. деятель РСФСР, д-р ист. наук Е. И. Индова. — М. : Юрид. лит., 1987. — С. 68–136.

¹⁸⁵ Столетие Военного министерства: 1802–1902. — Т. IX. — Часть 4 : Землеустройство казачьих войск : ист. очерк / гл. ред. ген. от кавалерии Д. А. Скало ; сост. Н. А. Чернощеков. — СПб. : Тип. т-ва М. О. Вольф, 1911; *Кабузан В. М.* Население Северного Кавказа ... С. 41, 95.

¹⁸⁶ РГИА. Ф. 1287. Оп. 40. Д. 2257. Л. 66–66 об.

«градского общества» и, соответственно, избранных из этого общества Общей и Шестигласной дум в городе быть не могло ввиду отсутствия на территории войска сословий, считавшихся городскими. В официальных документах отмечалось, что «купцов и мещан ни в Екатеринодаре, ни в округах Земли Войска Черноморского, на постоянном жительстве нет... В Войске Черноморском других жителей, кроме войсковых обывателей, нет»¹⁸⁷. Несмотря на то что в внутри черноморского казачества выделялась старшина, причисленная со временем к российскому дворянству, ремесленники, торговцы и т. д., в масштабе государства войсковое сословие считалось однородным и единым¹⁸⁸. Эти обстоятельства определили особый характер внутреннего и внешнего управления Екатеринодаром, а также официальный статус его жителей.

Согласно Переписи прибывших на Кубань для поселения черноморцев, составленной по состоянию на 21 марта 1794 года, жителями Екатеринодара считались лишь находившиеся «при войсковой Свято-Троицкой церкви» иерей и диакон, каждый со своей женой, т. е. всего четыре человека¹⁸⁹. Прочие же поселенцы — «первостроители» города — официально не считались его жителями ввиду того, что каждый из них числился в своем курене. Этот факт следует из упоминавшейся «Ведомости о живущих в городе Екатеринодаре...» от 11 ноября 1794 года, где при фамилиях казаков обозначены курени (куренные селения), в списках которых они состояли. Даже спустя почти три десятилетия в описании Черномории, составленном в 1821–1822 годах, о жителях Екатеринодара было сказано, что «все они разных куреней, а потому числятся каждый в своем куренном селении, а здесь только жительствоуют и занимаются сверх отправления службы частью торговою промышленностью, а больше хле-

¹⁸⁷ См., например: Статистические сведения о Кавказской области и Земле Войска Черноморского // Журнал Министерства внутренних дел. — СПб., 1830. — Ч. 2, кн. 3. — С. 197, 203.

¹⁸⁸ См.: Шевченко Г. Н. Черноморское казачество в конце XVIII — первой половине XIX вв. : Сослов. строй. Социал. отношения / Кубан. гос. ун-т. — Краснодар : КГУ, 1993. — С. 49.

¹⁸⁹ ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11328. Л. 6, 12–13 ; Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII века : исторические документы / [сост.: Н. В. Малеева и др.]. — Краснодар : Диапазон-В, 2006. — С. 26.

бопашеством и скотоводством»¹⁹⁰. И лишь с введением в 1828 году в Екатеринодаре собственного куренного управления жители города были причислены к образованным куреням, а с 1842 года — к станице Екатеринодарской¹⁹¹.

Сословная замкнутость населения Черномории, необходимость несения казаками кордонной службы, высокая смертность, вызванная неблагоприятным климатом и частыми эпидемиями, при невысокой рождаемости, обусловленной в первую очередь малой долей женщин среди обитателей войсковой столицы¹⁹², слабый приток переселенцев (зачислявшихся в казачье сословие)¹⁹³ обусловили замедленный рост численности жителей Екатеринодара.

В отличие от большинства поселений Черномории, расположенных в глубине войсковой земли, Екатеринодар находился непосредственно на границе и подвергался частым набегам закубанских горцев. Это обстоятельство вынуждало многих екатеринодарцев, не занятых службой на кордонах или находившихся в ожидании служебной очереди, покидать город и заводить хутора в более спокойных местах. В результате население Екатеринодара, несмотря на его столичное положение в войске, имело показательно малый удельный вес в Черномории.

Рост численности населения Екатеринодара в сопоставлении с данными по Черномории отражает табл. 1.

¹⁹⁰ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 412 ; Ф. 318. Оп. 2. Д. 1. Л. 194.

¹⁹¹ См.: *Бондарь В. В.* Екатеринодар — войсковой город (1793–1867 гг.) // Вопросы отечественной истории : сб. науч. тр. — Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 1995. — С. 39–40.

¹⁹² В первое десятилетие XIX века женщины составляли лишь треть населения Екатеринодара: в 1805 г. — 35,2 %; в 1811 г. — 35,7 % (подсчитано по материалам ГАКК: Ф. 249. Оп. 1. Д. 498. Л. 1 ; Ф. 250. Оп. 2. Д. 203. Л. 213), и лишь в начале 1820-х гг. их доля приблизилась к половине: 1821–1822 гг. — 44,2 %, 1845 г. — 45 %, 1851 г. — 46,6 % (ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 1. Л. 194 ; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1764. Л. 27, 203–206 ; Д. 1897. Л. 304). Примечательно, что войсковая администрация запрещала женщинам «войскового сословия» выходить замуж за «лиц, не принадлежащих к сему войску» (см.: ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1537. Л. 1–2).

¹⁹³ См.: *Кабузан В. М.* Население Северного Кавказа ... С. 41, 52–54, 68, 69, 76–78.

**Численность населения города Екатеринодара
и Земли Войска Черноморского¹⁹⁴**

Год	Население Земли Войска Черноморского, чел.	Население города Екатеринодара, чел.	Доля населения Екатеринодара в населении Земли Войска Черноморского, %
1794	12 645	580	4,6
1807	30 511	1437	4,7
1811	58 191	2345	4,0
1821	72 361	2312	3,2
1842	120 585	7715	6,4
1851	155 282	10 554	6,8
1864	558 тыс. (данные по Кубанской области)	13 554	2,4
1867	600 тыс. (данные по Кубанской области)	14 167	2,4

Не выделялся Екатеринодар числом жителей и в ряду городов Северного Кавказа, находясь приблизительно посередине. В 1825 году, имея 4312 жителей, Екатеринодар превосходил уездный город Кавказской области Георгиевск (2347 человек) и новый центр этой области Ставрополь (3603 чел.), уступая старым городам Кизляру и Моздоку (9106 и 6424 чел. соответственно)¹⁹⁵. В 1856 году менее населенными, чем Екатеринодар (численность населения которого, увеличившись в 2,1 раза, составила 8919 чел.), были еще не имевший статуса города

¹⁹⁴ Данные о населении Черномории приводятся по: Кабузан В. М. Население Северного Кавказа ... С. 41, 142, 170; о населении Екатеринодара — по: Кабузан В. М. Население Северного Кавказа ... С. 171 ; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 283. Л. 9, 10–16 (1794 г.); Д. 539. Л. 5–6 об (1807 г.); Ф. 250. Оп. 2. Д. 203. Л. 213 (1811 г.); Ф. 318. Оп. 2. Д. 1. Л. 194 (1821 г.); Ф. 249. Оп. 1. Д. 1897. Л. 304 (1851 г.); Д. 2364. Л. 433–434 (1864 г.); Ф. 252. Оп. 2. Д. 1760 (1867 г.). Применительно к 1864 и 1867 годам данные приводятся по Кубанской области, с учетом населения территорий, присоединенных к Черномории в 1860 году.

¹⁹⁵ Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 году / сост. М. П. Штер. — СПб. : Тип. И. Глазунова, 1829. — С. 16–17, 24–25, 32–33, 46–47, 72–73.

Владикавказ (3655 чел. в 1852 г.¹⁹⁶) и ставший заштатным городом Георгиевск (5595 чел.), а превосходил его числом жителей быстро выросший губернский город Ставрополь, находившийся в центре Главного Кавказского торгового тракта, насчитывавший 17 309 жителей (в 4,8 раза больше, чем в 1825 году), а также Кизляр и Моздок, в которых проживало соответственно 10 075 и 9953 чел. (коэффициенты прироста — 1,1 и 1,6)¹⁹⁷. Показательно, что основанный в 1848 году город Ейск, территория которого была изъята из состава земель Черноморского казачьего войска и заселялась лицами податных сословий, уже на 13-м году своего существования, т. е. в 1861 году, имел 22 447 жителей¹⁹⁸, тогда как в ограниченном «моносословностью» главном городе Черномории в том же году было лишь 10 397 постоянных обитателей¹⁹⁹. С этим показателем Екатеринодар был на тот момент третьим в ряду городов, население которых относилось к казачьему сословию, вслед за столицей Земли Войска Донского Новочеркасском, насчитывавшим 18 586 жителей²⁰⁰, и Уральском — главным городом Уральского казачьего войска, в котором числилось 10 820 человек²⁰¹.

2.2. Особенности административного устройства и организации городской власти

Помимо специфики состава населения, Екатеринодар со времени основания имел происходящий из этой специфики ряд особенностей административного устройства и порядка управления населением.

¹⁹⁶ Статистические очерки некоторых городов Кавказа и Закавказского края // Кавказский календарь на 1852 год. — Тифлис : Тип канцелярии Наместника Кавказского, 1851. — С. 314.

¹⁹⁷ Статистические таблицы Российской империи за 1856 год, составленные и изданные по распоряжению Министра внутренних дел статистическим отделом Центрального Статистического комитета. — Вып. 1. — СПб. : Тип. II-го отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1858. — С. 223–225, 227.

¹⁹⁸ ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 26 ; Тюников К. В. Ейск. — СПб. : Зеленогорский вестник, 1992. — С. 5.

¹⁹⁹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 162. Л. 145–146.

²⁰⁰ См.: Городские поселения в Российской империи / [сост. по приказанию М-ва внутренних дел]. — СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1860–1865. — Т. 2. — 1861. — С. 125 (Данные за 1858 год).

²⁰¹ Городские поселения в Российской империи. — Т. 3. — 1863. — С. 513.

Уже 20 октября 1793 года кошевой атаман назначил первого екатеринодарского городничего²⁰². Согласно «Учреждениям для управления губерний Всероссийской империи» 1775 года, городничим именовалось должностное лицо — глава административно-полицейской власти уездного города²⁰³. Екатеринодар же, несмотря на столичное положение в войске, в масштабах государства изначально считался уездным городом — центром Фанагорийского (позже Тмутараканского) уезда Таврической области (позже губернии), а собственно уезд составляла территория расселения черноморских казаков²⁰⁴. Эта административно-территориальная принадлежность «по гражданской части» сохранялась до апреля 1820 года, когда Черноморское войско было причислено к Отдельному Грузинскому корпусу²⁰⁵.

Упомянувшимся выше Орденом № 1676 от 19 ноября того же года атаман определил круг обязанностей городничего: разделение города на кварталы (в данном случае — административно-полицейские территориальные единицы, включающие несколько кварталов — элементов планировочной структуры) и назначение в них квартальных надзирателей, контроль за отводом мест для строительства в соответствии с планом застройки города, надзор за торговлей и промыслами, точностью мер и весов, дисциплиной и боеготовностью жителей города, разбор «маловажных ссор и драк» между ними, охрана примыкавших к городу лесов от вырубки и т. д.²⁰⁶ Тогда же был определен штат муниципальной власти Екатеринодара: городничий, его помощник, писарь и четыре квартальных надзирателя. Примечательно, что до 1796 года жалованье по этим должностям не предусматривалось, а позже выплачивалось

²⁰² ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 318. Т. 1. Л. 57.

²⁰³ ПСЗ. — Собр. 1. — Т. XX. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. — № 14392, глава XIX — С. 256–259.

²⁰⁴ См.: РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 236. Л. 34 ; *Кабузан В. М.* Население Северного Кавказа ... С. 130.

²⁰⁵ См.: Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — Вып. 2. — Ставрополь : Изд. Ставроп. статистического комитета, 1869. — С. 42.

²⁰⁶ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 239. Л. 87–92.

«из войсковых сумм»²⁰⁷. С августа 1798 года для «наблюдения в городе чистоты и исправности» избирались «из общества» десятники (десятские) — должностные лица, выполнявшие полицейские функции²⁰⁸.

Предпринятые Войсковой администрацией в соответствии с Грамотой императора Павла I от 18 февраля 1801 года²⁰⁹ и «Положением о Черноморском войске», основанном на императорском указе от 25 февраля 1802 года «Об устройстве на общих началах Донского, Уральского и Черноморского войск»²¹⁰, меры по изменению административного устройства Черномории включали и преобразования в организации городской власти в Екатеринодаре. Вместо упраздненной должности городничего вводилась должность полицмейстера, подчинявшегося полицейской экспедиции Черноморской Войсковой канцелярии (канцелярия заменила Войсковое правительство)²¹¹.

Еще 6 мая 1801 года была учреждена полицейская команда, состоявшая из 12 конных и 12 пеших казаков, подчиненная полицмейстеру²¹². Весь штат Екатеринодарской градской полиции составляли полицмейстер, его помощник, писарь, квартальные надзиратели и полицейская команда. Десятники же по-прежнему избирались жителями города. Кроме того, в городе были учреждены должности почтмейстера и брандмейстера²¹³.

Такой порядок организации административно-полицейской власти в Екатеринодаре, просуществовавший до 1827 года, схематически можно представить следующим образом.

²⁰⁷ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 62. Л. 70–70 об.

²⁰⁸ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 52. Л. 60–61.

²⁰⁹ См.: История Кубанского казачьего войска / сост. чл.-корр. Акад. наук. Ф. А. Щербина. — Т. II : История войны казаков с закубанскими горацами. — Екатеринодар : Типография Товарищества печатного и издательского дела под фирмой «Печатник», 1913. — С. 76 ; *Шевченко Г. Н.* Черноморское казачество ... С. 16.

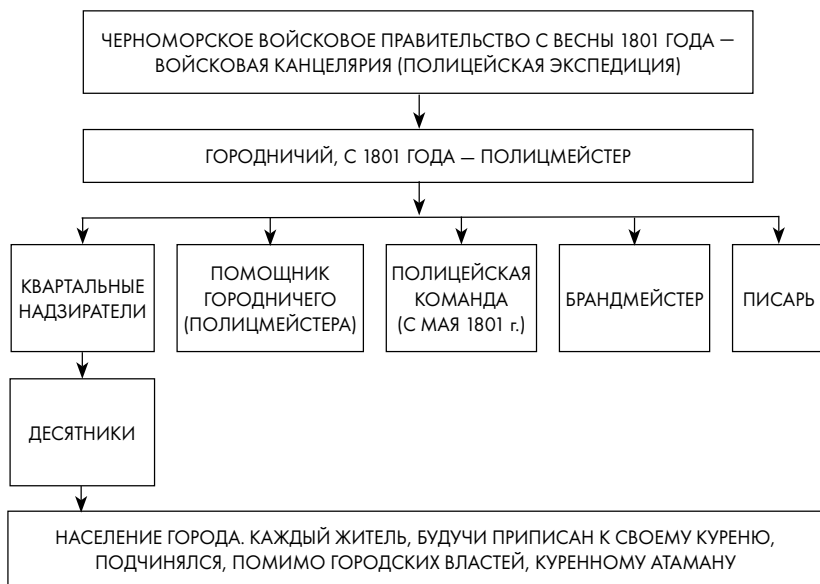
²¹⁰ ПСЗ. — Собр. 1. — Т. XVII. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. — № 20156. — С. 53–54.

²¹¹ Там же. С. 54 ; *Шевченко Г. Н.* Черноморское казачество ... С. 16–17.

²¹² ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 39. Л. 23.

²¹³ Там же. Д. 33. Л. 3 об.

**Черноморское Войсковое правительство с весны 1801 года —
Войсковая канцелярия (полицейская экспедиция)**

Примечательно, что подобным образом было организовано управление в городах Уральского войска: в 1803 году — в войсковой столице Уральске, а в 1804 году — в Гурьеве²¹⁴.

26 апреля 1827 года было утверждено «Положение об управлении Черноморским войском»²¹⁵, согласно которому полицмейстер Екатеринодара назначался командиром Отдельного Кавказского корпуса, а полицейских приставов — так с этого времени в Екатеринодаре называлась должность квартального надзирателя — должно было избирать сроком на три года «общество», с обязательным утверждением кандидатур корпусным командиром. Приравненная к земскому сыскному начальству градская полиция, во главе с полицмейстером, была подчинена военной экспедиции Войсковой канцелярии.

Эти принципы организации городской власти оставались без изменений недолго. 2 августа 1828 года Войсковая канцелярия докла-

²¹⁴ Городские поселения в Российской империи ... Т. 3. С. 503, 514.

²¹⁵ ПСЗ. — Собр. 2. — Т. II. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. — № 1058. — С. 385–394.

дывала наказному атаману: «...екатеринодарская градская полиция... производя предоставленное положением (“Положение...” от 26 апреля 1827 года. — *Авт.*) суждению ее дела, по обширности города Екатеринодара за неимением в оном низших мест при многообразности ее действий, должна судить в одно и то же время и самые маловажные жалобы, споры и драки жителей и другие подобные тому дела, подлежащие... куренному управлению; кроме того, имея постоянных жителей города обоего пола 4696 душ, обязана вести [дела], нередко будучи отвлекаема исполнениями предписаний начальства по военным частям, не всегда может о действиях своих доставлять положительные отчеты; но если учредить в городе два куренных управления и предоставить им все права, какими пользуются все прочие управления, то не только можно ввести лучший порядок и благоустройство по городу Екатеринодару... но даже облегчить градскую полицию»²¹⁶. Исходя из изложенных обстоятельств, Войсковая канцелярия определила: «...на основании Высочайшего положения... открыть в городе Екатеринодаре два куренных управления с наименованием первого Екатеринодарским и второго Николаевским, для чего разделить город по прешпектовой (проспектовой, главной. — *Авт.*) улице на две части и, избрав по баллотировке куренных атаманов и судей, предоставить все правила, какими руководствуются прочие в Войске управления...»²¹⁷ Как видно из цитаты, Войсковая канцелярия постаралась приблизить внутреннее устройство города Екатеринодара к общему в Черноморском казачьем войске разделению населения на курени, детально регламентированному «Положением...» 1827 года. Это было тем более удобно, что жители города, числившиеся до сих пор в своих куренных селениях, причислялись отныне к куренным управлениям Екатеринодара, и этим ликвидировалось их двойное подчинение — городским властям и сельскому (куренному) атаману.²¹⁸ Кроме того, вновь приписанные к образованным куреням ка-

²¹⁶ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1091. Л. 2–3.

²¹⁷ Там же. Л. 3–3 об.

²¹⁸ См.: *Бондарь В. В.* К вопросу о типологии российских городов: Екатеринодар // Проблемы историографии и истории Кубани : сб. науч. тр. — Краснодар : Кубанский государственный университет, 1994. — С. 90–91 ; *Его же.* Екатеринодар — войсковой город // Вопросы отечественной истории : сб. науч. тр. — Краснодар : Кубанский государственный университет, 1995. — С. 39.

заки должны были получить здесь же, по месту проживания (а не в куренных селениях, где они до этого числились), свои земельные наделы, что ставило их в равные экономические условия с прочими «войсковыми обывателями».

В этой связи заслуживает упоминания факт существования системы станичного (тождественного куренному в Черномории) устройства города Черкаска, который к концу XVIII века состоял из одиннадцати станиц²¹⁹ и Новочеркаска, состоявшего в середине XIX века из трех станиц, имевших единый со всеми станицами Войска Донского порядок управления²²⁰.

Следующий этап административного переустройства Екатеринодара начался с высочайше утвержденного 1 июля 1842 года «Положения о Черноморском казачьем войске». Согласно этому документу, в Черномории устанавливалось трехстепенное гражданское управление: войсковое, окружное (войсковая территория делилась на три округа) и станичное (понятие «станция», по образцу Войска Донского, вводилось в употребление вместо бытовавших синонимичных понятий «курень» и «куренное селение»). Полиция города Екатеринодара, которую составляли собственно полицейское управление, пожарная часть, войсковой острог и квартирная комиссия, была подчинена вновь учрежденному Войсковому правлению — одновременно распорядительному и исполнительному органу власти в Черноморском войске (все войско было подчинено военному министру по департаменту военных поселений и находилось в ведении командира Отдельного Кавказского корпуса и командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории)²²¹.

Предположительно, именно на основании «Положения...» 1842 года все население города Екатеринодара по общевойсковому образцу было отнесено к учрежденной станице Екатеринодарской: первое ее упоминание, в составе Екатеринодарского округа и с чис-

²¹⁹ Попов Х. И. Город Черкасск : исторический очерк // Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. — Ростов-на-Дону : Изд. Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы, 1912. — Т. 1. — С. 99 ; Лаврский Н. Черкасск и его старина. — М. : Искусство и жизнь, [1917]. — С. 11.

²²⁰ Городские поселения в Российской империи ... Т. 2. С. 125.

²²¹ Положение о Черноморском казачьем войске. — СПб. : в типографии Департамента военных поселений, 1842. — Паг. 1. — С. 6-7, 22-23, 97-99.

ленностью жителей в 3627 душ, содержится в «Расписании Черноморского казачьего войска по округам», помещенном в приложении № 1 к «Положению...»²²².

В краеведческой литературе бытовало мнение, что Екатеринодарская станица составляла часть города, занимая территорию к северо-востоку от исторического центра. Так считал дореволюционный исследователь А. С. Собривский, называя центром станицы Дмитриевскую площадь²²³ (квартал, ограниченный нынешними улицами имени Горького, имени Леваневского, Базовской и Пашковской); его мнение разделяли В. П. Бардадым²²⁴ и составители юбилейного издания «Екатеринодар-Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях...»²²⁵; к востоку от нынешней улицы Красноармейской и к северу от Карасунской помещала Екатеринодарскую станицу Г. С. Шахова²²⁶.

Между тем имеются документальные свидетельства того, что Екатеринодарская станица занимала всю площадь городского поселения, т. е. была территориально тождественна городу. В «Таблице об общественных зданиях в Черноморском казачьем войске», датированной 1 января 1858 года²²⁷, обозначены находившиеся в Екатеринодарской станице храмы во имя Св. Дмитрия Ростовского, во имя Св. Екатерины Великомученицы и во имя Всех Святых, дом на кладбище для караульных казаков, дом станичного правления и запасной хлебный магазин. Такой же список екатеринодарских станичных зданий, включая запасной хлебный магазин, приведен в «Ведомости войсковых и общественных зданий Кубанского войска в Екатеринодарском округе за 1867 год»²²⁸. Из планов города и иных источников известно, что церковь Св. Екатерины располагалась в южной части города, в квартале, ограниченном улицами с современными названиями: Мира, Коммунаров, имени Орджоникидзе и имени Седина; Всесвятский храм и дом

²²² Положение о Черноморском казачьем войске ... Паг. 2. С. 2.

²²³ Собривский А. С. Екатеринодарские городские базары : (К истории города Екатеринодара). — Екатеринодар: Типо-литогр. Э. Килиус и Ко, 1897. — С. 12, 14, 19.

²²⁴ Бардадым В. П. Этюды о прошлом и настоящем Краснодара. С. 10.

²²⁵ Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 106, 134.

²²⁶ Шахова Г. С. Штрихи к портрету города. С. 4.

²²⁷ ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 512. Л. 125.

²²⁸ ГАКК. Ф. 334. Оп. 1. Д. 20. Л. 2–3.

для караульных казаков находились на кладбище, располагавшемся за северной границей селитебной части городской территории и ныне сохраняющемся в границах большого квартала между улицами Северной, Аэродромной, имени Бабушкина и Рашиповской; дом станичного правления, по сообщению А. С. Собривеского²²⁹, находился на юго-западном углу перекрестка нынешних улиц Длинной и Красной. Здание запасного хлебного магазина локализовать не удалось.

Указанные места расположения объектов Екатеринодарской станицы опровергают ее соотнесение с северо-восточной частью города и прямо свидетельствуют о том, что станица и город в территориальном отношении были одним и тем же. Дополнительно этот факт подтверждается сведениями из «Ведомости о станицах и прочих селениях Черноморского казачьего войска с показанием народонаселения и устройства их, а также какие управления и учреждения в каких селениях находятся» за 1856–1858 годы: здесь указаны находящиеся на территории Екатеринодарской станицы «управления войсковые: Правление 1, Дежурство 1, Канцелярия Наказного Атамана 1, Войскового Прокурора 1, Окружного стряпчего 1, Войсковое казначейство 1, Полиция города Екатеринодара 1, Врачебная управа 1, Комиссий военного суда 2, Строительная 1, Народного продовольствия 1, Квартирная 1. Правлений: Духовное 1, Станичное 1, Окружное дежурство 1, суд 1, сыскное начальство 1, Войсковой госпиталь 1, Войсковая гимназия 1, училищ приходских: войсковое 1, духовное 1, войсковых капелл: певчих 1, музыкантов 1, при войсковой богадельне отделение для умалишенных 1, больница 1, аптека 1, острог 1, тюрьма 1, типография 1, почтовых: контора 1, станция 1, трактирных заведений 3, питейная контора 1 и домов 16, гауптвахта 1»²³⁰. Очевидно, что большинство войсковых учреждений помещалось в зданиях, располагавшихся на территории Екатеринодарской станицы. В ее черту не входили Екатеринодарская крепость с войсковым Воскресенским собором и крепостными постройками, Главный Екатеринодарский пост, меновой двор с карантинном, войсковой кирпичный завод, Солдатская слободка (располагавшаяся под южным валом крепости), артиллерийские арсенал и батарея²³¹.

²²⁹ *Собривеский А. С.* Екатеринодарские городские базары ... С. 12.

²³⁰ ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 512. Л. 96–97.

²³¹ См.: ГАКК. Коллекция «Географические и специальные карты Северного Кавказа». Д. 113.

Разделение объектов на «войсковые» и «городские» (станичные) существовало в Екатеринодаре на протяжении практически всей его дореволюционной истории. Уже в начале XIX века параллельно существовали войсковой и городской «запасные хлебные магазины»²³² (все войсковые учреждения, находившиеся в городе, были в ведении екатеринодарского полицмейстера²³³); с середины столетия город делился на войсковые и городские «планы» (плановые места)²³⁴, и такое деление сохранялось даже с преобразованием Екатеринодара в «гражданский» город в 1867 году²³⁵.

Объединение жителей города (за вычетом неказачьего населения — торговцев, ремесленников и др., — не имевшего права оседлого жительства на землях казачьих войск) в станицу Екатеринодарскую, т. е. введение в городе станичного управления, объясняется, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, «войсковые обыватели», проживавшие в Екатеринодарской станице, получали земельный надел на общих в Черноморском казачьем войске основаниях в станичном юрте; во-вторых, все казачье население города составило единый военно-административный (со своим станичным правлением, атаманом, судьей и т. п.) и хозяйственный организм, с закрепленной селитебной территорией и юртом, что являлось развитием введенной в 1828 году куренной системы управления. В целом же учреждение Екатеринодарской станицы проявило стремление войсковой администрации к унификации системы управления и административно-территориального устройства Черноморского казачьего войска в соответствии с «Положением...» 1842 года.

«Однозначность» города и станицы метко описал И. Д. Попка: «Оседлое же его (Екатеринодара. — *Авт.*) население состоит исключительно из одних казаков, общество которых и составляет курень Екатеринодарский, нисколько не отличающийся в своем учреждении и быте от других куреней. Именуется этот курень городом потому, что в нем находятся власти, присутственные места и заведения, при-

²³² ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 106 ; Д. 39. Л. 50.

²³³ См.: История Кубанского казачьего войска. Т. II. С. 81.

²³⁴ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 1. Л. 427–430 (1846 г.), 433–434 (1847 г.) ; Д. 244. Л. 8 об–9 (1865 г.).

²³⁵ См.: РГИА. Ф. 1287. Оп. 40. Д. 2257. Л. 1–1 об, 6 (1886 г.).

личные городам, и потому, что имеет он герб, которого символы значат сторожевое поселение у ворот государства»²³⁶.

В контексте приведенных фактов Екатеринодарская станица выступает уникальным явлением в истории российских городов. При том, что одноименных городам и располагавшихся при них станиц было довольно много — Георгиевская²³⁷, Эссентукская²³⁸, Кизлярская²³⁹, Новочеркасская (созданная из станиц, составлявших город)²⁴⁰, Ставропольская (основанная казаками Хоперского полка при Ставропольской крепости; не путать со станицей Ставропольской Кубанского казачьего войска)²⁴¹ и др., все они отличались от Екатеринодарской тем, что существовали изначально в качестве казачьих

²³⁶ *Попка И. Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы: в 17 рассказах, с эпилогом, карт. и 4 рис. с натуры: в 2 ч. — СПб.: Тип. П. А. Кулиша, 1858. — С. 58–59.

²³⁷ См.: *Дебу И. Л.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах, собранные действительным статским советником и кавалером Иосифом Дебу с 1816 по 1826 год. — СПб.: Тип. К. Крайя, 1829. — С. 66–67; *Якунин М. А., Федькин М. И.* Георгиевск: историко-краеведческий очерк. — Ставрополь: Ставр. кн. изд-во, 1977.

²³⁸ См.: *Александрова В., Александров И.* Курорт Эссентуки: [путеводитель]. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1973; *Андреев Ю. П.* Эссентуки. Казачья станица и знаменитый курорт. — Ставрополь: Ставропольский гос. аграрный ун-т, 2013.

²³⁹ См.: *Кабузан В. М.* Население Северного Кавказа ... С. 185.

²⁴⁰ См.: Историческая записка о городе Новочеркасске и его управлении / [и. д. секретаря Ком. по упр. г. Новочеркасском В. Богаевский]. — Новочеркасск: Обл. Дон. войска тип., 1895. — С. 6, 14, 16, 31–32; *Балуев П. С.* Исторические и статистические описания станиц и городов, посещаемых г. военным министром при объезде его превосходительством Области Войска Донского в 1900 году / сост. Ген. штаба полк. П. С. Балуевым. — Новочеркасск: Обл. Войска Донск. тип., 1900. — С. 171; *Кирсанов Е. И.* Слава и трагедия Новочеркаска: (История казачьей столицы). — Т. 1. — Новочеркасск: ЗАО «Сервис-связь», п. Каменоломни, 2005. — С. 59. — Историко-краеведческое издание; Краткая история возрождения Донского казачества / Город-станция: По материалам Е. И. Кирсанова. — URL: <http://novoчеркасска-gorod.ru/history/town-history/cossack-revival-history/village-town/> (дата обращения: 11.12.2018).

²⁴¹ См.: *Гниловской В. Г.* Территориальное развитие города Ставрополя в первой половине XIX столетия // Материалы по изучению Ставропольского края. — Вып. 4. — Ставрополь: Крайиздат, 1952. — С. 177, 181.

поселений при крепости или городе, позже сливавшихся с городом в территориальном и в административном отношениях²⁴². Полная же тождественность города и станицы имела место исключительно в екатеринодарской истории.

2.3. Функциональная роль Екатеринодара в масштабах империи и Черномории

С первых дней своего существования Екатеринодар имел статус «войскового» города, определявший состав и характер функций поселения в масштабах государства и края, а также его культурно-хозяйственную специфику.

Войсковые города Российской империи обладали целым рядом характерных особенностей, обозначение совокупности которых позволяет выделить такой тип городских поселений в ряду прочих и определить его как феномен российской урбанизации XVIII–XIX веков. В этот период административными центрами большинства казачьих войск, т. е. местами расположения войсковых учреждений и пребывания войсковых (наказных) атаманов, были города, относившиеся к ведению гражданского начальства и находившиеся вне войсковых земель: города Астрахань (центр Астраханского казачьего войска), Благовещенск (центр Амурского войска), Владивосток (центр Уссурийского казачьего войска), Владикавказ (центр Терского казачьего войска), Омск (центр Сибирского казачьего войска), Оренбург (центр Оренбургского казачьего войска), Ставрополь (центр Кавказского линейного казачьего войска), Чита (центр Забайкальского казачьего войска)²⁴³. Екатеринодар же, Новочеркасск, Черкасск (лишен статуса города в 1805 г.) и Уральск, будучи административными центрами казачьих войск (Екатеринодар — Черноморского, позже Кубанского; Черкасск и Новочеркасск в разное время — Донского;

²⁴² Кроме станицы Ессентукской, от которой отделилась курортная часть, получившая позже статус города (см.: Ессентуки // Города России : энциклопедия. С. 136 ; Андреев Ю. П. Ессентуки. Казачья станица ... С. 29–30, 68–69, 130.

²⁴³ Атлас землям иррегулярных войск 1858 года. — [Б. м, б. г.]. — С. 3, 5–10 ; Агафонов О. В. Казачьи войска Российской империи. — Калининград : Рус. кн., [1995]. — С. 107, 189, 257, 307, 401 ; Основные административно-территориальные преобразования ... С. 16.

Уральск — Уральского), располагались на войсковых землях, были населены исключительно казаками и управлялись войсковыми администрациями. Именно эти города официально назывались войсковыми²⁴⁴. Сравнительный анализ их качественных характеристик и обстоятельств возникновения и бытования позволяет обозначить признаки, определявшие принадлежность городского поселения к типу войсковых: расположение в пределах войсковой территории; принадлежность постоянного населения исключительно к казачьему сословию (к конкретному войску); значение административного центра войска; военно-полицейский характер городской власти, совмещенный со станичной (куренной) системой управления; прямое подчинение городских властей Войсковой администрации. Близкими по своим характеристикам к войсковым городам были Тамань (Черноморского казачьего войска, лишена статуса города в 1849 году)²⁴⁵ и Гурьев (Уральского казачьего войска)²⁴⁶, с тем отличием, что они не имели статуса административных центров войск.

Рис. 6. Герб города Екатеринодара. 3 сентября 1849 года. Царское Село. Копия (ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 276. Л. 47)

²⁴⁴ См.: Городские поселения ... Т. 2. С. 115 ; Т. 3. С. 502.

²⁴⁵ Административно-территориальные преобразования ... С. 15.

²⁴⁶ Городские поселения ... Т. 3. С. 513–517.

В административном отношении войсковые города были приравнены к губернским и областным городам и имели гербы. Показательно, что герб войскового города Екатеринодара, высочайше утвержденный 3 сентября 1849 года, содержал, согласно описанию, приведенному в сенатском указе от 14 октября того же года, такой характерный геральдический элемент, как «золотая городская корона»²⁴⁷.

Стоит отметить тот факт, что, помимо городов, расположенных на землях казачьих войск, в Российской империи конца XVIII — первой половины XIX века существовал целый ряд не имевших всесословного «градского общества» и органов городского самоуправления так называемых городов военного ведомства: Вознесенск, Елизаветград, Новогеоргиевск, Новомиргород, Ольвиополь, Умань, Чугуев, которые были центрами округов военных поселений, управлялись военными администрациями и имели при этом статус городов и городские гербы²⁴⁸.

Военная функция Екатеринодара в «войсковой» период его истории была изначально определена его двояким стратегическим значением: штаб-квартиры Черноморского казачьего войска — крупного иррегулярного воинского формирования²⁴⁹ — и пункта управления Черноморской кордонной линией, составлявшей западный (в нижнем течении Кубани) участок Правого фланга (крыла) Кавказской линии²⁵⁰. Этот фактор вкуче с ролью административного

²⁴⁷ ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 276. Л. 34 ; ПСЗ. — Собр. 2. — Т. XXIV. — Отд. второе. — СПб. : Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1850. — № 23575. — С. 92–93.

²⁴⁸ См.: *Петров А. Н.* Устройство и управление военных поселений в России // Граф Аракчеев и военные поселения 1809–1831. — СПб. : Издание «Русской старины», 1871. — С. 87–207 ; Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в полное собрание законов с 1649 по 1900 год / сост. П. П. фон-Винклер. — [Репринт. воспроизведение изд. 1899 г.]. — М. : Планета, 1990. — С. 33, 51, 104, 105, 110, 157, 168 ; *Багалий О. Д.* Історія військових поселень в Україні. Із неопублікованої спадщини. — Харків : Видавництво САГА, 2007.

²⁴⁹ К 1860 году Черноморское казачье войско включало 12 конных полков, 9 пеших батальонов, 4 батареи и 2 гвардейских эскадрона. См.: Черноморское казачье войско // Энциклопедический словарь по истории Кубани ... С. 526.

²⁵⁰ *Анучин Д. Г.* Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии // Военный сборник: Издаваемый по высочайшему повелению. — Т. XI. — СПб. : в типографии Карла Вульфа, 1860. — Паг. 2. — С. 283–285.

и хозяйственно-экономического центра Черномории — пожалованного черноморским казакам обширного края — в масштабах империи обеспечивал Екатеринодару значение форпоста российского влияния в Прикубанье.

Очевидным атрибутом военной функции города выступала концентрация в нем органов управления и обеспечения службы Черноморского казачьего войска на Черноморской кордонной линии, на территории Черномории и вне ее. Здесь имели местопребывание войсковой (позже — наказной) атаман, совмещавший эту должность с должностью начальника Черноморской кордонной линии, войсковая администрация (Войсковое правительство, позже — Войсковая канцелярия, Войсковое правление) и службы: войсковое дежурство (штаб), комиссия военного суда, дежурство Черноморской кордонной линии (первоначально — начальника линии)²⁵¹. Кроме того, Екатеринодар служил местом постоянной дислокации частей казачьего войска — всех конных полков, большинства пеших полков (в 1842 году пешие полки были преобразованы в батальоны), главным пунктом сбора строевых частей на кордонную, внутреннюю и внешнюю службу, местом проведения учебных лагерных сборов²⁵² и одновременно основным в масштабах края пунктом базирования регулярных частей российской армии, временно находившихся на войсковой территории²⁵³. Периметр Екатеринодара по берегу Кубани охватывали дистанции двух кордонов (постов) Черноморской кордонной линии — упоминавшегося выше Главного Екатеринодарского и Байдачного (у пристани в западной части города, по линии нынешней улицы Советской); на этих участках располагались три пикета (малых укрепления с возможностью размещения гарнизона численностью до 10–15 казаков²⁵⁴) — к северо-востоку, северо-западу от крепости и ниже Байдачного поста, в северо-западной части

²⁵¹ ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 512. Л. 96; Коллекция «Географические и специальные карты Северного Кавказа». Д. 113 ; *Фролов Б. Е.* Черноморская кордонная линия // Энциклопедический словарь по истории Кубани ... С. 520–521.

²⁵² ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 829. Т. 2. Л. 61 ; *История Кубанского казачьего войска.* Т. II. С. 124–127 ; *Фролов Б. Е.* Лагерные учебные сборы // Энциклопедический словарь по истории Кубани ... С. 244–245.

²⁵³ *История Кубанского казачьего войска.* Т. II. С. 112.

²⁵⁴ Пикет // Энциклопедический словарь по истории Кубани ... С. 339.

Карасунского кута. В середине века на небольшом расстоянии от последнего находилось не относящееся к кордонной линии укрепление прямоугольного плана, с бастионами по углам, служившее местом размещения артиллерийской батареи²⁵⁵.

Екатеринодарская крепость, не входившая в реестр имперских крепостей и даже в число укреплений Черноморской кордонной линии, имела тем не менее значение главной цитадели войска, средоточия его жизни в административном, религиозном и культурно-хозяйственном смыслах. В центре крепости помещался главный храм Черномории — войсковой Воскресенский собор (ему предшествовала, в первые годы жизни города, походная Свято-Троицкая церковь²⁵⁶), вокруг которого простиралась обширная площадь, где проводились ежедневные разводы караулов, смотры, парады войск, сборы строевых частей, а также приуроченные к знаменательным событиям торжественные богослужения²⁵⁷. В ограничивающих площадь, поставленных в каре параллельно куртнам, флигелях (куренях-казармах) и прочих крепостных постройках располагались войсковые учреждения: дежурство (штаб), госпиталь, казначейство, архив, типография; дежурство Черноморской кордонной линии; комиссия военного суда; временная строительная комиссия; офицерское собрание; «артиллерийский парк», «казенный провиантский магазин», войсковой цейхгауз, гауптвахта, острог (тюрьма); военно-временный госпиталь (для чинов регулярных частей), аптеки обоих госпиталей; помещения войскового гарнизона, артиллерийской роты, войсковой мастеровой сотни²⁵⁸.

Из сказанного явствует, что крепость выполняла функцию «официальной» части войскового центра, в отличие от остальной, более значительной по площади, селитебной территории Екатеринодара.

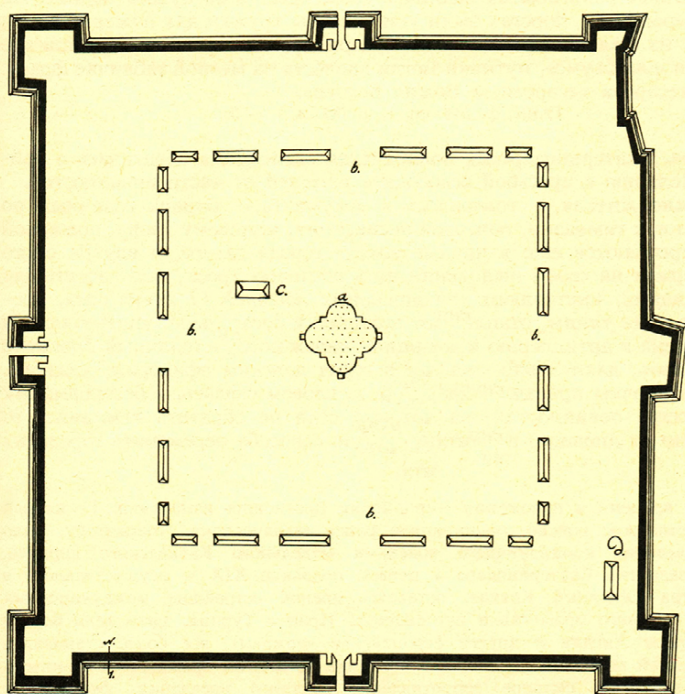
²⁵⁵ ГАКК. Коллекция «Географические и специальные карты Северного Кавказа». Д. 113.

²⁵⁶ См.: *Бондарь В. В.* К истории войсковых храмов Черномории // Кубанский сборник : сборник научных статей по истории края / под ред. О. В. Матвеева. — Краснодар : Книга, 2006. — Т. 1 (22). — С. 302–305.

²⁵⁷ См.: *Короленко П. П.* Екатеринодарский войсковой собор ... С. 69–74.

²⁵⁸ РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 5550, 5554 ; ГАКК. Коллекция «Географические и специальные карты Северного Кавказа». Д. 112, 113 ; Ф. 344. Оп. 1. Д. 240. Л. 1–12, 22.

Екатеринодарская Крепость.

Иъясненіе.

- а. Цѣрковь.*
- б. Кавалеріи.*
- с. Денежная кладовая.*
- д. Пороховой погребокъ.*

Инженеръ Францискъ Митковъ

Рис. 7. План Екатеринодарской крепости. [1820-е годы].
Сост. инженер прапорщик Мешков. Восточная ориентация
(РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21925. Л. 1)

Административная функция Екатеринодара находилась в прямой связи с военной и определялась значением города как главного пункта внешнего и внутреннего управления территорией, принадлежавшей Черноморскому казачьему войску. Здесь были сосредото-

Планъ.

Крѣпости въ г. Екатеринодарѣ.

- A.** Мѣсто презиръ предназначавшееся для постройки Артиллерійскаго Вѣйскаго каменнаго арсенала.
- B.** Мѣсто вновь избранное, но не одобренное Военнымъ Совѣтомъ.
- C.** Мѣсто избранное вновь - для того же предположаемаго арсенала.

Мартъ года 1858 году г. Екатеринодаръ

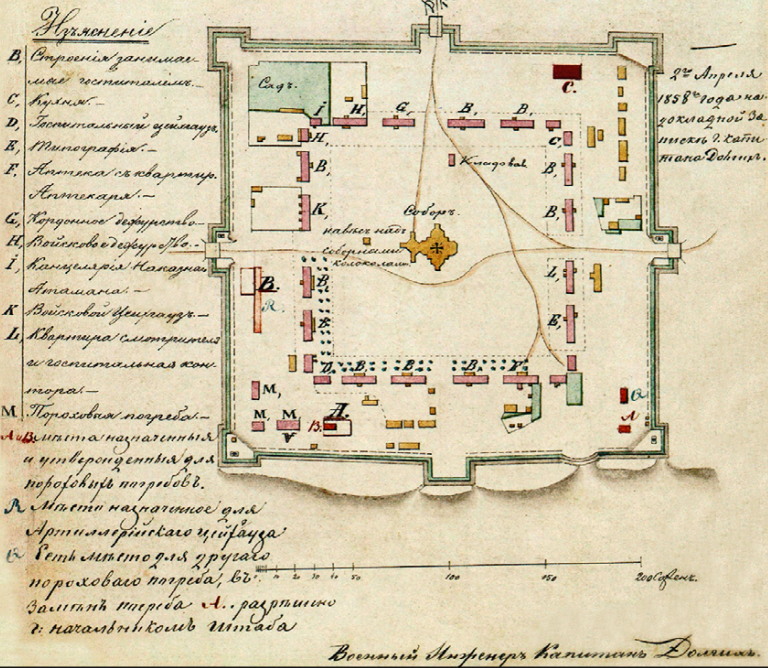

Рис. 8. План крепости в г. Екатеринодаре.
 Сост. военный инженер капитан Долгих.
 Март 1858 года (ТАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 240. Л. 35)

чены учреждения, обеспечивавшие регламентацию и регулирование государственной и общественной жизни, имущественных отношений и хозяйственной деятельности. Так, например, в соответствии с «Положением о Черноморском казачьем войске» 1842 года «войсковое гражданское управление» составляли: войсковое правление (в состав которого входили исполнительная, хозяйственная, поземельная и гражданская экспедиции, счетное и контрольное отделения, войсковое казначейство и комиссия продовольствия), войсковая врачебная управа, войсковая почтовая контора, войсковой прокурор, торговый словесный суд, полиция г. Екатеринодара; при этом устанавливалось, что «постоянным местопребыванием всех поименованных... войсковых управлений назначается г. Екатеринодар»²⁵⁹. В конце 1850-х годов в Екатеринодаре располагались следующие учреждения гражданского администрирования: канцелярия наказного атамана, канцелярия войскового прокурора, войсковые — правление, казначейство, строительная, квартирная и продовольственная комиссии; врачебная управа, духовное правление, окружные сыскное начальство и суд²⁶⁰. За исключением канцелярий и войскового правления, эти учреждения служили целям исключительно внутреннего управления территорией и населением Земли Черноморского казачьего войска, окружные, соответственно, — Екатеринодарского округа. Приведенные факты свидетельствуют о том, что административная функция войскового города Екатеринодара проявлялась в трех уровнях гражданского управления Черноморией: внешнем — в масштабе империи и двух внутренних — в масштабах края и округа.

Из обозначенных военной и административной функций Екатеринодара следовало его значение главного пункта сообщения — места приема входящей и отправления исходящей официальной и неофициальной корреспонденции и местонахождения войсковой почтовой конторы, что позволяет констатировать выполнение войсковым центром коммуникационной функции на государственном и местном уровнях.

Почтовая станция в Екатеринодаре в числе прочих — по десять на дорогах до Фанагорийского и Ейского окружных правлений — была учреждена в июле 1794 года; на станции должны были

²⁵⁹ Положение о Черноморском казачьем войске ... С. 77–87, 97–99.

²⁶⁰ ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 512. Л. 96–97.

содержаться шесть пар лошадей с повозками²⁶¹. Видимо, тогда же была учреждена упомянутая выше должность городского почтмейстера. С 1842 года через Екатеринодарскую почтовую станцию осуществлялось движение, помимо обычной, еще и «денежной корреспонденции», а в 1856 году была установлена «экстрасвязь» (т. е. без ожидания оказии) со Ставрополем, где находился штаб командующего войсками правого крыла Кавказской линии и Черномории²⁶². «По сухопутным сообщениям края, — писал И. Д. Попка, — со Ставрополем, Ростовом, Анапой и Керчью проходят три почтовые дороги, которых исходной точкой служит город Екатеринодар. Тракты ставропольский и ростовский, с ветвью этого последнего на портовый город Ейск, не представляют никаких препятствий... На всех трех почтовых трактах войско содержит из своих доходов 25 станций и на них 150 троек лошадей из местных пород, в превосходной степени годных для почтовой гоньбы»²⁶³. Известно, что с ноября 1801 года на Екатеринодарскую почту поступало официальное периодическое издание — выписанные Войсковой канцелярией «Московские газетные ведомости», содержащие правительственные объявления и обзоры политической жизни в стране²⁶⁴.

Два факта, характеризующих коммуникационную функцию Екатеринодара, относятся к последним годам существования города в статусе войскового: с 1863 года с почтовой станции «циркулярно» по территории Кубанской области рассылались «Кубанские войсковые ведомости» — официальное печатное издание войска²⁶⁵; а в 1865 году была установлена телеграфная связь на линии Екатеринодар — Ставрополь²⁶⁶.

²⁶¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 338. Л. 2.

²⁶² Там же. Д. 1689 ; *Шамрай В. С.* Хронология важнейшим событиям и законоположениям, имеющим отношение к истории Кубанской области и Кубанского казачьего войска. — Екатеринодар : тип. Кубанского обл. правления, 1911. — С. 79.

²⁶³ *Попка И. Д.* Черноморские казаки ... С. 129, 132.

²⁶⁴ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 38. Л. 183.

²⁶⁵ *Городецкий Б. М.* Периодика Кубанско-Черноморского края. 1863–1925 / проф. Б. М. Городецкий. — Краснодар : [б. и.], 1927 (тип. Адыгчерк-промторга). — С. 22–23.

²⁶⁶ Кубанские войсковые ведомости. — 1865. — 2 окт. — № 39.

По сообщению краснодарского краеведа В. П. Бардадыма со ссылкой на Тбилисский архив (Центральный исторический архив Грузии), 5 марта 1866 года было открыто почтовое отделение в станции Екатериновской²⁶⁷.

Административным значением Екатеринодара были обусловлены и его социально-культурные функции, в частности роль церковного, религиозно-символического и образовательного центра края.

Среди казаков-первостроителей Екатеринодара не было священнослужителей, и в привезенной в обозе походной Свято-Троицкой церкви служили поначалу приглашенные лица духовного звания. В ноябре 1793 года кошевой атаман З. А. Чепега в письме епископу Феодосийскому и Мариупольскому Иову сообщал: «Бывший у нас при церкви, выпрошенный из города Черкаска на время, священник, отец Петр Степанов, возвратился в свой дом, а прибывший было к нам иеромонах, отец Варнава, вчерашнего числа помер. И так мы теперь остались беспоповцы (т. е. без священника. — *Авт.*), через что многие по войску люди без довлеемого преподавания христианских треб умирают» — и просил «ставленников» от войска «рукоположив, скорейше отправить»²⁶⁸. Отозвавшись на просьбу атамана, Феодосийская духовная консистория направила в Екатеринодар «для священнослужения в войсковой церкви и преподавания людям христианских треб» состоявших в «штате Феодосийского архиерейского дома» священника Василия Дьяческого и диакона Филиппа Стояновского, о чем сообщила письмом от 8 декабря²⁶⁹.

В январе 1794 года Указом Святейшего синода было определено устройство церковной жизни в Черномории, отнесенной к Феодосийской епархии, с позволением «строить вновь церкви и рукополагать к ним священнослужителей» в войсковых селениях²⁷⁰, а двумя месяцами позже был назначен главный войсковой священник: письмом

²⁶⁷ См.: Бардадым В. П. Краснодарский почтамт // Кубанские арабески : краеведческие очерки / В. П. Бардадым. — С. 131–132.

²⁶⁸ Православная церковь на Кубани (конец XVIII — начало XX в.) : сборник документов : (к 2000-летию христианства) / Упр. по делам архивов Краснодарского края, Госархив Краснодарского края, Госархив Ставропольского края. — Краснодар : ЭДВИ, 2001. — С. 27.

²⁶⁹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 253. Л. 17.

²⁷⁰ Православная церковь на Кубани ... С. 29–33.

Уот 2 марта Таврический генерал-губернатор граф П. А. Зубов сообщил кошевому атаману Чепеге, что императрица Екатерина Великая повелела «священника Романа Порохню, бывшего в последнюю турецкую войну при войске Черноморском, поставить в штат оного протоиерея и в войско отправить»²⁷¹. Войсковой город обрел значение «местопребывания» главного в войске духовного лица, а походная Свято-Троицкая церковь, установленная на площади сооружавшейся крепости и служившая единственным местом отправления религиозных треб жителей «новостроящегося» города Екатеринодара²⁷², — значение главного храма Черноморского войска и именовалась с тех пор в документах «собором» или «соборной церковью»²⁷³, несмотря на то, что представляла собой намет из парусины по деревянным столбам. Здесь хранились ризница и другие церковные предметы, пожалованные императрицей Екатериной Великой в 1794 году, а также «священные предметы, бывшие некогда в сечевой Свято-Троицкой церкви войска запорожского и в Межигорском монастыре того же войска»²⁷⁴. Примечательно, что до февраля 1801 года в войсковом храме хранились, помимо церковных предметов, все войсковые регалии и знамена²⁷⁵. Еще в 1795 году в Екатеринодаре был открыт колокольный звон. В город были доставлены и подняты на звоннице войскового храма семь колоколов, отлитых в 1793 году в Херсоне из принадлежавших войску пушек. На главном колоколе, весом в 440 пудов, была сделана надпись «В царствование Великой Екатерины второй, в память великого гетмана восстановителя войска верных казаков Черноморских, светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, усердием господ Кошевого атамана бригадира и кавалера Захария Чепеги и войскового судьи армии

²⁷¹ *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов ... Т. 2. С. 452–453.

²⁷² См.: *Короленко П. П.* Войсковой собор в г. Екатеринодаре // Кубанские войсковые ведомости. — 1867. — № 9. — 4 марта; *Его же.* Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли // Известия ОЛИКО. — Вып. 1. — Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, 1899. — С. 54.

²⁷³ См., например: ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1. Л. 617; *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов ... Т. 4. С. 391.

²⁷⁴ Православная церковь на Кубани ... С. 163–164; *Короленко П. П.* Екатеринодарский войсковой собор ... С. 69–70.

²⁷⁵ Екатеринодар-Краснодар: Два века города ... С. 44.

полковника и кавалера Антона Головатого сооружися (так в тексте. — *Авт.*) звон сей в Херсоне лета 1793 года октября 10 числа»²⁷⁶.

Оформление Екатеринодара как оплота православной церкви на пожалованных землях завершилось в 1800 году: согласуясь с указом Новороссийской духовной консистории, Черноморское войсковое правительство 27 июля постановило учредить в городе духовное правление с наименованием его «Екатеринодарским» и назначением в нем «первоприсутствующим» войскового протоиерея Петра Куницкого, приписываемого к Свято-Троицкому храму²⁷⁷. На протяжении десятилетий духовное правление ведало всеми делами православной церкви на территории Черномории и распоряжалось войсковым церковным имуществом.

5 октября 1802 года протоиереем Куницким был освящен строящийся с 1800 года в центре крепостной площади новый войсковой храм — сменивший походную Свято-Троицкую церковь трехпрестольный Воскресенский собор. Ранее сюда был перенесен писанный на холсте иконостас первого екатеринодарского храма и вся церковная утварь. Сама же Свято-Троицкая церковь была разобрана и поставлена в притворе «до нужного походного случая»²⁷⁸.

Как «войсковая метрополия» (по выражению И. Д. Попки²⁷⁹) и наиболее крупное поселение Черномории, Екатеринодар вмещал и наибольшее количество храмов, постепенно прирастая ими на протяжении шести десятилетий. За исключением войскового собора, храмы войскового города располагались в его селитебной части, внутри кварталов: в 1814 году была построена и освящена Екатерининская церковь; в 1816–1817 годах (точная дата не установлена) — Фоминская; в 1818 году — Дмитриевская; в 1844 году — богаделенская Скорбященская; в 1852 году — кладбищенская Всесвятская²⁸⁰.

²⁷⁶ Короленко П. П. Екатеринодарский войсковой собор ... С. 69 ; Семипрестольный храм Св. Екатерины в г. Екатеринодаре. — Екатеринодар : [б. и.], 1913. — С. 9.

²⁷⁷ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1. Л. 114, 617–617 об.

²⁷⁸ Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 48–49 ; Короленко П. П. Екатеринодарский войсковой собор ... С. 72–73.

²⁷⁹ Попка И. Д. Черноморские казаки ... С. 208.

²⁸⁰ См.: Справочник по Ставропольской епархии : (обзор городов, сел, станиц и хуторов Ставропольской губернии и Кубанской области) / сост. свящ. Н. Т. Михайлов. — Екатеринодар : Типография Кубанского областного управления,

С первых лет жизни города главные храмы войска — сначала Свято-Троицкая походная церковь, а затем Воскресенский собор — обеспечивали Екатеринодару, помимо значения средоточия церковной жизни Черномории, еще и религиозно-символическую функцию. Здесь, в административном центре края, хранились войсковые церковные святыни и монаршие дары, олицетворявшие преемственность религиозной жизни черноморских казаков от Запорожской Сечи и воплощавшие историческую память Черноморского войска, в которой особое место занимали события и факты, связанные с милостями императрицы и покровительством Светлейшего князя — Г. А. Потёмкина-Таврического. К этому стоит прибавить и тот факт, что начиная с кошевого атамана З. А. Чепеги, умершего 14 января 1797 года и похороненного еще «посреди назначенного для соборной войсковой церкви места», под собором и рядом с ним обретали место упокоения центральные и наиболее значительные фигуры Черноморского войска: первый войсковой протоиерей Роман Порохня, войсковые атаманы Т. Т. Котляревский, Ф. Я. Бурсак, исправлявший должность наказного атамана Я. Г. Кухаренко и др.²⁸¹

В Екатеринодаре проходили все празднества, приуроченные к знаменательным датам и событиям в жизни войска. По традиции они непременно включали литургию в соборе, вынос на площадь войсковых знамен, регалий и сопровождалась перезвоном городских церквей²⁸². Важность войскового собора для духовной жизни и исторической памяти черноморских, а затем и кубанских казаков ярко проявлялась и во время церковных торжеств и православных праздников.

Вот, например, как описывает празднование Пасхи в войсковом городе смотритель Екатеринодарского приходского училища В. Ф. Золотаренко: «На другой день светлого праздника, при обхождении духовенством вокруг собора с хоругвями, офицеры носят знамена всех

1910. — С. 230–231 ; Семипрестольный храм Св. Екатерины ... С. 9, 10 ; *Бардадым В. П.* Всесвятское кладбище города Екатеринодара // Открытки на память / В. П. Бардадым. — Краснодар : Совет. Кубань, 2005. — С. 135–136.

²⁸¹ Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 152–153 ; Православная церковь на Кубани ... С. 299–300.

²⁸² См., например: *Попка И. Д.* Черноморские казаки ... С. 207–210, 212 ; Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 135.

полков, а урядники — куренные булавы, принесенные в Черноморию из Запорожья, идя по порядку за офицерами. При этом войсковой казначей выставляет доспехи войска. На столике, особенно сделанном, стоят запорожские литавры, в которые бил довыбш (барабанщик. — *Авт.*), когда нужно было собирать вольных казаков на порадуд (совет, общий сбор. — *Авт.*); около них стоят блюдо и солонка серебряные, вместе с грамотой в 1792 году императрицею Екатериною II дарованные войску. Тут лежат грамоты императоров Павла I, Александра I и ныне здравствующего августейшего императора Николая I. В грамотах сих изложено дозволение владеть землею. Тут вы увидите многие вещи, перешедшие в войско из коша запорожского. Во время пасхальной утрени зажигают четыре смоляных перетирка, по числу сторон храма... После выстрелов из всех крепостных пушек начинается колокольный призыв к услышанию радостной песни: Христос воскрес»²⁸³.

Значение образовательного центра Земли Войска Черноморского Екатеринодар приобрел со времени открытия здесь по инициативе войскового атамана Ф. Я. Бурсака школы, которая уже через год была преобразована в войсковое училище (по типу уездного) с преподаванием грамматики, географии, истории, основ геометрии и т. д.²⁸⁴ В 1805 году атаман обратился к жителям Черномории с предложением о денежных пожертвованиях на развитие образования, и в скором времени было собрано более 4 тысяч рублей. Тогда же из ризницы войскового собора в училище была передана библиотека, состоявшая из книг на русском и церковнославянском языках²⁸⁵. Первым смотрителем училища был назначен войсковой протоиерей К. В. Россинский, вошедший позже в отечественную историю как выдающийся деятель просвещения и проповедник²⁸⁶. К середине века училище, именовавшееся

²⁸³ Город Екатеринодар 40-х годов прошлого столетия : (рукопись «Плач Василия при реке Кубани») // Известия ОЛИКО. — Вып. 4. — Екатеринодар : Типография Кубанского областного правления, 1909. — С. 56.

²⁸⁴ Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 50–52 ; Блюдов Н. Ф. Начальное народное образование в Кубанской области // Кубанский сборник : труды Кубанского областного статистического комитета / под ред. Е. Д. Фелицына. — Т. 1. — Екатеринодар : Тип. Кубан. обл. правления и Л. Нитье, 1883. — Паг. 2. — С. 735–738.

²⁸⁵ История Кубанского казачьего войска. Т. II. С. 744–746.

²⁸⁶ См.: *Поборина М. Ю.* Общественно-просветительская деятельность К. В. Россинского : 07.00.02 : дис. ... канд. ист. наук. — Краснодар, 1997.

уже «окружным», было довольно крупным, по меркам того времени, учебным заведением: в 1846 году здесь обучалось 77 детей чиновников и офицеров и 67 детей рядовых казаков, в штате состояло 9 учителей²⁸⁷.

Еще в 1813 году при училище был открыт «гимназический класс словесных наук»; спустя шесть лет он был преобразован в войсковую гимназию. Официальное ее открытие состоялось 17 мая 1820 года²⁸⁸. В этом среднем учебном заведении в числе прочих талантливых учителей служил преподавателем математики И. М. Сбитнев, оставивший «Воспоминание о Черномории», где привел описание гимназии: «Близ крепости находится гимназия, открытая с великой пышностью в 1820 г., в мае месяце. Дом, занимаемый оною, по огромности своей и хорошей отделке есть первый во всем Екатеринодаре. В нем прежде жил кошевой атаман Чепига (так в тексте. — *Авт.*), первый начальник войска Черноморского, и потом уже обращен сей дом в учебное заведение... Невзирая на чрезмерные пособия многих благонамеренных особ, чувствующих цену воспитания общественного, не смотря на деятельность усердную тамошнего директора войскового протоиерея К. Россинского, сия гимназия находится еще в колыбели, но быстрыми шагами стремится к той степени совершенства, какую правительство предназначило сего рода заведениям. До заведения гимназии и училищ в сей области юноши первое образование получали в войсковой канцелярии, и сие образование состояло в чистом письме (чистописании. — *Авт.*) и некоторых практических познаниях юриспруденции. По старанию войскового атамана и непременных членов войсковой канцелярии... предубеждения и привычки насчет высокого просвещения, которое будто бы находят в войсковой канцелярии, мало-помалу ослабевают — и дадут случай раскрыться гимназии во всем ее блеске. Библиотека в ней, впрочем, довольно порядочна, как равно и минералогический кабинет. Достоин примечания, что в сей гимназии при мне учились три молодых черкеса»²⁸⁹.

Ожиданиям учителя не дано было сбыться: в 1829 году войсковая гимназия «по недостатку воспитанников» была упразднена

²⁸⁷ Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 103.

²⁸⁸ Там же. С. 60, 72.

²⁸⁹ *Сбитнев И.* Воспоминание о Черномории // Украинский журнал, издаваемый Императорским Харьковским университетом. — 1825. — Ч. 6. — № 11-12. — С. 317-318.

на²⁹⁰. В Екатеринодаре оставалось уездное училище, в котором преподавались Закон Божий, российская грамматика, арифметика, география, история, начала геометрии и физики, чистописание, и языки — церковнославянский, латынь, немецкий и французский. Также в городе находилось открытое в 1818 году стараниями того же К. В. Россинского приходское духовное одноклассное училище, в котором обучались, в большинстве, дети из казачьего духовенства²⁹¹. В 1820 году это училище, числившееся по Екатеринославской епархии и отнесенное к третьему разряду духовно-учебных заведений, было закрыто, но с переходом Земли Войска Черноморского в Астраханскую епархию в 1823 году открыто вновь²⁹². Позже, в 1857 году, «по высочайшему повелению» для детей духовенства Черноморского казачьего войска в Екатеринодаре было учреждено Черноморское войсковое духовное училище, в котором со следующего года открылись три отделения: низшее, среднее и высшее — и устанавливалось преподавание катехизиса, церковного устава, русского, церковнославянского, греческого и латинского языков, географии, арифметики и церковного пения²⁹³.

В 1851 году по инициативе исправлявшего должность наказного атамана Черноморского казачьего войска Г. А. Рашипиля в Екатеринодаре была возрождена войсковая семиклассная гимназия с «благородным пансионом», в старших классах которой «сверх обычного министерского курса» преподавались военные науки, «маршировка», верховая езда, стрельба, плавание и фехтование. В следующем, 1852 году в гимназии обучалось 145 учеников, а в июле 1853 года императорским указом было установлено, что 25 учебных мест отводилось для малолетних горцев, «оказавших способность в науках»²⁹⁴.

Согласно высочайше утвержденному 29 октября 1853 года «Положению о Кавказском учебном округе и подведомственных ему учебных заведениях», была создана Дирекция училищ Земли Войска Черноморского, которая заведовала учебными заведениями в Черноморском казачьем войске и в северо-восточной части Черноморской

²⁹⁰ Еатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 81 ; История Кубанского казачьего войска. Т. II. С. 754–755.

²⁹¹ Еатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 66.

²⁹² История Кубанского казачьего войска. Т. II. С. 764–765.

²⁹³ Православная церковь на Кубани ... С. 421.

²⁹⁴ Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 109, 112–113.

береговой линии. Этим же положением устанавливалось обязательное для всех учеников Екатеринодарской войсковой гимназии изучение черкесского (адыгского) языка²⁹⁵. Новым положением «Об управлении учебной частью на Кавказе», утвержденным Наместником Кавказским генерал-фельдмаршалом князем А. И. Барятинским 2 июля 1860 года, Управление Кавказского учебного округа было упразднено, а Дирекция училищ Черноморского казачьего войска была подчинена наказному атаману войска²⁹⁶. Тогда же, 22 июля 1860 года, было высочайше утверждено положение Военного Совета о переводе войсковой гимназии из Екатеринодара в Ейск²⁹⁷.

В последние годы существования Екатеринодара в статусе войскового города здесь было открыто несколько начальных учебных заведений: в 1861 году — школа при Дмитриевской церкви; в 1864 году — женское училище с пансионом Екатеринодарского женского благотворительного общества и Екатеринодарское женское училище войскового старшины Александра Посполитаки; в 1865 году — начальное мужское училище²⁹⁸. Средним учебным заведением считалось открытое в 1863 году Мариинское женское училище, предназначавшееся «для доставления лицам всех сословий Кубанского казачьего войска средств к образованию их дочерей»; здесь, помимо общеобразовательных предметов, преподавались рукоделие, кулинарное искусство, домоводство, огородничество и пчеловодство²⁹⁹.

К моменту обращения войскового города в гражданский, на 1 января 1867 года, в нем, при населении 14 167 человек, числилось 11 учебных заведений: войсковое духовное, приходское духовное, женское Мариинское, женское Посполитакинское, Дмитриевское

²⁹⁵ ПСЗ. — Собр. 2. — Т. XXVIII. — Отделение первое. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1854. — № 27646. — С. 498–503.

²⁹⁶ ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 209. Л. 1, 4.

²⁹⁷ ПСЗ. — Собр. 2. — Т. XXXV. — Отделение первое. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1862. — № 36037. — С. 932.

²⁹⁸ Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 121, 126, 129, 131 ; ПСЗ. — Собр. 2. — Т. XXXIX. — Отделение 2. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. — № 41411. — С. 132.

²⁹⁹ ПСЗ. — Собр. 2. — Т. XXXV. — Отделение второе. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1862. — № 36445. — С. 482–488 ; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2116. Л. 286–374.

приходское, армяно-григорианское, Ейское уездное (временно переведенное в Екатеринодар) училища; школа войсковых капельмейстеров; две музыкальных школы и одна артиллерийская³⁰⁰.

Экономические функции войскового города Екатеринодара были обусловлены целями хозяйственного освоения Правобережья Кубани, что было основным, наряду с защитой рубежей государства, предназначением поселенного здесь Черноморского войска.

Именно правительственными мероприятиями было положено начало меновой торговле черноморских казаков с закубанскими горцами, причем правительство видело в устройстве меновых дворов не только и не столько способ вовлечения производителей в товарно-денежные отношения, сколько способ регулирования отношений с горцами. Первый меновой двор с карантинном «при Екатеринодаре», названный Богоявленским, был учрежден в конце 1795 года (по другим данным — в 1796 году) возле Богоявленской пристани — «противу бжедугских черкес»³⁰¹. Другой меновой двор в Екатеринодаре (располагавшийся возле Главного Екатеринодарского поста) был открыт по инициативе войскового атамана Т. Т. Котляревского и с «высочайшего разрешения» в 1797 году³⁰². Основным предметом мены со стороны черноморских казаков была соль, добываемая в войсковых соляных озерах, со стороны горцев — мука и зерно: пшено, просо, пшеница, ячмень, овес, рожь. Также выменивались «кожи медвежьи, волчьи, лисьи, овечьи и диких кошек, дикие кабаны стреляные, фрукты, груши, кислицы, орехи, каштаны, лук, чеснок, мед, воск, пчелы, седла, бурки, рогожи, сукно черное, белое и серое, чекмени, кумач пестрый и полотно бумажное, сабли, пистолы, ружья и ратовища»³⁰³. Позже, в документе 1800 года, упоминаются, помимо указанных товаров, тулупы, одеяла, обручи, «доски и другие изделия из леса» и табак³⁰⁴.

³⁰⁰ Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 132.

³⁰¹ *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов ... Т. 4. С. 111 ; Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с закубанскими горскими народами с 1792 по 1864 год / сост. В. С. Шамрай // Кубанский сборник : труды Кубан. обл. статистич. комитета / под ред. С. В. Руденко. — Т. 8. — 1902. — Екатеринодар : Тип. И. Ф. Бойко, 1901. — Паг. 2. — С. 364 ; Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 34.

³⁰² Краткий очерк меновых (торговых) сношений ... С. 363–364.

³⁰³ *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов ... Т. 4. С. 111.

³⁰⁴ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1. Л. 35.

Эта меновая торговля, обеспечивавшая в первые годы существования Черноморской кордонной линии продуктовыми ресурсами казаков, несших на ней службу, и зачастую выступавшая почти единственным их источником, прекращалась и возобновлялась, регулировалась и контролировалась предписаниями и инструкциями из Петербурга. Например, в 1797 году после эпидемии чумы в Закубанье последовало распоряжение временно прекратить мену, что имело не только экономические (недостаток хлеба в Черномории), но и военно-политические последствия, выразившиеся в вооруженных пограничных столкновениях. Подобная ситуация сложилась и в 1822 году. В обоих случаях по прошествии нескольких месяцев торговля возобновлялась³⁰⁵.

Со временем меновая торговля на кордонной линии стала играть большую роль в хозяйственно-экономической жизни как черноморских казаков, так и адыгов. М. В. Покровский, основываясь на данных войскового архива, пришел к выводу, что «не только «простые черкесы», но и князья стали обнаруживать самый живой интерес к торговле с русскими. Отдельные из них на лодках доставляли в Екатеринодар крупные партии хлеба и других товаров. Князь Издемир в 1796–1798 гг. имел целую флотилию в количестве десяти больших лодок, которые под охраной его воинов, снабженных отписком войсковой печати Черноморского войска, регулярно курсировали между Константиновским постом и Екатеринодарской пристанью...». При этом «русская администрация со своей стороны рассматривала предоставление права свободной торговли для адыгейской знати как своеобразную привилегию и поощрение»³⁰⁶.

Войсковая администрация, признавая важность меновой торговли с горцами, пыталась тем не менее оградить себя от непосредственного регулирования процессов мены, что побудило ее в 1802 году отдать на откуп все меновые дворы на Черноморской кордонной линии. Контракт с сотником Донского войска Николаевым был заключен на четыре года. Впоследствии выяснилось, что откупщик не выполняет договоренности, контракт был расторг-

³⁰⁵ Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века : социально-экономические очерки. — Краснодар : Кн. изд-во, 1989. — С. 115–116, 123–124.

³⁰⁶ Там же. С. 117.

нут³⁰⁷, и уже в 1811 году два меновых двора — Екатеринодарский и Редутский — были сданы курским первой гильдии купцам М. А. Сыромятникову и С. В. Антиномову³⁰⁸. В обоих случаях откупщики получали немалую прибыль, Сыромятников и Антиномов даже наладили продажу высоко ценившихся лошадей черкесских пород на общероссийских конных торгах — курских ярмарках³⁰⁹.

К характеристике роли Екатеринодарского менового двора во взаимоотношениях казаков с горцами стоит добавить тот факт, что в условиях военного противостояния в отдельных случаях двор служил местом обмена пленными и даже убитыми в бою. Вот как писал об этом применительно к концу 1810-х — началу 1820-х годов И. М. Сбитнев: «Чрез р. Карасу[н], на берегу Кубани, построен меновой двор и близ него карантин... Здесь происходит мена продуктов, естественных между черноморскими казаками и черкесами. У нас получают преимущественно соль, в коей кавказские жители нуждаются, а нам отпускают лес, плоды, свои изделия, наз[ываемые] черкесскими, — а иногда и пленных казаков, получая за сие или убитого черкеса, если имеется, или несколько сот пудов соли, судя по званию и достатку пленного, что почти всегда им известно от армян, в руках коих вся внутренняя торговля города находится»³¹⁰.

Наряду с меновыми дворами, торговую функцию Екатеринодара в масштабах края и страны обеспечивали ярмарки. Уже в марте 1794 года в «новостроящемся городе» были учреждены четыре ежегодные ярмарки: Благовещенская, Троицкая, Преображенская и Покровская³¹¹. Изначально они проводились на эспланаде Екатеринодарской крепости, и «главная улица города» (Красная) сильно разбивалась прогоняемым на торг скотом и гужевыми повозками, из-за чего с 1825 года Благовещенскую, Троицкую и Покровскую

³⁰⁷ См.: Пчегатлук С. К. Торгово-экономические связи в системе отношений Россия — Северо-Западный Кавказ (конец XVIII — начало XIX в.) // Информационно-аналитический вестник. — Вып. 9–10. — Майкоп : АРИГИ им. Т. М. Керашева, 2006. — С. 164.

³⁰⁸ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 650. Л. 1–1об. ; Покровский М. В. Из истории адыгов ... С. 121–122.

³⁰⁹ См.: Покровский М. В. Русско-адыгейские торговые связи. — Майкоп : Адыг. кн. изд-во, 1957. — С. 22–23.

³¹⁰ Сбитнев И. Воспоминание о Черномории. С. 318–319.

³¹¹ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 1. Л. 260 об.

ярмарки стали устраивать за восточной окраиной города, близ леса Круглик.

На протяжении семи десятилетий ярмарки устраивались по инициативе и под патронажем войсковой администрации, но их официальный характер не препятствовал выходу за рамки местного масштаба: наряду с казаками, основными действующими лицами екатеринодарских ярмарок были «наезжие продавцы» и купцы из Рязани, Тулы, Калуги, Тамбова, Нахичевани и других городов³¹². Главными предметами торга служили рогатый скот, лошади, «красный товар», но в ассортименте неизменно наличествовали кожи, строевой лес, дрова, мед, продукты питания, «мелочный товар». Ярмарки приносили немалый доход Черноморскому войску. Например, в 1812 году на Благовещенской ярмарке было продано 2050 голов скота, и с каждой головы в войсковую казну поступало 10 копеек³¹³.

В марте 1845 года исправлявший должность наказного атамана Черноморского казачьего войска генерал Г. А. Рашпиль, с одобрения кавказского наместника графа М. С. Воронцова, разрешил закубанским горцам свободный доступ на ярмарки и базары Черномории, чем положил начало так называемым черкесским ярмаркам, значительно увеличившим товарооборот и оживившим торговлю, а также способствовавшим налаживанию мирных отношений казаков с соседями: на время ярмарок «немирные» горцы складывали оружие³¹⁴. Уже в мае 1845 года на Троицкую ярмарку в Екатеринодаре с левого берега Кубани прибыло около 9,8 тысячи черкесов, из которых было более 2,5 тысячи «немирных», и более 4 тысяч арб, а общий оборот русско-адыгской торговли составил тогда, по данным М. В. Покровского, 42 тысячи рублей серебром. В последующие годы значительная часть адыгских товаров поступала на рынки и ярмарки внутренних губерний России³¹⁵.

³¹² ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 29. Л. 3–7.

³¹³ Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 60.

³¹⁴ См.: *Покровский М. В.* Из истории адыгов ... С. 141–145 ; *Екатеринодар-Краснодар : Два века города ...* С. 95–96 ; *Мошкович Г. Г. Атаман Г. А. Рашпиль и организация меновой торговли казаков и горцев в 40–50-е гг. XIX в. на Кубани // Проблемы историографии и истории Кубани : сб. науч. тр. / Кубанский гос. университет. — С. 123–126.*

³¹⁵ *Покровский М. В.* Из истории адыгов ... С. 142.

Важную составляющую роль Екатеринодара как центра торговли в Черномории играли городские базары, функционировавшие с первых лет жизни города. В первые годы жизни города рынок несколько раз переносили, но в 1798 году распоряжением войскового атамана Т. Т. Котляревского было определено постоянное место в примыкающем к крепостной эспланаде квартале, по периметру которого располагались куренные лавки (между нынешними улицами Красной, Советской, Красноармейской и имени Пушкина)³¹⁶. Судя по известным планам города, к 1818 году этот базар был упразднен и в четырех кварталах к северу открыт «Новоторгующий» рынок, также примыкавший с востока к главной улице (на месте нынешнего сквера имени Г. К. Жукова). В это же время в западной части города, напротив пристани, при бойнях, находились «мясные ряды»³¹⁷. В 1853 году, когда на рыночной площади началось строительство войскового собора, главный городской базар был перенесен на Сенную площадь, где до этого велся торг сеном и дровами (позже этот базар был назван Старым; ныне здесь сквер Дружбы)³¹⁸.

Поначалу на городских рынках в перерывах между ярмарками устанавливался один торговый день в неделю, а с 1827 года — два³¹⁹. Ассортимент товаров соответствовал ярмарочному: «красным товаром» торговали купцы из центральных губерний России, армяне и татары; черноморские казаки продавали скот, дрова, сено, съестные продукты, кожи, а «мирные» черкесы — строевой лес³²⁰.

Заметным явлением в экономической жизни Черномории была лавочная торговля в Екатеринодаре, появившаяся почти одновременно с самим городом и на протяжении всей его «войсковой» истории в перерывах между ярмарками и базарными днями определявшая существование и развитие товарно-денежных отношений в городе и Черномории.

Изначально лавки были «куренными», т. е. принадлежавшими куреням, и частными, которыми владели жители города — старшины

³¹⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21924; ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 52. Л. 146–147.

³¹⁷ РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 5550; ГАКК. Коллекция «Географические и специальные карты Северного Кавказа». Д. 112.

³¹⁸ Там же. Д. 113; *Шахова Г. С.* Краснодарская улица Красная. С. 113.

³¹⁹ См.: *Собривский А. С.* Екатеринодарские городские базары ... С. 2.

³²⁰ *Покровский М. В.* Из истории адыгов ... С. 124.

и казаки, но уже в первые десятилетия XIX века лавочная торговля в Екатеринодаре перешла в руки иногородних, преимущественно нахичеванских и «закубанских» армян, которые, не имея права постоянного проживания, тем не менее прочно обосновались в войсковом городе³²¹. К 1818 году все четыре угла при пересечении главной улицы с первой улицей от крепостной эспланады (пересечение нынешних улиц Красной и Советской) были заняты армянскими лавками, и здесь же, в первом от эспланады квартале, находился армянский храм³²². Известно, что нахичеванские армяне держали лавки в гостинном ряду на базарной площади. В частности, применительно к концу 1820-х годов о галантерейной торговле «Карп Тумасов» (видимо, так называлась лавка) в гостинном ряду упоминал в мемуарах И. М. Келле-Шагинов³²³. Н. В. Симановский в «Дневнике офицера, прикомандированного к Навагинскому полку...»³²⁴ указывал на наличие армянской торговли в екатеринодарском гостинном дворе в записях за апрель 1837 года: «Лучшее строение — это есть гостинный двор, он довольно хорош, но зато армяне дерут вдсятеро»³²⁵. Такое положение сохранялось и в середине столетия. Н. Н. Филиппов писал о Екатеринодаре 1856 года: «Вся торговля в Екатеринодаре в руках армян. Ряды помещаются в кирпичном, довольно большом здании, и заключают в себе

³²¹ См.: *Сбитнев И.* Воспоминание о Черномории. С. 319 ; Город Екатеринодар 40-х годов прошлого столетия ... С. 59 ; Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 112.

³²² РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 5550 ; ГАКК. Коллекция «Географические и специальные карты Северного Кавказа». Д. 112.

³²³ *Келле-Шагинов С.* История семьи из бывшего города Нахичеванина-Дону в воспоминаниях ушедших поколений. Ч. 1 // *Relga* : научно-культурологический журнал. — 01.05.2012. — № 7 (245). — URL : <http://www.relga.ru/Enviro/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=3185&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 07.01.2019).

³²⁴ В первом издании монографии авторство «Дневника...» не обозначено, поскольку на момент завершения рукописи в марте 1999 года не было известно. Результаты атрибуции источника и адаптированный текст были опубликованы И. Грозовой в сентябре 1999 года: *Симановский Н. В.* Дневник. 2 апреля — 3 октября 1837 г., Кавказ / публикация, вступительная заметка и примечания И. Грозовой // *Звезда* : ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический независимый журнал. — 1999. — № 9. — С. 184–216.

³²⁵ ОР РНБ. Ф. 777. Оп. 3. № 326/1. Л. 5.

все армянские лавки, в которых продаются изделия и товары русские и азиатские, и частью заграничные»³²⁶.

В 1820–1830-х годах значительное число лавок с «красным товаром» принадлежало и приезжим торговцам из центральных русских губерний, Малороссии и из Земли Войска Донского. Например, М. В. Покровский приводит выдержку из «Именного списка иногородним торговым лицам», где упомянуты, в числе прочих, тульский мещанин Антон Пономарев, коломенский мещанин Андрей Демидов, крепостной крестьянин из Московской губернии Родион Рысаков, государственный крестьянин из Харьковской губернии Карп Капнин, казенный крестьянин Павел Герасимов из Владимирской губернии, донской казак Иван Сербинов³²⁷. В 1845 году общее число торгующих в Черномории «иногородних» было 208 человек, оборот их торговли составлял 570 тысяч рублей серебром³²⁸.

О екатеринодарских казаках в документах того времени говорилось, что они занимались лишь «разными незначительными торговыми промыслами»³²⁹. Очень точно эту черту торговли в Екатеринодаре описал И. Д. Попка: «...если значительнейшие выгоды промышленного и даже простого труда ускользают из рук местного населения, то, по естественному порядку вещей, и торговля края должна иметь ту же участь. Казак — не то, что московский стрелец, — никогда не любил и не уважал торгового дела. (Так точно чуждаются его и закубанские горцы)... Если не в силу подобных, уже отживших свой век, мнений, так потому, что в казачьем войске не существует среднего сословия, торговля Черноморского края (т. е. Земли Войска Черноморского. — *Авт.*) находится в руках иногородних людей. Исключение ничтожно»³³⁰.

Стоит упомянуть тот факт, что Войсковая администрация неоднократно предпринимала попытки, с целью развития хозяйственно-экономической жизни в крае, привлечь казаков к торговому делу, но

³²⁶ Филиппов Н. Поездка по берегам Азовского моря летом 1856 г. : Из Морского сборника 1857 года. — СПб. : В типографии Морского министерства, 1857. — С. 80.

³²⁷ Покровский М. В. Из истории адыгов ... С. 143.

³²⁸ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1764. Л. 381.

³²⁹ Там же. Д. 1549. Л. 21.

³³⁰ Попка И. Д. Черноморские казаки ... С. 113–114.

результатов эти устремления не дали. Даже специально созданное в Черноморском войске «торговое общество», члены которого освобождались от несения кордонной и внутренней службы, не сыграло сколь-нибудь заметной роли в торговой отрасли экономики края и города Екатеринодара. Число «торговых казаков» так и не достигло установленной для всего войска численности «общества» в 200 человек. Например, в 1846 году насчитывалось всего 49 «торговых казаков», в 1852-м — 45; в 1867 году в Екатеринодарской станице таких было всего 18³³¹.

В «войсковой» период существования Екатеринодара уровень развития в нем промышленности (в значении производства, в отличие от применявшегося понятия «торговая промышленность») определялся исключительно потребностями Черноморского казачьего войска, обусловившими существование войсковых кирпичных заводов и суконной фабрики, а также нуждами населения города, потреблявшего продукцию екатеринодарских частных винокурен, пивоварен, мельниц, кирпичных, кожевенных, салотопенных и масляных заводов.

Первый войсковой кирпичный завод был сооружен по инициативе войскового судьи А. А. Головатого «для строения в городе... чего необходимо войсковая польза, честь и слава требует» летом 1795 года. Помещался завод в «трехсотсаженном сарае» на берегу Карасуна³³². В январе 1796 года Войсковое правительство заключило контракт с «каменных дел мастером» Ф. Макдичем «с тем, чтобы ему собственными своими рабочими людьми в состоящем при Екатеринодаре войсковом кирпичном заводе сделать жженого кирпича и с оного соорудить (так в тексте. — *Авт.*) по плану в крепости Святотроицкую церковь (имеется в виду собор, который был освящен в 1802 году во имя Воскресения Господня. — *Авт.*), арсенал, войсковые и 40 куренных домов»; при этом допускалась продажа изготовленного кирпича «на сторону». В 1798 году контракт был расторгнут из-за неисполнения его условий подрядчиком, который, ввиду отсутствия мастеров в Екатеринодаре и Черномории, «таковых отыскивал в других российских местах, но из-за здешнего тяжкого воздуха, побыв они в работе

³³¹ См.: Шевченко Г. Н. Черноморское казачество ... С. 59; РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 963. Л. 22–22 об; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2652. Л. 199.

³³² Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 33

малое время, похвораясь, вымирили», что привело Макдича к разорению. В качестве неустойки подрядчик завещал войску построенные им при заводе сараи, мельницу, баню, ледник и пивоварню с солодовней, и в апреле 1803 года, по смерти Макдича, пивоварня, названная «пивоваренным заводом», поступила в собственность войска, а уже в ноябре 1804 года ее купил полковой есаул Семикобылин³³³.

По сведениям Ф. А. Щербины, в 1808 году Войсковая канцелярия заключила новый контракт, по которому передавала кирпичный завод подрядчикам — донскому казаку Ачинову и сотнику Гусельщикову, обязавшимся изготавливать кирпич и из него построить 40 куреней (казарм; вместо существовавших деревянных) в крепости, здания канцелярии и церкви на кладбище. Эти подрядчики так же не смогли выполнить условия контракта по ряду причин: из-за побегов служивших при заводе казаков, частых болезней и смертей работников, частых нападений горцев. «Выделка» кирпича при таких обстоятельствах приносила подрядчикам одни убытки. В 1811 году Гусельщиков скончался, а Ачинов «оказался несостоятельным»³³⁴.

В дальнейшем Войсковая администрация отказалась от идеи подряда и самостоятельно распорядилась заводом, имевшим к 1815 году на территории, обнесенной частоколом, 29 печей для «изделки кирпича», 6 печей для его обжига, 8 сараев для хранения сырца и готовой продукции, 8 водоносных бочек и «будки под лубяной крышей». Для работ на заводе привлекались все не занятые службой казаки³³⁵. В 1817 году Войсковая канцелярия назначила смотрителя завода — сотника Кардашевского, а изготовление кирпича поручила казаку Щербиновского куреня Кривцову. Рабочие на завод «назначались» из числа служащих казаков, провиант для них, дрова, инструменты и иные необходимые для производства материалы поставлялись Войсковой канцелярией и находились в ведении смотрителя³³⁶. На планах города 1818 и 1819 годов «войсковые кирпичные заводы» обозначены на границе кубанской поймы к западу от крепости³³⁷.

³³³ Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 41.

³³⁴ История Кубанского казачьего войска. Т. II. С. 640–641.

³³⁵ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 270. Л. 5–6, 35.

³³⁶ История Кубанского казачьего войска. Т. II. С. 641.

³³⁷ РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 5550 ; ГАКК. Коллекция «Географические и специальные карты Северного Кавказа». Д. 112.

В 1830 году вступил в строй новый войсковой кирпичный завод, построенный на берегу Карасуна в северо-восточной части городской территории. Изготовленный на нем кирпич предназначался для возведения зданий Войсковой канцелярии, городской полиции, «земского начальства», провиантского склада, арсенала и «дома для дворянского собрания». Сооруженные здесь печи — емкостью 45 и 38 тысяч кирпича — поначалу функционировали лишь в летнее время. На работы сюда назначались казаки из полков, несших кордонную службу; глину добывали на месте, песок и воду доставляли по специальным нарядам на фурах, предоставляемых куренями. Разрешалось продавать кирпич «войсковым жителям» по 20 рублей за тысячу³³⁸.

В 1847 году в Екатеринодаре числилось три кирпичных завода — войсковой и два частных, один из которых располагался рядом с войсковым на берегу Карасуна, а второй — близ кубанской поймы, в двух кварталах к западу от Сенной площади³³⁹. То же число кирпичных заводов сохранялось и в 1864 году; производили они до 900 тыс. кирпичей в год³⁴⁰.

Устройство войсковой суконной фабрики было вызвано необходимостью массового изготовления вводимых с 1815 года форменных мундиров для всех чинов Черноморского казачьего войска. Губернатор Новороссии герцог Э. О. де Ришелье в мае 1814 года обратил внимание Войскового атамана Ф. Я. Бурсака на возможность значительной экономии средств на производстве сукна в войске по причине дешевизны овечьей шерсти в пределах Черномории и предложил изготавливать «сукно цветов темно-зеленое и синее, необходимое для единообразного обмундирования полков» (Ф. А. Щербина ошибочно указывает, что инициатором устройства суконной фабрики был граф Ланжерон)³⁴¹. В 1816 году размещенная во вновь построенных каменных флигелях Екатеринодарской крепости войсковая суконная фабрика начала выдавать войску продукцию. Однако

³³⁸ Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 81.

³³⁹ ГАКК. Коллекция «Географические и специальные карты Северного Кавказа». Д. 113 ; Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 104.

³⁴⁰ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2364. Л. 434.

³⁴¹ Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 63 ; История Кубанского казачьего войска. Т. II. С. 650 ; Оружие и мундир кубанских казаков конца XVIII — начала XX в. / авт.-сост. Б. Е. Фролов. — Краснодар : Традиция, 2018. — С. 6.

к 1822 году это предприятие, на котором числилось более полусотни рабочих и имелось семь станков, пришло в запустение: оборудование требовало ремонта, была остановлена работа сукновальни (из-за резкого падения уровня воды в Карасуне, на берегу которого сукновальня располагалась), рабочие разбрелись по куренным селениям. Для восстановления производства Войсковая канцелярия привлекла «прусского уроженца» В. И. Краузе, с которым заключила трехгодичный контракт, назначив «фабрикантом, то есть мастером», и с июля 1822 года фабрика возобновила работу. Рабочих для нее было предписано набирать в куренных селениях из «бедного состояния женщин, девочек, праздных людей и безженных (неженатых. — *Авт.*) казаков». Тогда же, из-за упомянутого низкого уровня воды в Карасуне, началось строительство новых производственных зданий в Сергиевском куренном селении на реке Кирпили, куда фабрика была перенесена в октябре 1825 года³⁴².

В документах Войсковой канцелярии Черноморского казачьего войска встречается упоминание о предполагаемом строительстве на плотине Карасуна войсковой мельницы, нужной для снабжения мукой «пограничных караулов», чего была «учинена публикация, не сыщутся ли желающие выстройку (так в тексте. — *Авт.*) таковой мельницы у войсковых лесов взять на себя»³⁴³. Судя по отсутствию поздних документов, содержащих сведения о войсковой мельнице, можно полагать, что она не была построена, видимо, по той причине, что в Екатеринодаре в начале XIX столетия уже было несколько частных мельниц, которые могли, как и другие мельницы в Черномории, обеспечить необходимые потребности войска в перемоле зерна. Уже в 1807 году, как следует из «Ведомости о селениях войска Черноморского с экономическими примечаниями», в городе насчитывалось 7 ветряных мельниц, в 1851 году их было 44, а в 1861 году — 39³⁴⁴.

Ф. А. Щербина в труде «История Кубанского казачьего войска», завершая «обзор войскового хозяйства в течение 60-летнего его су-

³⁴² Путеводитель по государственным архивам Краснодарского края / Архивный отд. Краснодарского пром. крайисполкома, Гос. архив Краснодарского края. — Краснодар : Кн. изд-во, 1963. — С. 108 ; Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 78.

³⁴³ ГАКК. Ф 250. Оп. 2. Д. 38. Л. 201.

³⁴⁴ Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 53, 110, 121.

ществования», разделил все войсковые предприятия на «доходные» и «бездоходные». К первым он отнес, из числа находившихся в Екатеринодаре, лишь типографию и кирпичный завод, оговариваясь, что завод, хоть и «давал доход войску, но он соединен был с несомненными жертвами куренных обществ и населения»; ко вторым — суконную фабрику. При этом он отметил, что «всем войсковым предприятиям свойственны были одни и те же отрицательные черты: отсутствие удовлетворительной организации и живого интереса участвовавших в них лиц. На всем лежала печать формализма, казенщины и принудительного воздействия»³⁴⁵.

Частновладельческую промышленность войскового города Екатеринодара составляли, помимо упомянутых мельниц, винокурни, пивоварни, маслобойни, скотобойни, упоминавшиеся кирпичные, а также салотопенные и кожевенные заводы и кузницы. Это были небольшие перерабатывающие (за исключением кирпичных заводов) предприятия с производством кустарного типа, рассчитанные, как и войсковые промышленные заведения, на потребление их продукции в городе и пределах Черномории³⁴⁶. Число их было невелико: например, в 1861 году здесь было 14 кожевенных, 10 салотопенных, 8 маслобойных и 1 кирпичный завод, через три года — 3 кирпичных, 10 кожевенных, 5 салотопенных заводов и одна пивоварня³⁴⁷.

Очевидно, что в «войсковой» период своей истории город Екатеринодар не приобрел значения промышленного центра края. То же можно сказать и о ремесленном производстве, обеспечивавшем лишь потребности населения города.

Справедливости ради стоит обозначить тот факт, что в первые годы существования Екатеринодара среди его жителей было довольно много тех, кто совмещал несение кордонной службы с ремесленными занятиями, имевшими товарный характер. Были даже учреждены ремесленные цеха во главе с цехмейстерами³⁴⁸. Однако позже, очевидно

³⁴⁵ История Кубанского казачьего войска. Т. II. С. 664.

³⁴⁶ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 62. Л. 72 ; ГАКК. Коллекция «Географические и специальные карты Северного Кавказа». Д. 112, 113 ; Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 39–41, 104.

³⁴⁷ Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 121, 127.

³⁴⁸ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 283. Л. 10–16 ; ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 24. Л. 39–40.

в связи с ухудшением положения на границе, совмещение службы и ремесла стало невозможным. Соответственно, намечавшаяся роль Екатеринодара как центра ремесленного производства Черномории не состоялась.

Учрежденная в 1821 году рота «войсковых художников», т. е. мастеровых казаков, занималась исключительно «войсковыми работами»: строительством зданий в городе, на почтовых станциях, меновых дворах, изготовлением одежды, обуви и т. д.³⁴⁹ Товарного ремесла в городе не было. Как писал В. Ф. Золотаренко в «Плаче Василия при реке Кубани» — сочинении о Екатеринодаре 40-х годов XIX века, «мастеровых людей вовсе нет. Какие из казаков искусны в ремеслах, те состоят в роте войсковых мастеровых и постоянно работают для войска»³⁵⁰. Сам же город обеспечивался продуктами ремесленного производства екатеринодарских мастерских, принадлежавших (на временных основаниях) пришлым из Великороссии и Малороссии мастерам: плотникам, столярам, слесарям, кузнецам, шорникам, портным, сапожникам, «живописцам», мастерам золотых и часовых дел и т. д.³⁵¹

В функциональной классификации городских поселений обычно в ряду экономических выделяют и аграрную функцию, которая не является специфически городской, но часто сочетается с основными функциями города, а в некоторых случаях определяет экономический смысл его существования³⁵².

Земледелие и скотоводство были основными хозяйственными занятиями жителей Екатеринодара начиная с момента возникновения города, но при этом удовлетворяли лишь собственные потребности горожан в продуктах питания³⁵³. И. Д. Попка, характеризуя «земельный уряд» в войске, отмечал, что «хлебопашество Черноморского края составляет для народа предмет насущного только труда, а не богатства и даже не довольства. Оно чуждо всякого полеводного порядка и не

³⁴⁹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1422. Л. 351, 353 ; ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 3. Л. 5.

³⁵⁰ Город Екатеринодар 40-х годов прошлого столетия ... С. 60.

³⁵¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1897. Л. 304 ; Попка И. Д. Черноморские казаки ... С. 110–111 ; Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 112.

³⁵² Милов Л. В. О так называемых аграрных городах России XVIII века // Вопросы истории. — 1968. — № 6. — С. 54–64.

³⁵³ См.: Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 52–53, 112, 122–123.

всегда достаточно для пропитания местного народонаселения. Привоз хлеба из Ставропольской губернии обратился в существенную потребность екатеринодарских рынков и станичных ярмарок. Для продовольствия казаков на линии (кордонной. — *Авт.*) хлеб закупается за пределами войсковой земли...»³⁵⁴.

Таким же далеким от целей товарного производства было и разведение екатеринодарцами домашнего скота. Красноречиво об этом свидетельствуют, например, такие данные: в 1839 году на 7178 жителей войсковой столицы приходилось лишь 3830 голов крупного рогатого скота и 1280 овец³⁵⁵. В 1861 году, по данным екатеринодарского полицмейстера, охарактеризовавшего скотоводство в городе как «неизобильное», горожане держали немногим более двух с половиной тысяч голов рогатого скота³⁵⁶.

Что касается продажи горожанами хлеба и скота, то таковая являлась вынужденной мерой, не рассчитанной на получение прибыли и развитие промысла. Как было сказано в характеристике Екатеринодара, приведенной в военно-статистическом описании Черноморского казачьего войска 1851 года, таким способом казаки лишь «поправляли другие домашние недостатки»³⁵⁷.

В таком же состоянии находились в войсковой столице садоводство и огородничество³⁵⁸. Несмотря на возможности, которые открывали перед горожанами эти кустарные отрасли земледелия, они были лишь второстепенными занятиями казаков и так же, как и хлебопашество и скотоводство, обеспечивали «одни продовольственные средства населения»³⁵⁹. Генерал Дебу, констатировав, как и многие современники, обширность садов в городских усадьбах Екатеринодара³⁶⁰, отмечал, что сады «могли бы быть хорошими, но они, или от неимения

³⁵⁴ *Потка И. Д.* Черноморские казаки ... С. 74.

³⁵⁵ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1549. Л. 23.

³⁵⁶ Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 122.

³⁵⁷ Там же. С. 112.

³⁵⁸ Там же. С. 112, 123.

³⁵⁹ История Кубанского казачьего войска. Т. II. С. 673.

³⁶⁰ См., например: Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море. — М. : У продавца Бува ; В типографии Н. С. Всеволожскаго, 1810. — С. 176 ; *Сбитнев И.* Воспоминание о Черномории. С. 319 ; *Соболев М.* Письмо о войне с кубанцами // Московский телеграф. — 1831. — Ч. 37, № 3. — С. 403.

средств к их обрабатыванию, или от беспечности жителей, большей частью запущены»³⁶¹. Эта характеристика в полной мере применима и к занятиям екатеринодарцев огородничеством, не отличающимся от таковых на территории всей Черномории: И. Д. Попка писал между прочим, что, например, «табак, кунжут, сурепа, мак, лен и конопля могли бы возделываться с особенной выгодой, если бы для них оставались руки от земледельческого труда первой необходимости»³⁶².

Очевидно, что сельскохозяйственное производство в войсковом городе Екатеринодаре ограничивалось исключительно внутренней потребностью в продовольствии, соответственно, реализация продуктов, произведенных в городе, носила не рыночный, а потребительский характер, что точно обозначил В. Ф. Золотаренко в своем «Плаче Василия при реке Кубани»: «Всякий из жителей, приготовив себе хлеба и других жизненных потребностей, поживает как селянин. Но чтобы приступить к каким-нибудь оборотам, это и на мысль не приходит... Впрочем, черноморцу некогда заниматься куплею и продажей. Он почти всегда на службе»³⁶³.

Описанная натуральная форма хозяйствования емко определена Б. Н. Мироновым как деятельность, которая «не поднимается до уровня функций» города и «не объясняет смысл его бытия»³⁶⁴.

Подводя итоги рассмотрения различных сфер деятельности населения войскового города Екатеринодара в контексте законодательных и административных мероприятий имперской власти и инициатив Черноморского войска, констатируем следующее. Главными, составлявшими предназначение войскового города Екатеринодара в масштабах империи, выступали его военная и административная функции, обусловившие, в свою очередь, второстепенную «служебную» функцию государственного уровня — коммуникационную, т. е. роль города как узлового пункта связи. Сюда можно отнести и сопутствующую торговую функцию Екатеринодара, но лишь в части значения города как места проведения ярмарок, задействованного в общероссийском рынке. Меновая же торговля, как и базарная и лавочная,

³⁶¹ Дебу И. Л. О Кавказской линии ... С. 423.

³⁶² Попка И. Д. Черноморские казаки ... С. 75.

³⁶³ Город Екатеринодар 40-х годов прошлого столетия ... С. 60.

³⁶⁴ Миронов Б. Н. Русский город во второй половине XVIII — первой половине XIX века. С. 150–151.

составляли торговую функцию города не далее чем в Черномории и, в незначительной степени, сопредельных территориях включая Закубанье. Так же роль церковного, религиозно-символического и образовательного центра присуща Екатеринодару того времени лишь в масштабах Черномории.

2.4. Культурно-хозяйственный облик города

Возникавшие на присоединенных окраинах России города, изначально имевшие значение военно-колониционных пунктов, в большинстве со временем обретали значение хозяйственных и культурных центров географически тяготеющих к ним территорий, утрачивая пограничный смысл своего существования. Внутреннее развитие этих городов было необходимым условием и одновременно следствием постепенного вовлечения окраинных территорий в общероссийские экономические, политические и культурные процессы. Таким путем развивались Владикавказ, Кизляр, Моздок, Оренбург, Омск, Ставрополь и другие города «имперского периметра».

Войсковой город Екатеринодар самым фактом своего основания в качестве административного центра пожалованных Черноморскому войску земель и пункта управления Черноморской кордонной линией был поставлен в обстоятельства, в корне отличавшиеся от условий эволюции других городов. Во-первых, население Екатеринодара, состоявшее исключительно из казаков и офицеров войска и членов их семей, вело военный образ жизни, определенный пограничным положением города и необходимостью несения кордонной службы. Во-вторых, как было сказано выше, сам статус войскового города обусловил отсутствие в Екатеринодаре постоянного гражданского населения, способного обеспечивать экономическое развитие и благоустройство города, ввиду юридической невозможности лицам «невойсковых» сословий иметь недвижимость на землях войска.

Вплоть до 1860-х годов Екатеринодар, как и вся приграничная часть Черномории, существовал в условиях «перманентной» войны с закубанскими горцами. Набеги на город, редкие в первые годы его существования, со временем стали довольно частым явлением, особенно в 1810–1820-х годах, причем эти вторжения уносили жизни не только казаков, оборонявших «екатеринодарские» посты, пикеты и дистанции кордонной линии, но и жителей города. Жизнь екате-

ринодарцев проходила в постоянном ожидании боевой стычки. Вот как описывает это состояние И. М. Сбитнев: «Мудрено привыкнуть жить новому человеку в Екатеринодаре, поелику спокойствие жителей оного часто нарушается набегами черкесов, кои иногда вторгались в крайние дома города. И летом, и зимою поят скот, берут воду из Кубани, моют белье — с ружьями, саблями и пиками. Нет ничего неприятнее для человека, как всегда находиться в опасении...»³⁶⁵ Сбитневу вторит Н. Н. Филиппов, побывавший в Екатеринодаре намного позже — в 1850-х годах: «Не проходит года, чтобы горцы по несколько раз не предпринимали нападения на Екатеринодар, и поэтому тревоги здесь бывают довольно часто. Иногда горцам удаются эти попытки, особенно зимой. Перебравшись ночью через Кубань по льду и избегнув внимания сторожевых постов, партия горцев, человек в полтораста, прокрадывается в город и стремительно нападает на первые попавшиеся дома или заранее высмотренные войсковые заведения. Тогда вдруг начинают бить тревогу, раздаются частые выстрелы... Горцы, захватив, если удастся, несколько человек пленных, особенно женщин и детей, да десятка два или три лошадей, поспешно переправляются за Кубань... Жители, впрочем, привыкли к ночным тревогам и не считают их даже необыкновенными явлениями»³⁶⁶.

Известен эпизод, когда Екатеринодар находился под угрозой захвата. Во время Крымской войны командование союзных войск придавало планам прорыва кордонной линии и овладения столицей Черномории огромное значение. Реализовать эти планы намеревался ставленник Турции, черкесский князь Сефер-бей Зан, который в декабре 1855 года вместе с сыном Карабатыром привел семитысячное войско горцев к Екатеринодару. В ночь с 28 на 29 декабря, переправившись по льду замерзшей Кубани, отряд мутазигов-ополченцев ворвался в город и захватил прилегающие к Кубани кварталы, однако вскоре был выбит казаками, понеся большие потери. После неудачного штурма города войско Сефер-бея ретировалось³⁶⁷.

Наряду со значительными, подобными описанному, событиями Кавказской войны, в коллективной биографии жителей войскового города запечатлелось множество других военных эпизодов, опреде-

³⁶⁵ Сбитнев И. Воспоминание о Черномории. С. 322.

³⁶⁶ Филиппов Н. Поездка по берегам Азовского моря ... С. 75.

³⁶⁷ Покровский М. В. Из истории адыгов ... С. 282.

лявших на протяжении десятилетий екатеринодарскую повседневность. Даже когда империя завершала «покорение» Западного Кавказа, вытесняя горцев с их исторических территорий в Закубанье, и кордонная линия практически утратила свое стратегическое значение, Екатеринодар, ставший центром Кубанской области, по-прежнему был сравним с большим военным лагерем: помимо находившихся здесь постоянно частей Кубанского казачьего войска, здесь были расквартированы части регулярной армии и располагались войсковые и армейские учреждения.

Несмотря на военные обстоятельства жизни и «войсковой» статус, уже с первых лет существования города Черноморская войсковая администрация, а позже и вышестоящее начальство стремились приблизить его к положению прочих городов Российской империи. В частности, помимо рассмотренной выше особой системы внутреннего управления городом, здесь были введены некоторые начатки его внутреннего хозяйственного функционирования: устроен, помимо войскового запасного провиантского магазина, отдельный городской запасной магазин, в который все горожане должны были сдавать хлеб «по одной четверти озимого и по одному гарнцу ярового с каждой души мужеска пола» на случай неурожая или стихийного бедствия, а также для помощи нуждающимся; определены пошлины «в пользу города» для всех иногородних купцов, торгующих в Екатеринодаре, — по полкопейки с рубля в год, с каждой бочки вина по 50 копеек и с «покупщиков скота» за лошадь — 10, за овцу — 2 копейки³⁶⁸. Были также установлены границы городских земель, включая уголья, которые, например в 1807 году составляли 1700 десятин пашенной и 500 сенокосной земли, 1600 десятин «неудобий» и 7 десятин леса³⁶⁹.

Помимо государственных повинностей (предоставление квартир для постоя офицеров и солдат регулярных частей, лошадей для почтовой станции) и войсковых (выставление ночных нарядов для охраны почтовой экспедиции, менового двора, войсковых лавок и гимназии, предоставление фуража для артиллерийских лошадей и т. п.), жители Екатеринодара несли и груз обязанностей городского масштаба, состоявших в организации силами горожан ночных обходов города, выставлении залог (секретных постов) по его периметру,

³⁶⁸ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 106.

³⁶⁹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 539. Л. 5–6 об, 11–12, 20.

заготовке фуража для лошадей полицейской и пожарной команд, дров для отопления зданий полиции и богадельни, в исправлении улиц и сточных канав³⁷⁰.

Вместе с тем образ жизни екатеринодарских обывателей, при обозначенных военных атрибутах повседневности, более походил на сельский, нежели городской: основными их хозяйственными занятиями были, как говорилось выше, земледелие и скотоводство, обеспечивавшие удовлетворение частных нужд в продуктах питания, о чем свидетельствует масса источников. Например, в 1807 году в «Ведомости о селениях Войска Черноморского с экономическими примечаниями» указывалось, что екатеринодарцы, подобно жителям куренных селений, «пашут землю плугами, хлеб высевают следующий: жито озимое и яровое, пшеницу озимую и яровую, ячмень, просо, овес, горох, гречиху, семя конопляное и льняное, фасоль, мак и чечевицу»³⁷¹; в «Таблице о народонаселении города Екатеринодара» от 1830 года обозначено, что из 1750 десятин городской земли 1250 десятин находилось под выгоном и 205,75 десятины — под садами и огородами³⁷².

К второстепенным хозяйственным занятиям, не требовавшим значительных усилий и времени, относились рыболовство, пчеловодство, садоводство и огородничество. В военно-статистическом описании Черноморского казачьего войска, составленном в 1851 году, в разделе о городе Екатеринодаре, помимо прочего, было сказано, что обитатели его держали пчел — 800 ульев в городе и 2000 за городом, в Кубани и Карасуне ловили рыбу (в то время здесь водились белуга, виз (шип), осетр, севрюга, судак, сом, карп, лещ, окунь, щука, чехонь, линь, плотва, ерш и др.) и раков; почти при каждом доме имелся сад и огород, при некоторых — виноградники³⁷³.

О екатеринодарских садах и огородах живописно рассказал в «Плаче Василия при реке Кубани» В. Ф. Золотаренко: «Как город изобилует садами, то в летнее время садовые фрукты нипочем, когда бывает урожай. В садах растут яблони... груши разной породы,

³⁷⁰ ГАКК. Д. 624. Л. 223 ; Д. 1565. Л. 15 (1830 г.) ; Ф. 318. Оп. 1. Д. 27 ; Оп. 2. Д. 21. Л. 12–22 ; Ф. 670. Оп. 1. Д. 18 ; Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 76–77.

³⁷¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 539. Л. 20.

³⁷² ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 627. Л. 249–252.

³⁷³ ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 215. Л. 57–67 ; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1897. Л. 304.

персики, абрикосы, вишни, крыжовник, смородина. Сливы двух родов, ранние и поздние, лыча (так в тексте. — *Авт.*), грецкие и мелкие орехи, айва, черешни... От изобилия фруктов не услышите, чтобы в садах были караульные... В садах вы найдете розы... лилии белые и полевые, нарциссы, тюльпаны, незабудки, ландыши... Жители, занимаясь хлебопашеством, засевают бакши (выращивают бахчевые культуры. — *Авт.*). Начиная с июня уже показываются дыни и арбузы... Также можно покупать в это время стручки гороховые, картофель, морковь и др.; под осень продают тыквы, капусту и свеклу, которую здесь квасят. В поле рвут щавель, клубнику, иживину (ажину, ежевику. — *Авт.*) и терен...» Примечательно, что Золотаренко резюмировал свое повествование о занятиях горожан следующими словами: «Земля очень плодородна. Но некому ее возделывать. Казак урывком, так сказать, работает в поле. Держась за плуг, он вместе с тем должен поглядывать и на ружье. Сегодня работает, а завтра скажут: становись в ряды, и он должен быть готов. Жена плохая преемница его работ. От этого самого народ беден хлебными запасами, несмотря на изобилие земли, приносящей хлебопашцу сам-семь (имеется в виду урожайность. — *Авт.*)»³⁷⁴.

Образ жизни екатеринодарцев, их обычаи, повседневный быт почти ничем не выделяли войсковую столицу из общего ряда поселений земли Черноморского войска. Как писал Н. Н. Филиппов, «...вообще коренные жители Екатеринодара, пользуясь удобствами сельской жизни и не замечая ее недостатков, почти совсем не пользуются благами городской жизни, правда, — за неимением их в городе, который, между прочим, не столько похож на город, как на собрание множества хуторов на планированной местности; иначе говоря, Екатеринодар есть очень большая станица». Он описывал Екатеринодар середины позапрошлого столетия, когда город перешагнул рубеж своего полувекового существования. Этот факт дает основание для утверждения о том, что внутренняя жизнь столицы Черноморского казачьего войска как городского поселения на протяжении десятилетий практически стояла на месте. Тот же Филиппов отмечал, что «...общественной жизни почти вовсе нет в Екатеринодаре, и это находится в связи с характером и образом жизни черноморцев»³⁷⁵.

³⁷⁴ Город Екатеринодар 40-х годов прошлого столетия ... С. 61.

³⁷⁵ *Филиппов Н.* Поездка по берегам Азовского моря ... С. 77–78.

Поскольку изначально основу черноморского казачества составили бывшие запорожцы, к которым в конце XVIII — первой трети XIX столетий прибавились малороссийские казаки и приписывавшиеся к «войсковому сословию» крестьяне³⁷⁶, постольку Черноморское войско выступало носителем малороссийских национально-культурных традиций, проявлявшихся во всех сферах жизни «войсковых обывателей». По словам генерал-майора Дебу, «...они (черноморцы. — *Авт.*) в рассуждении образа жизни, одежды, нравов и языка нисколько не отличаются от малороссиян»³⁷⁷. То же отмечал применительно к жителям войскового города 1840-х годов В. Ф. Золотаренко: «Обычай в Екатеринодаре общие малороссам» и «Не будь здесь регулярных войск, тот же малороссийский язык и те же старинные нравы остались бы, быть может, неприкосновенными»³⁷⁸. Сказанное справедливо не только в отношении хозяйственного и общественного уклада, нравов и обычаев екатеринодарцев, но и их повседневного семейного быта, образа жизни в целом.

Суровые обстоятельства жизни в Екатеринодаре постепенно привели к огрублению нравов городских жителей. По замечанию украинского историка В. В. Дроздовского, «...крайне беспокойное расположение города, его ужасный климат, разбросанность жилищ и значительная удаленность от культурных центров не могли не отразиться на жителях. Все путешественники и прогрессивные городские обыватели отмечают необычайную замкнутость, подозрительность, консерватизм, мелкое себялюбие и грубость екатеринодарцев»³⁷⁹. Несмотря на резкость оценок, с таким мнением следует согласиться: множество источников свидетельствует о названных чертах характера обитателей войсковой столицы. Так, например, И. М. Сбитнев писал, что «новый человек, не вошедший в их (коренных жителей. — *Авт.*) сферу, найдет в Екатеринодаре одиночество и, следовательно, скуку»³⁸⁰. Об этом же спустя почти сорок лет писал Н. Н. Филиппов: «Аристократическую

³⁷⁶ См.: Фролов Б. Е. Заселение Кубани казаками в 1792–1864 гг. // По страницам истории Кубани / отв. ред. В. Н. Ратушняк. — Краснодар : Советская Кубань, 1993. — С. 71–78.

³⁷⁷ Дебу И. О Кавказской линии ... С. 421.

³⁷⁸ Город Екатеринодар 40-х годов прошлого столетия ... С. 54, 56.

³⁷⁹ Дроздовський В. В. Катеринодар у минулому. С. 73.

³⁸⁰ Сбитнев И. Воспоминание о Черномории ... С. 321.

часть населения Екатеринодара составляют офицеры, или, как их здесь называют, войсковые чиновники; они со своими семьями все лето живут на хуторах и приезжают в город только на зиму. Летом же остаются в городе только обязанные к тому службой. Поэтому Екатеринодар летом пуст и скучен, а зимой, хотя и населен, но также скучен, потому что оживлению его препятствуют: крайняя трудность сообщения, недостаток расположения в самых жителях к общежитию и склонность их заключаться в семействах»³⁸¹.

Грустную картину жизни в Екатеринодаре написал «интеллигентный черноморец» В. Ф. Золотаренко в своем «Плаче Василия при реке Кубани»: «Едва только смеркнется, как у всех ставни уже закрыты. Начинается безмолвие. Через полчаса город делается гробом. Нигде не увидите огня, не услышите вечерней песни казака... Только лай собак, которыми жители богаты, напоминают, что здесь живут люди... Здесь не любят прогуливаться... Мест для общественных гуляний нет, да и едва ли когда и будут, при незаботливости об этом. Нет движения в жителях Екатеринодара: жизнь в застое. То болезненность, то грязь, то однообразие сословий тому причиной. Будучи одного сословия, чины ведут между собою субординацию и вне службы. Один перед другим гордится». С большим сожалением отмечал Золотаренко, что в войсковом соборе «офицерские» места помещались на возвышении и были отгорожены перилами от остального пространства, которое занимала «чернь»³⁸².

В официальных документах, в общих описаниях Земли Войска Черноморского, также отмечались характерные черты жителей города. Например, в Военно-статистическом описании войска 1851 года лаконично сообщалось, что екатеринодарцы, которых насчитывалось 10 554 человека (5629 мужчин и 4925 женщин), «большой частью потомки запорожских казаков, нрава тихого, при случае смелого, задумчивого, терпеливого, послушного, образа жизни воинственного»³⁸³. Эту характеристику ярко дополняют слова И. Д. Попки: «Черноморец, когда он создан с головой светлой и умом возвышенным, осмеет недостатки и слабости в отце родном, разругает низкое свойство и гадкий поступок в родном брате. Умственно-нравственные симпатии

³⁸¹ Филиппов Н. Поездка по берегам Азовского моря ... С. 77.

³⁸² Город Екатеринодар 40-х годов прошлого столетия ... С. 57–59.

³⁸³ Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 110, 112.

в его природе берут верх над симпатиями плоти и крови, соседства и товарищества» — и далее: «...если обитатель Черноморья (черноморский казак. — *Авт.*) не любит сносить тяготы своего ближнего, то с удивительным терпением несет свое собственное бремя; товарищу, протянувшему к нему руку, отдает последний грош, не подумавши, за односума, оплошавшего в бою, умирает не колеблясь и сокрыто от взоров людских горячей слезой кропит давно заросшую могилу брата, друга, благодетеля. Непонятная натура. Что есть в ней лучшего, то сокрыто, а пуста и глупости снаружи»³⁸⁴.

Многие современники черноморских казаков отмечали их ставшую традиционной нелюбовь к великороссам. Н. Н. Филиппов, в частности, писал, что «приехавших из России, которых они (черноморцы. — *Авт.*) считают чуть ли не иностранцами, не очень-то жалуют и называют москалями. Надо черноморцу очень обжиться с русским и несомненно убедиться в его хороших личных качествах, чтобы победить в себе предубеждение и полюбить его. В таком случае черноморец скажет о нем: — “Гарный чоловик”, — и прибавит с видом сожаления — “тилько же москаль” (т. е. “хороший человек, хотя русский”. — *Авт.*)»³⁸⁵.

По мнению екатеринодарца С. И. Эрастова, «враждебное отношение черноморцев к “москалю” не ограничивалось лишь московским офицерством или другими представителями царского режима, а распространялось и на простых пришельцев с Московщины, которые были или торговцами, либо ремесленниками»³⁸⁶. В то же время настороженное отношение к русским, как отмечал В. В. Дроздовский, «нисколько не мешало богатым черноморским офицерам искать женихов своим дочерям среди дворян — армейских офицеров»³⁸⁷.

Трудности полувоенного существования Екатеринодара дополнялись такой неотъемлемой чертой городского быта, как повальные заболевания болотной лихорадкой (малярией), вызванные неблагоприятными природно-климатическими условиями местности. Как писал В. Ф. Золотаренко, «при таком положении города, всякий может

³⁸⁴ *Попка И. Д.* Черноморские казаки ... С. 69–70, 72.

³⁸⁵ *Филиппов Н.* Поездка по берегам Азовского моря ... С. 86.

³⁸⁶ *Эрастов С. И.* Воспоминания старого екатеринодарца / публ. В. К. Чумаченко // Родная Кубань. — 1998. — № 2. — С. 114.

³⁸⁷ *Дроздовский В. В.* Катеринодар у минулому. С. 75.

судить, какое здоровье имеют жители там, где вечная сырость и где здоровому ветру закрыт вход в улицы. Летом, начиная с июля до самой зимы, жители подвергаются лихорадке, принявшей здесь название корчия, по свойству корчить. Были времена, что в целом семействе, самом многочисленном, не находилось и одного, кто бы был свободен от этой обладательницы края... От этого здесь народ вял; и вы не встретите ни одного лица совершенно здорового, а все видите желтые, тощие физиономии... Всякий, кто бы ни приехал сюда изнутри России, должен заплатить дань лихорадке, самой жестокой, если только не горячке»³⁸⁸. Картину можно дополнить фрагментом заметок Н. Н. Филиппова: «Летом чрезвычайный жар с вредными испарениями, наполняющими воздух, действует неотразимо, и никто из жителей не избегает лихорадки. Оттого все население Екатеринодара болезненно; новоприезжего даже поражает отсутствие в городе свежих и здоровых личностей: ему повсюду встречаются желтые, худые, болезненные лица... Но привычка до того сильна у городских жителей, что приступы считают чем-то неизбежным, весьма обыкновенным и потому не стоящим внимания... случается, что иная дама, выдержав сильный пароксизм, тотчас по прекращению его наряжается и как ни в чем не бывало отправляется делать визиты или в ряды за покупками»³⁸⁹.

На протяжении почти четырех десятилетий медицинское обслуживание горожан состояло в эпизодических, в особо тяжелых случаях, вызовах к больным врачей из находившегося в крепости войскового госпиталя. Усилий войскового штаб-лекаря (назначавшегося с 1794 года), деятельность которого распространялась на всю Черноморию, и периодически привлекавшихся армейских и флотских врачей явно не хватало³⁹⁰. Лишь в 1831 году, после рапорта полицмейстера наказному атаману о необходимости назначения «городового лекаря» и фельдшеров в каждую из четырех частей города, была учреждена должность городского врача, которую занял войсковой чиновник — штаб-лекарь Шпрингер³⁹¹.

Впрочем, большинство горожан за медицинской помощью не обращалось, полагаясь на народные способы борьбы с лихорадкой.

³⁸⁸ Город Екатеринодар 40-х годов прошлого столетия ... С. 51–52.

³⁸⁹ Филиппов Н. Поездка по берегам Азовского моря ... С. 77.

³⁹⁰ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 3. Л. 19–19об. ; Оп. 2. Д. 39. Л. 43–44, 140–141.

³⁹¹ Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 84.

Даже в официальных документах отмечалось, что екатеринодарцы склонны доверять лечению болезней знахарям — «шептунам»³⁹². Красноречиво об этом свидетельствует отрывок из детских воспоминаний екатеринодарца С. И. Эрастова: «У моей матери было 13 детей, из которых выжили четверо. И меня корчий временами тряс. Хины я выпил, наверное, с ведро. Спасенья не было. В конечном итоге обращались за помощью к единому в городе немцу-гомеопату, а то и часто к народной медицине, представителями которой были баба Чумачка и баба Горпиниха. Эти две наши лейб-знахарки лечили всякие болезни: “выливали переполах”, “шептали”, “заговаривали под грушей” и т. д. ...Эту малярийную эпоху своей жизни выжил я благодаря лишь счастью»³⁹³.

Характеристика повседневного быта обитателей войсковой столицы будет неполной, если не упомянуть тот факт, что многие екатеринодарцы, как и вообще черноморские казаки, отвлекались от тягот пограничной жизни и неблагоприятного климата за бутылкой «горилки» или вина, и в них же многие приезжие видели способ избавления от скуки. Замечательный эпизод из поездки Новороссийского генерал-губернатора герцога де Ришелье по Черномории в 1809 году описывает его адъютант граф Л. П. де Рошешуар: торжественные обеды в честь прибывших в Екатеринодар высоких гостей в доме атамана Бурсака были даны четыре раза за два дня, каждый раз продолжаясь более трех часов, причем полагалось каждое блюдо подавать по три раза — «в честь Святой Троицы». При смене блюд под трехкратный пушечный залп нужно было выпить три стакана «рома» (по-видимому, так Рошешуар назвал горилку). Рассказчик, возможно, несколько преувеличивает, но его восклицание по поводу обилия застолий: «Ужасные порядки!» — весьма показательны³⁹⁴.

В Екатеринодаре 40–50-х годов позапрошлого столетия пьянство приобрело, по выражению В. В. Дроздовского, «гомерические размеры», причем попойки нередко заканчивались дебошами и взаимными «мордобойками». По его же словам, «топили в вине свои силы даже

³⁹² Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 110.

³⁹³ Эрастов С. И. Воспоминания старого екатеринодарца. С. 117.

³⁹⁴ Рошешуар Л.-В.-Л. Мемуары графа де-Рошешуара, адъютанта императора Александра I : (Революция, Реставрация и Империя) / пер. с фр. под ред. А. Гретман. — М. : «Сфинкс» Н. Ф. Прорубникова, 1914. — С. 98–99.

лучшие люди города, как И. Попка, В. Золотаренко, генерал Рашпиль и другие»³⁹⁵. Это утверждение дополняется множеством свидетельств современников. Например, наказной атаман Черноморского казачьего войска Г. И. Филипсон, вспоминая одного из своих предшественников — Г. А. Рашпиля, отмечал, что тот был «человек неглупый и письменный, но очень пьющий»³⁹⁶. И. Д. Попка же об этом выдающемся военном государственном деятеле, вдохновителе и организаторе многих полезных начинаний в Черноморском войске середины XIX столетия, написал так: «Рашпиль бил молотом окаменелости своего общества, боролся живосилом (против воли, насильственно (укр.). — *Авт.*), и, конечно, мера огорчений, вынесенных им из этой борьбы, переполнилась, если он неожиданно для друзей и недругов и наперекор своей трезвой природе стал искать утешения в мутном фиале, отравившем не одно дарование, подорвавшим не одну силу на Руси...»³⁹⁷

Более здоровым способом времяпрепровождения в войсковой столице была игра в карты, чрезвычайно распространенная в офицерской среде. Сначала играли «в дурачка», позже, в 1850-х годах, в моду вошли классический преферанс, «ералаш» и другие игры. Этим развлечениям посвящалась львиная доля свободного от службы времени. Как вспоминал С. И. Эрастов, «нельзя было считать ежевечерние посещения клуба, где играли в карты, и который правдивее было бы назвать “игорным домом”, общественным делом. Но любители картежной игры должны были посещать клуб ежедневно, иначе не составлялась бы “пулька”... в гостях было скучно, так как мало было материала для разговоров. Все изнывали, пока хозяин... не восклицал громко: “Не тратим драгоценного времени!”. Тогда все ободрялись, веселели. Быстро раскладывались ломберные столы, вынимались карты... И все с восторгом садились за зеленое поле. Играли в карты все»³⁹⁸.

³⁹⁵ Дроздовський В. В. Катеринодар у минулому. С. 74.

³⁹⁶ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив : в 12 вып. / сост.-изд. П. Бартенев. — М. : В университетской типографии (М. Катков), 1884. — Кн. 1, вып. 2. — С. 367.

³⁹⁷ Попка И. Д. Исторические и биографические очерки : К фотографическим снимкам и картинам, представленным от Кубанского казачьего войска на Московскую политехническую выставку 30 мая 1872 г. — [Б. м. : б. и.]. — С. 51.

³⁹⁸ Эрастов С. И. Воспоминания старого екатеринодарца. С. 124–125.

Возможно, скудный выбор способов проведения досуга объясняется невысоким образовательным и культурным уровнем обитателей войскового города, отмечаемым большинством современников, оставивших описания екатеринодарского быта. В 1840-х годах В. Ф. Золотаренко сетовал, что «образование стоит на низкой ступени. Мало людей, учившихся где-нибудь и чему-нибудь. Окончивших курс в университете не более трех человек... Молодые люди, из обращения с умными людьми и занятиями при них письменными делами, получают некоторое наглядное образование в штабах: командующего войсками на Кавказе и корпусном, в Тифлисе. Оттуда они возвращаются, умея сколько-нибудь правильнее говорить и посредственно составить бумагу»³⁹⁹. Такое положение дел кажется удивительным после результатов усилий войскового атамана Ф. Я. Бурсака, открывшего в начале века войсковое училище, просветительской и организаторской деятельности войскового протоиерея К. В. Россинского, приведшей к тому, что в 1820-х годах малонаселенная Черномория числом школ превосходила более обжитую Землю Войска Донского⁴⁰⁰. Тем не менее в 1829 году екатеринодарская гимназия (бывшее училище) была закрыта именно «за отсутствием учащихся» — казаки очень неохотно отдавали на обучение своих детей, считая это ненужной роскошью⁴⁰¹. По словам екатеринодарца С. И. Эрастова, «от военщины нельзя было ожидать культуры. Это не ее специальность. Казачата плохо учились. Большинство дотягивало так-сяк до четвертого класса... На большее не рассчитывали»⁴⁰².

Пренебрежение образованием проявлялось и в повседневной бытовой, и в «светской» культуре екатеринодарского общества. Как писал В. Ф. Золотаренко, «чтением книг немногие из чиновников занимаются. Мало получается журналов. На весь город выписывают их не более пяти человек; да и тут медицинские и регулярные чиновники участвуют. В домах аристократов иногда заходит речь о литературе, о сочинениях того или другого писателя. Тут сравнивают одного с другим, и общими силами рассказывают содержание какой-либо повести или романа. Но библиотеки, даже посредственной, нет ни

³⁹⁹ Город Екатеринодар 40-х годов прошлого столетия ... С. 52–53.

⁴⁰⁰ История Кубанского казачьего войска. Т. II. С. 750–751.

⁴⁰¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1011. Л. 4–5.

⁴⁰² Эрастов С. И. Воспоминания старого екатеринодарца. С. 124.

у кого из черноморцев. Об открытии библиотеки никому и на мысль не приходит»⁴⁰³.

Такую же безрадостную картину рисовал С. И. Эрастов: «...не следовало даже и надеяться на более культурную жизнь. Интеллигенция была серенькой, а жизнь — мещанской. В городе не было ни единой библиотеки. “Войсковые ведомости” (“Кубанские войсковые ведомости” выходили с 1863 года. — *Авт.*), в которых печаталось о “пригульном скоте”, считать газетой было нельзя»⁴⁰⁴.

Некоторое культурное влияние, по мнению В. Ф. Золотаренко, на екатеринодарское общество оказывали с начала 30-х годов позапрошлого века офицеры регулярных войск, базировавшиеся в городе. «С этого-то времени, — пишет он, — екатеринодарское общество начало читать, прислушиваясь к разговору русских. Но оно не сохранило, при сем случае, середины. Ухватившись за просвещение, оно утратило свою патриархальность. И таким образом, черноморцы, не достигши первого и потерявши вторую, так сказать, повисли на заблуждениях этикета, жеманства, и стали стыдиться друг друга, когда случается кому обнаружить хоть тень прежнего быта... Явилась роскошь. Дамы стали гоняться за модами; а мужья не хотят отстать от времени»⁴⁰⁵. В эти годы, словам В. В. Дроздовского, мечтой каждой замужней екатеринодарки стала возможность одеться «по-господски» и занять дорогую мебель⁴⁰⁶. Вот как об этом вспоминал С. И. Эрастов: «Глухой, далекой провинцией была Черноморья, но казачьи дамы, подобно дамам всего земного шара, следили за “modes et robes” (за модами и платьями (фр.). — *Авт.*), выписывали журналы мод и наряжались по моде. Тогда носили широченные и неуклюжие кринолины. Сядут три такие госпожи и займут все: не пройти. А повстречавшись на улице, обе госпожи обязательно оглядываются, иногда одновременно, и разглядывают убранство одна одной»⁴⁰⁷.

Первым проявлением светской художественной культуры Екатеринодара был созданный в 1810 году по инициативе К. В. Россинского войсковой певческий хор. Несмотря на то что им исполнялись

⁴⁰³ Город Екатеринодар 40-х годов прошлого столетия ... С. 53–54.

⁴⁰⁴ Эрастов С. И. Воспоминания старого екатеринодарца. С. 124.

⁴⁰⁵ Город Екатеринодар 40-х годов прошлого столетия ... С. 54.

⁴⁰⁶ Дроздовский В. В. Катеринодар у минулому. С. 75.

⁴⁰⁷ Эрастов С. И. Воспоминания старого екатеринодарца. С. 124.

исключительно духовные вокальные произведения, со временем хор стал неотъемлемой частью именно светской культуры екатеринодарского общества и всей Черномории. Поскольку войсковой хор славился исполнением концертов Д. С. Бортнянского и других композиторов, постольку, по воспоминаниям И. И. Кияшко, «существовало даже в то время в Екатеринодаре выражение “идти на концерт”, так как немалая часть интеллигенции шла в церковь слушать только концерт, мало интересуюсь остальным пением обедни, хотя и последнее почти всегда исполнялось безукоризненно и хорошо»⁴⁰⁸.

С 1830-х годов в светской культуре Екатеринодара постепенно утверждалась привнесенная армейскими офицерами мода на балльные танцы. По выражению В. Ф. Золотаренко, «открылись благородные собрания, и самоучки пошли танцевать»⁴⁰⁹. Со временем занятия по хореографии были включены в программы екатеринодарских учебных заведений, где профессиональные танцмейстеры обучали молодых черноморских дворян необходимому набору светских танцев; в городе организовывались балы и танцевальные вечера. Например, С. И. Эрастов вспоминал, что его с шестилетнего возраста обучал кадрили, «ляжье», польке-мазурке и другой «хореографии» француз-танцмейстер, и, когда обучение стало давать свои плоды, юного исполнителя пригласили участвовать в танцевальных вечеринках, устраивавшихся в атаманском дворце женой наказного атамана графа Сумарокова-Эльстона⁴¹⁰.

С конца 1830-х годов в досуговую сферу екатеринодарской повседневности постепенно вошли новые средства развлечений. Как писал В. В. Дроздовский, с этого времени столицу Черноморского войска стали посещать и давать представления странствующие артисты, музыканты и акробаты; в 1841–1846 годах в городе давали представление приезжие кукольный театр, две драматических труппы, «французский маг» и «зверинец»⁴¹¹.

⁴⁰⁸ Кияшко И. И. Войсковые певческий и музыкантские хоры Кубанского казачьего войска, 1811–1911 годы : исторический очерк столетия их существования. — Екатеринодар : Типография Кубанского областного правления, 1911. — С. 97.

⁴⁰⁹ Город Екатеринодар 40-х годов прошлого столетия ... С. 54.

⁴¹⁰ Эрастов С. И. Воспоминания старого екатеринодарца. С. 125.

⁴¹¹ Дроздовский В. В. Катеринодар у минулому. С. 75.

В это же время ставились спектакли самими горожанами. В 1839 году, как пишет Дроздовский, труппой антрепренера Д. Журавского была поставлена пьеса «Черноморский побут» («Черноморский быт» (укр.). — *Авт.*), написанная Я. Г. Кухаренко — будущим генералом, исправлявшим должности наказного атамана Азовского, а затем Черноморского казачьего войска. Примечательно, что это произошло за пять лет до разрешения цензурой публикации пьесы⁴¹². В середине 1840-х годов в Екатеринодаре появился домашний театр, организованный молодыми офицерами и медиками, и этой любительской труппой в 1847 году были поставлены спектакли «Воздушные замки» и «Карантин»⁴¹³.

Некоторое представление о том, каким был один из екатеринодарских театров 40-х годов позапрошлого столетия, дает отрывок из письма учителя войсковой гимназии Федченко товарищу: «Театр помещался в каком-то длинном здании (в центре города), имеющем прежде, как кажется, чисто военное назначение. Особенно замечательно устройство райка (верхнего яруса зрительного зала. — *Авт.*): с надворья под самую крышу вела крутая лестница к небольшому отверстию, в которое пробиралась почтеннейшая публика третьего номера: по окончании спектакля всякий старался выбраться вперед и вследствие подзатыльников — кубарем наземь». В программу упомянутого представления были включены, помимо самого спектакля, танцы, исполнение романсов, выступление хора певчих, «комические куплеты» и «живая картина из трех лиц, изображающая бегство французов через Березину»⁴¹⁴. Очень схожи детские театральные впечатления С. И. Эрастова, относящиеся к концу 1850-х — началу 1860-х годов: «Будто сквозь туман вспоминаю первый театр — дере-

⁴¹² См.: Я. Г. Кухаренко як літературний діяч / *Д-ський В.* [Дроздовський В. В.] // Червоний шлях : громадсько-політичний і літературно-науковий журнал. — 1928. — № 5–6. — С. 112 ; *Веленгурин Н. Ф.* Друг Кобзаря // Дорога к Лукоморью. От Пушкина до Горького. Писатели в нашем крае / Н. Ф. Веленгурин. — Краснодар : Кн. изд-во, 1976. — С. 198 ; *Ламосова Н. В.* К истории постановок драмы Я. Г. Кухаренко «Черноморский побут на Кубани между 1794 и 1796 годами» // Четвертые Кухаренковские чтения : доклады и сообщения (7 декабря 2009 г., Краснодар). — Краснодар : Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2010. — С. 35–36.

⁴¹³ *Дроздовський В. В.* Катеринодар у минулому. С. 75.

⁴¹⁴ Катеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 91–92.

вянный сарай, однако с ложами, в котором очаровывала своим пением местная “дива” Шарап, исполняя Наталку-Полтавку, Татьяну и др.»⁴¹⁵

В начале 60-х годов в Екатеринодаре, в теперь уже постоянном театре, работала «труппа Л. Ижорского и антрепренера Маркса», представлявшая публике многочисленные водевили и поставившая спектакль «Вечір на хуторі» — инсценировку (на украинском языке) «Ночи перед Рождеством» Н. В. Гоголя. Примечательно, что актеры, приехавшие из России и не знавшие малороссийского наречия, сильно искажали текст пьесы⁴¹⁶.

В те же годы существовал в войсковой столице и любительский театр, в котором ставились водевили, сочиненные на украинском языке одним из организаторов театра — К. Н. Головатым⁴¹⁷.

В октябре 1848 года в Екатеринодаре был учрежден войсковой сад-питомник, чтобы, по выражению Ф. А. Щербины, «и место для прогулок городским жителям устроить, и развитию садоводства в крае способствовать»⁴¹⁸. Со временем сад стал излюбленным местом прогулок екатеринодарцев, но поначалу он оправдывал лишь свое назначение как «питомника» фруктовых деревьев и виноградных лоз. Уже 1851 году здесь произрастало более 9,5 тыс. саженцев деревьев и около 7,5 тыс. лоз, и их число постепенно увеличивалось⁴¹⁹. Значение же «места общественных гуляний» было невелико из-за явного недостатка благоустройства и все тех же климатических неудобств. Как писал С. И. Эрастов, «смешно было смотреть в городском (тогда войсковом) саду на барышень и кавалеров, каждый из которых держал в руке платок или ветку, чтобы отмахиваться от наступления комаров, как лошадь от мух. Вся поэзия прогулок отравлялась»⁴²⁰.

Обобщая приведенные факты, можно уверенно констатировать, что в конце 30-х — начале 60-х годов XIX века в Екатеринодаре уже существовала прослойка людей, стремившихся, несмотря на хозяй-

⁴¹⁵ Эрастов С. И. Воспоминания старого екатеринодарца. С. 120.

⁴¹⁶ Гоголь українською мовою / [В. В. Дроздовський] // Червоний шлях : громадсько-політичний і літературно-науковий місячник. — 1927. — № 7–8. — С. 341.

⁴¹⁷ Дроздовський В. В. Катеринодар у минулому. С. 76.

⁴¹⁸ История Кубанского казачьего войска. Т. II. С. 672–673.

⁴¹⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 21 231. Л. 5.

⁴²⁰ Эрастов С. И. Воспоминания старого екатеринодарца. С. 118.

ственную и культурную неразвитость города, его патриархальный, почти сельский быт и суровые нравы жителей, различными путями разнообразить нелегкую екатеринодарскую повседневность, оглядываясь на «столичную» городскую культуру. Современники замечали и ценили даже незначительные изменения культурно-бытовой среды войскового города, приближающие Екатеринодар к городскому, в понимании того времени, образу жизни его обитателей. В этом смысле показателен отрывок из письма, написанного 13 августа 1840 года екатеринодарцем Я. Ф. Золотаренко брату — находившемуся в Астрахани В. Ф. Золотаренко: «...Наш Екатеринодар из скучного сделался веселым. По образованию равняется Парижу. Заведены балы, театры, различные гульбища. Куда ни обратишь взор, везде встречаешь роскошь. Дома строят во вкусе...»⁴²¹ При явной иронической гиперболе письмо точно отражает восприятие автором контраста между «старым» и желаемым и нарождавшимся «новым», «культурным» Екатеринодаром.

2.5. Внутригородская пространственная среда

Характер территориального роста и формирования пространственной среды войскового Екатеринодара определялся, наряду с естественно-ландшафтными условиями и изначальной планировочной структурой, специфическим статусом города и происходящими из этого статуса возможностями хозяйственно-экономического и культурного развития.

Изначально пространство Карасунского кута, выбранного черноморцами для своего войскового города, по величине своей было несоразмерно числу екатеринодарских первопоселенцев. Эта обширность территории предопределила, во многом, внутреннее пространственное развитие поселения, в первую очередь рассредоточенность жилых построек в пространстве города и, как следствие, существование крупных усадеб, а также значительную долю незастроенных или частично застроенных кварталов в первые десятилетия жизни города. Французский путешественник, побывавший в Екатеринодаре в июле 1808 года, писал, что «...город в окружности столь же велик, как и Париж... Улицы в нем чрезвычайно широки, а места суть обширные равнины, которые дают хорошую пастьбу для лошадей и свиней.

⁴²¹ ГАКК. Ф. 770. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

Домы строены в одно только жилье и крыты соломою; у каждого есть свой сад, а иногда и маленький в стороне лесок»⁴²². Схожее представление о городе составил и некто Ст., посетивший столицу Черномории в 1809 году: «Город состоит большей частью из далеко отстоящих один от другого, соломою покрытых домов или изб, с садами, площадками, открытыми дерном, и пашнями. На широких улицах и в больших промежутках между домами часто видишь пасущийся скот»⁴²³.

Как было отмечено выше, изначально территория Екатеринодара была распланирована до нынешней улицы имени Горького на севере. К 1818 году, судя по «Генеральному плану крепости и города Екатеринодара», составленному инженер-поручиком Барашкиным 30 сентября 1818 года⁴²⁴ (рис. 9), город вытянулся в северном направлении по всей ширине на два квартала, т. е. до нынешней Длинной улицы, при этом число кварталов увеличилось со 102 в 1795 году до 139. Из этих кварталов незастроенными оставались 21, частично застроенных было 11, площадей — 4. В 1819 году, по сведениям П. В. Миронова, Екатеринодар занимал площадь в 396,5 десятин (т. е. 381,5 га)⁴²⁵. Об облике главного города Черномории того времени написал И. М. Сбитнев: «Улицы имеет прямые, длинные и широкие... занимает большое пространство, но жителей всех должно в нем полагать не более пяти тысяч (фактически в то время менее трех тысяч. — *Авт.*). Обширность его происходит от знатного количества садов, из коих многие заключают десятин по шести и более»⁴²⁶.

Как и все города, выполнявшие военные функции, Екатеринодар имел установленный — «регулярный» — набор построек военного назначения. Так, на планах 1818 и 1819 годов (рис. 9, 10) обозначены деревянные и каменные курени — казармы, в которых проживали «бездомовные и престарелые» казаки, каменная денежная кладовая, «провиантские магазины», «сарай, в коих хранятся орудия», деревян-

⁴²² Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море ... С. 176.

⁴²³ Журнал путешествия по земле донских казаков, к Кавказу и в Астрахань, г. Ст... / [Х. Х. Стевен] // Северный архив : журнал истории, статистики и путешествий, издаваемый Ф. Булгариним. — СПб. : В Военной тип. Главного штаба Е. И. В., 1824. — Ч. 12. — Ноябрь. — № 21–22. — С. 163–164.

⁴²⁴ РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 5550.

⁴²⁵ Миронов П. В. Территориальный рост гор. Екатеринодара. С. 84.

⁴²⁶ Сбитнев И. Воспоминание о Черномории. С. 314, 319.

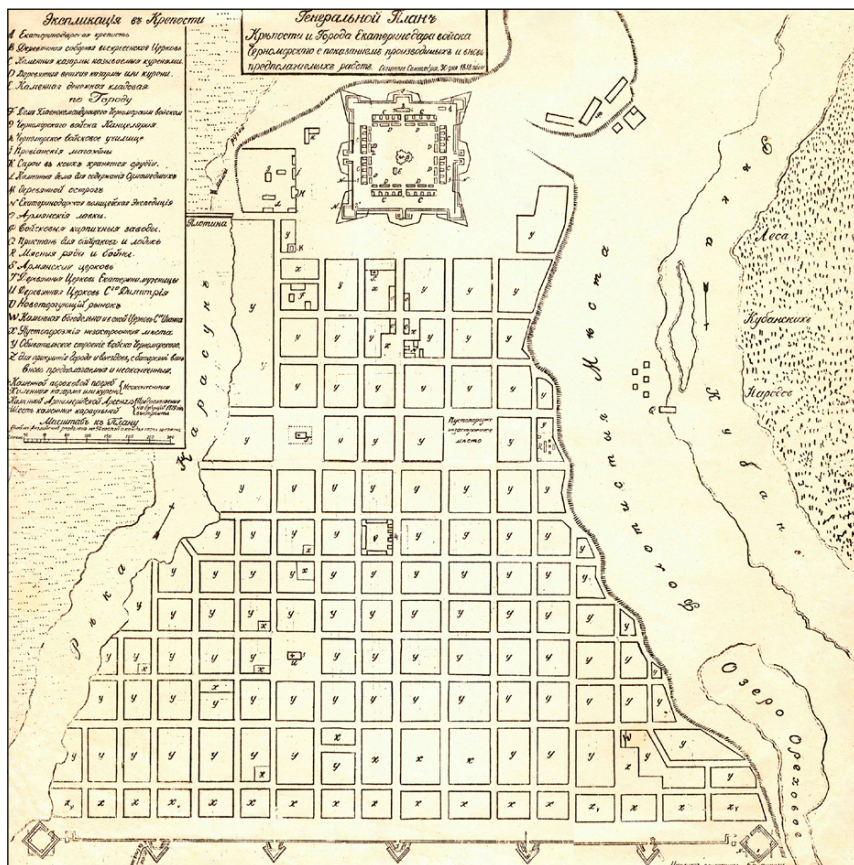

Рис. 9. Генеральный план крепости и города Екатеринодара войска Черноморского с показанием производимых и вновь предполагаемых работ. Сочинен сентября 30 дня 1818 года. Инженер-поручик Барашкин. Южная ориентация (РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 5550)

ный острог, каменный пороховой погреб, а также «предполагаемые» каменный артиллерийский арсенал и шесть каменных караулен⁴²⁷. Эти постройки возводились по типовым, единым для всех укрепленных городов Российской империи проектам⁴²⁸. Примечательно, что все ка-

⁴²⁷ РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 5550, 5554 ; ГАКК. Коллекция «Географические и специальные карты Северного Кавказа». Д. 112.

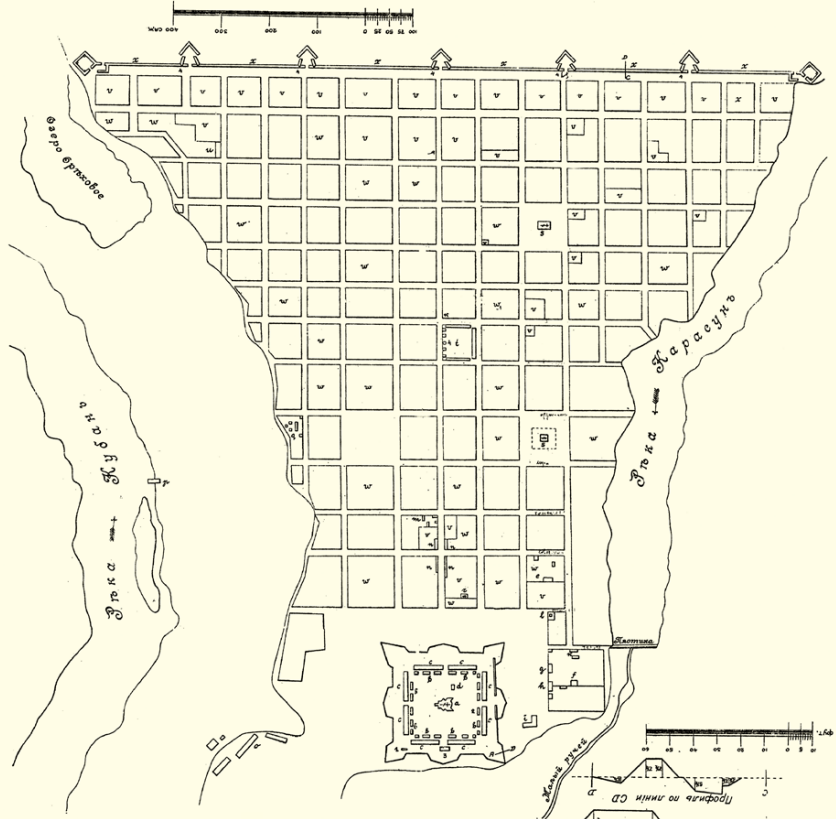
⁴²⁸ Саваренская Т. Ф., Швидковский Д. О., Петров Ф. А. История градостроительного искусства ... С. 137.

На подлинном написано: Высочайше
утверждено 5 Мая 1819 года. Генералъ
Инспекторъ по Инженерной части НИКОЛАЙ.

Съ копии копия.
1819 г.

**ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАНЪ
КРѢПОСТИ И ГОРОДА
ЕКАТЕРИНОДАРА**

СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ ПРОИЗВОДИМЫХЪ И ВНОВЬ ПРЕДПОЛАГАЕМЫХЪ РАБОТЪ

Объясненіе

- по КРѢПОСТИ**
- а Соборная церковь.
 - б Каменная каварма.
 - с Деревянная вѣгла плавары.
 - д Наменная денница плавдаря.

- по ГОРОДУ**
- е Домъ Главномандушскаго Черноморскаго войскаго
 - ж Черноморскаго войскаго имцаряря.
 - з Черноморское войскаго училище.
 - и Провантскаго имцаряря.
 - к Сарни, въ коику хранятся орудія.
 - л Каменные дома для содержанія сумасшедшихъ.
 - м Деревянный острогъ.
 - н Полковничья экономяція.
 - о Армянскія лавки.
 - п Армянскія злавды.
 - р Пристань.
 - с Ясные ряды и боины
 - т Армянская церковь.
 - у Деревянная церковь.
 - ф Новоторгующій рынокъ.

- ч Наменная Богдальня.
- ш Пустынярня на застроенныя мѣста.
- щ Обывательское строеніе.
- ъ Для примиренія города и вытодоя, вѣла въноу предположенія и не оконченныя
- 1 Наменная пароваго погребъ, не оконченныя.
- 2 Наменная мазаря или куренъ.
- 3 Каменный артиллерійскій арсеналь.
- 4 Шесть наменныхъ паркузней.

Подлинный подписалъ Генералъ Лейтенантъ
ОШЕРМАЙНЪ.
Съ копию свидѣтельствовать поручикъ
ПАВЛЕНКО.
Копировалъ землемерскій ученикъ уряд-
никъ Порфирий БАБИЧЪ.

Чертилъ Лебедевъ И. А. и Ф. А. 17.1.1928.

Рис. 10. Генеральный план крепости и города Екатеринодара с показанием производимых и вновь предполагаемых работ. 1819. С копии копия. Копировал землемерский ученик урядник Порфирий Бабич. Копия. Чертил Лебедев И. А. и Ф. А. 17.1.1928 (ГАКК. Коллекция «Географические и специальные карты Северного Кавказа». Д. 112)

зенные войсковые постройки находились внутри крепости и в пределах одного-двух кварталов от нее, исключая эспланаду — незастроенный участок между южными кварталами и северным крепостным валом.

Оборонительные сооружения, регулярная прямолинейная сетка кварталов, набор типовых построек военного назначения, утилитарный характер жилой застройки проявляли в облике Екатеринодара его пограничное положение и военно-стратегическое значение.

Жилую застройку войскового города составляли преимущественно турлучные хаты, крытые камышом, но в первые десятилетия его истории черноморцы сооружали здесь и землянки, и деревянные срубы.

Землянки представляли собой углубленные в землю глинобитные или саманные дома небольших размеров, не имевшие потолка, чердачного помещения и покрывавшиеся двускатными крышами с небольшим уклоном земляной кровли⁴²⁹. Как писал С. И. Эрастов, видевший казачьи землянки уже не в Екатеринодаре, а в степи, на казачьих хуторах в 1850–1860-х годах XIX столетия, «выкопанные в земле, курени (в данном случае жилища. — *Авт.*) обмазывались глиной и белились мелом, имели аккуратные присьбы (укр. — плотная земляная насыпь по периметру жилища либо утолщение нижней части стен, завалинка. — *Авт.*) и полочки (очевидно, имеются в виду полки, располагавшиеся внутри выше линии окон, параллельно лавкам. — *Авт.*) и были уютными и прохладными летом»⁴³⁰.

Представление о екатеринодарских срубках дает построенный в начале XIX века дом генерала Я. Г. Кухаренко (на ул. Октябрьской, 25), сохранившийся в виде реконструкции (рис. 11). Это расположенное с отступом от границы квартала подпрямоугольное, с выступающими на главном (южном) фасаде сенями, здание было возведено в «столбовой технике», при которой горизонтальные бревна закладывались в пазы вертикальных столбов⁴³¹. Снаружи сруб об-

⁴²⁹ См.: *Чижикова Л. Н. Жилище // Этнография восточных славян : очерки традиционной культуры / [К. В. Чистов, М. Г. Рабинович, М. Н. Шмелева и др.] ; гл. ред. Ю. В. Бромлей ; отв. ред. К. В. Чистов ; [АН СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая]. — М. : Наука, 1987. — С. 228–229 ; Гангур Н. А. Материальная культура кубанского казачества. [В 2 ч.]. Ч. 1. Конец XVIII — середина XIX века. — Краснодар : Традиция, 2009. — С. 69–70.*

⁴³⁰ *Эрастов С. И. Воспоминания старого екатеринодарца. С. 120.*

⁴³¹ См.: *Чижикова Л. Н. Жилище. С. 224–225.*

шит тесом, по которому насечкой имитирована рустовка. Над входом помещался треугольный фронтон с большой полуциркульной люкарной в тимпане и прорезными орнаментированными подзорами по карнизам. Предположительно, оформление экстерьера дома с использованием классицистических мотивов, как и фальцевая кровля, относится к 1830–1850-м годам.

Исследователь материальной культуры кубанских казаков Н. А. Гангур в качестве примера срубной постройки нежилого назначения в Екатеринодаре упоминала, со ссылкой на документ из фонда Войсковой канцелярии, деревянный дом Екатеринодарской градской полиции, состоявший из 10 покоев и 2 сеней. Это здание было основано «на толстых дубовых сваях, по которым проложены дубовые окладыны, на оных срублены стены кругом и в середине для покоев из сосновых строевых досок. Стены снаружи ошелёваны...»⁴³².

Рис. 11. Дом атамана Я. Г. Кухаренко. Начало XIX в. Вид с юго-востока.

Фото после 1976 года (до реконструкции). Из коллекции С. В. Иванова.

Размещено на сайте «С любовью из Екатеринодара». URL: <http://myekaterinodar.ru/ekaterinodar/cards/krasnodar-dom-kukharenko-do-rekonstrukcii/>
(дата обращения: 12.03.2021)

⁴³² Гангур Н. А. Материальная культура кубанского казачества ... Ч. 1. С. 54, 57.

Об основном типе жилых построек у черноморцев — турлучных хатах, которыми преимущественно был застроен Екатеринодар не только в «войсковой» период своей истории, но даже несколько десятилетий своего гражданского существования, подробно написал И. Д. Попка: «Господствующие же у черноморцев постройки суть турлучные или мазанковые, в состав которых входит гораздо меньше леса, чем глины. Врываются в землю столбы, называемые сохами, и на них накладывается сверху “венец”, то есть бревенчатая связь, служащая основанием кровельным стропилам и матице. Стенные промежутки между сохами заделываются плетенкой из камыша или хвороста. Редко положенные от матицы к венцу доски с камышовой поверх их настилкой образуют потолок. Этот остов здания получает плоть и кожу из глины, смешанной с навозом»⁴³³. Примечательно, что образцы турлучных жилищ и хозяйственных дворовых сооружений встречаются в застройке отдельных кварталов Краснодара до сих пор.

Примером такой постройки может служить дом атамана Ф. Я. Бурсака (рис. 12), сохранившийся, так же как дом Я. Г. Кухаренко, в виде реконструкции. В ординарном экстерьере «турлучного, облицованного кирпичом в четверть» дома Бурсака — с плоскими белеными фасадами и прямоугольными оконными проемами — выделялись лишь развитый венчающий деревянный карниз, обогащенный на главном фасаде линией мутул, и оформляющий главный вход деревянный же четырехколонный дорический портик с треугольным фронтоном, в глубоко задвинутом тимпане которого помещалась полуциркулярная люкарна, а по карнизам также располагались линии мутул⁴³⁴.

При том, что в строительном деле казаки, как писали И. М. Сбитнев и И. Д. Попка, придерживались старинного правила: «На границе

⁴³³ Попка И. Д. Черноморские казаки ... С. 52 ; См. также: Терещенко А. Матеріали до студіювання народньої української архітектури (закладання й будівня хати) // Хроніка археології та мистецтва / за ред. В. Козловської. — Київ : Всеукраїнська академія наук, 1930. — С. 49–52.

⁴³⁴ См.: Цудиков Г. М. Строительство и архитектура в Черномории (1793–1861 гг.) // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода : сб. науч. тр. — Краснодар : Кубанский государственный университет, 1991. — С. 49.

Рис. 12. Дом атамана Ф. Я. Бурсака. Конец XVIII — начало XIX века.
Фото 1974 года (до реконструкции). Главный (западный) фасад. Коллекция сайта
«С любовью из Екатеринодара». URL: <http://www.myeкатеринодар.ru/ekaterinodar/cards/krasnodar-ulitsa-krasnoarmeyskaya-6/> (дата обращения: 12.03.2021)

не строй светлицы»⁴³⁵, во внешнем убранстве хат черноморцев различия в служебном положении и уровне материального достатка были заметны. По словам того же И. Д. Попки, «если это жилище пана, в нем будет окон очень много... если урядника, то при нем будут присенки, крылечко на двух столбиках... Новые присенки при старой хате показывают, что шапка хозяина еще недавно украсилась урядничьим галуном. Если в хате порядок и довольство, то на дымовую трубу будет надет деревянный островерхий колпак с петушком...»⁴³⁶.

В Екатеринодаре «войскового» периода жилища ставились не по периметру квартала, с обращением главного фасада к улице, как это было принято в большинстве российских городов, а внутри плановых мест, как прочие дворовые сооружения. Эту особенность образно обозначил И. Д. Попка: «Хаты стоят в таких положениях, как будто им скомандовано “вольно, ребята”»: они стоят и лицом, и спиной,

⁴³⁵ См.: Сбитнев И. Воспоминание о Черномории. С. 317 ; Попка И. Д. Черноморские казаки ... С. 61.

⁴³⁶ Попка И. Д. Черноморские казаки ... С. 52.

и боком на улицу, какая в каком расположении духа или как какой выпало по приметам домостроительной ворожбы, предшествовавшей ее постановке. Одни из них выглядывают из-за плетня, другие из-за частокола, третьи, и немногие, из-за дощатого забора, но ни одна не выставляется открыто в линию улицы. Напротив, большая их часть прячется в глубь двора, сколько можно догадываться, по сознанию своей некрасивой и бедной наружности»⁴³⁷.

Такой тип постановки жилищ, в сочетании с обширностью усадеб, занятых в основном садами, придавал городу неповторимый колорит, подмечавшийся современниками. Показательно, например, впечатление, составленное неким В. Л., автором путевых заметок «Поездка на правый фланг Кавказской линии и в Черноморию»: «Екатеринодар — один из самых некрасивых губернских городов России; улицы почти все не мощены и в дождливое время едва проходимы; но он имеет, однако, и много хороших сторон: так, напр., почти у каждого дома есть сад, преимущественно фруктовый, и потому воздух в городе чист и здоров; сады напоминают черноморцам их любезную родину, Малороссию. За исключением дома атамана Черноморского войска (имеющего пребывание в Ставрополе) и немногих казенных зданий, замечательных больших домов нет в городе, и потому строение здесь ровное; возле палат не теснятся мазанки или гнилые деревянные лачужки, что у нас можно встретить даже и в Москве»⁴³⁸.

Более подробную характеристику городского пространства дал несколькими годами позже Н. Филиппов: «Город Екатеринодар до того оригинален по своей наружности, что, по всей вероятности, есть единственный в своем роде. Представьте себе плоскую местность, спланированную очень правильно на прямые и широкие улицы, пересекающиеся под прямыми углами. Но кварталы между улицами наполнены густым лесом — не садами, а именно лесом, который составляют могучие густолиственные дубы с черными шероховатыми стволами и выходящими из них светло-зелеными нежными побегами, большие деревья белых акаций, сводом раскинувшие свою листву, и чаща фруктовых деревьев, между которыми нет ни дорожек, ни других признаков сада, но все пространство между ними, как в дремучем

⁴³⁷ *Попка И. Д.* Черноморские казаки ... С. 56–57.

⁴³⁸ *В. Л.* Поездка на правый фланг Кавказской линии и в Черноморию // Кавказ. — 1850. — № 58. — 26 июля.

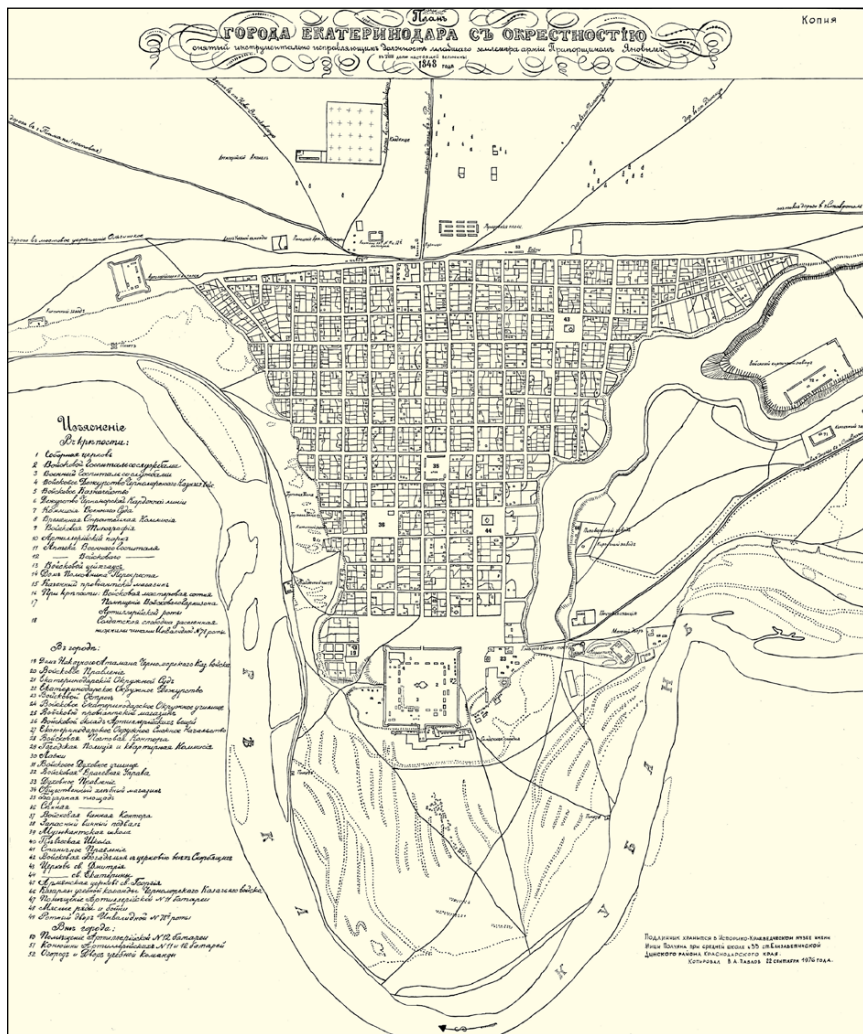

Рис. 13. План города Екатеринодара с окрестностью, снятый инструментально исправляющим должность младшего землемера армии прапорщиком Яновым. 1848 год. Копия 1976 года (ТАКК. Коллекция «Географические и специальные карты Северного Кавказа». Д. 113)

лесу, поросло высокой травой и бурьяном. Под сенью деревьев местами выступают своими фасадами красивые сельские домики в один этаж. Крыши их состоят из правильно расположенного, толстым слоем, камыша, ровный обрез которого, как широкой лентой, окаймляет кры-

шу. Стены домов выбеленные, турлучной постройки. Окна маленькие, иногда скрываются за свесившимися ветвями большого дерева, растущего подле самой стены, в палисаднике. Около дома всегда большой двор с разными службами, пристройками, скирдой сена и проч., а за двором — густой фруктовый лес. Местами такой лес занимает весь квартал, и только на одном углу его дом хозяина этого леса. Когда идешь по улице Екатеринодара, то впечатление совершенно то же, как будто находишься на просеке в густом лесу, по окраинам которой местами построены дачи или сельские домики. Улица отделяется от леса забором или плетнем, а поверхность ее поросла высокой травой, между которой извилинами пролегают проезжие колеи»⁴³⁹.

К середине века Екатеринодар несколько увеличился, по сравнению с первыми десятилетиями своей истории, в территориальном отношении. Судя по плану, составленному в 1848 году, территория выросла относительно 1818–1819 годов в северном направлении на один квартал по всей ширине⁴⁴⁰, в северо-восточном — на несколько кварталов; кроме того, два новых квартала появились в южной части, к западу от крепости⁴⁴¹. Вдоль южного вала крепости, под обрывом террасы, находилась не имевшая четких границ Солдатская слободка, именовавшаяся также Форштадом (Форштадтом). Эту территорию за городской чертой с 1830-х годов постепенно заселяли солдаты, прикомандированные к армейскому госпиталю, иногородние и «войсковые жители». В 1854 году войсковое начальство приняло решение о сносе этого поселка ввиду того, что он, располагаясь близ кордонной линии и не имея никакого прикрытия, постоянно требовал «особого надзора»⁴⁴².

Всего в 1848 году в городе было 173 квартала при 480 десятинах общей площади (523,2 га). На этом территориальный рост войскового города остановился — в период с 1848 по 1867 год в Екатеринодаре не возникло ни одного нового квартала⁴⁴³. По-видимому, это было свя-

⁴³⁹ Филиппов Н. Поездка по берегам Азовского моря ... С. 73.

⁴⁴⁰ Показанный на планах 1818–1819 годов «для прикрытия города и выездов с батареей вал» по северной границе распланированной территории на плане 1848 года отсутствует.

⁴⁴¹ ГАКК. Коллекция «Географические и специальные карты Северного Кавказа». Д. 113.

⁴⁴² Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 113.

⁴⁴³ Миронов П. В. Территориальный рост гор. Екатеринодара. С. 84.

зано с чрезвычайно медленными темпами роста численности населения и некоторым уплотнением застройки. Такое предположение подтверждается соотношением динамики роста численности домовладений в сравнении с ростом численности жителей, отраженным в табл. 3.

Таблица 3

Рост числа домовладений и числа жителей города Екатеринодара в 1830–1864 годах⁴⁴⁴

Год	Число домовладений	Число жителей
1830	1279	7123
1849	1499	7452
1858	1562	8311
1864	2170	13554

На фоне массива типовых казенных и примитивных жилых и служебных построек, имевших сугубо утилитарный характер, в столице Черноморского войска выделялся ряд зданий выразительного облика, соответствовавших по своим качествам представлениям общества о произведениях архитектуры и городском пространстве. В первую очередь к таковым относятся храмы, которые в культурном ландшафте войскового города играли роли высотных доминант и имели, каждый с окружавшей его площадью, значение композиционных акцентов.

Первым по времени монументальным архитектурным сооружением Екатеринодара был войсковой Воскресенский собор, возведенный на крепостной площади. Изначально храм предполагалось строить из кирпича, но ввиду недостатка средств основным строительным материалом выбрали дерево, и в апреле 1799 года в волжском местечке Дубовка было закуплено три тысячи сосновых бревен, к осени доставленных в Екатеринодар сотниками Войска Донского Федором Гусельщиковым и Степаном Николаевым, с которыми Черноморское Войсковое правительство 8 октября заключило контракт на постройку деревянной войсковой соборной церкви⁴⁴⁵.

⁴⁴⁴ Таблица составлена по данным за 1830 год — ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 627. Л. 249–252; за 1849 год — РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 21231. Л. 3; за 1858 год — ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 512. Л. 96; за 1864 год — ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2364. Л. 433.

⁴⁴⁵ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 333. Л. 2–3 ; Д. 405. Л. 72 ; *Короленко П. П.* Екатеринодарский войсковой собор ... С. 71.

Рис. 14. Войсковой собор во имя Воскресения Господня. Вид с запада.
Рисунок К. Брож (История Кубанского казачьего войска /
сост. чл.-корр. Акад. наук. Ф. А. Щербина. Т. I : История края.
Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, 1910. С. 591)

5 октября 1802 года построенный под руководством мастера — ростовского мещанина Емельяна Толстоухова — собор с престолом во имя Воскресения Господня был освящен. Работы по сооружению главного и придельных иконостасов продолжались до 1807 года⁴⁴⁶.

⁴⁴⁶ Короленко П. П. Екатеринодарский войсковой собор ... С. 71–72.

Главный храм Черноморского войска был составлен шестью восьмигранными трехъярусными, уменьшавшимися кверху башнями-столпами, соединенными между собой в уровне первого яруса, что образовывало внутри одностолпное, с трансептом, пространство, в плане представлявшее собой латинский крест. Ярусы столпов разделялись высокими заломами, на сводах верхнего яруса помещались железные главки луковичной формы, увенчанные крестами. Стены храма имели горизонтальную шалевку. Кресты и главы были вызолочены, кровля была покрыта «медяной» краской. Звонница храма располагалась отдельно⁴⁴⁷.

*Рис. 15. Войсковой собор во имя Воскресения Господня. Вид с севера.
Рис. Г. Липсберг, грав. Ф. Герасимов (Всемирная иллюстрация.
1872. № 174. IV год. Т. VII. № 18. С. 284)*

Это было выдающееся произведение церковной архитектуры, единственный на Кубани «казацкий собор», полностью соответствовавший бытовавшим в Запорожской Сечи и на Дону представлениям казачества о соборе как о «воплощении народной мечты о небе на

⁴⁴⁷ См.: Бондарь В. В. К истории войсковых храмов Черномории // Кубанский сборник : сборник научных статей по истории края / под ред. О. В. Матвеева. — Краснодар : Книга, 2006. — Т. 1 (22) — С. 307–310.

земле»⁴⁴⁸. Такой тип храмов не предполагал выраженных фасадов: «казацкий собор» был «одинаков со всех четырех сторон и одновременно повернут ко всем частям света... Сколько бы вы ни шли под его стенами, он все время как будто поворачивается вокруг своей оси, оставаясь одинаковым и неизменным везде и всегда... Иначе говоря, казацкий собор — иррациональный образ мира...»⁴⁴⁹.

Рис. 16. Молебен в честь окончания Кавказской войны на крепостной площади перед Воскресенским собором. Октябрь 1864 года. Фото А. Рыльского. Копия 1908 года⁴⁵⁰ (Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е. Д. Фелицына. Коллекция фотодокументов. КМ 4266.17)

⁴⁴⁸ Макаров А. М. Світло українського бароко. — Київ : Мистецтво, 1994. — С. 191.

⁴⁴⁹ Маисталер О. В. Грани украинского барокко: Восток и Запад : (на материале архитектуры) // Барокко и классицизм в истории мировой культуры : материалы Международной научной конференции. Серия «Symposium». — Вып. 17. — СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. — С. 144.

⁴⁵⁰ Рогозина М. Г. Церковные древности в фотографиях XIX века : По коллекции архитектурной фотографии Музея архитектуры им. А. В. Шусева. — URL: <http://academy-professional.narod.ru/fotoarch1.html> (дата обращения: 21.04.2016).

Об облике екатеринодарского собора исследователь древнерусского искусства Н. В. Султанов написал следующее: «Форма эта и поныне сохранилась в нашем деревянном зодчестве, преимущественно в южной России, и образцом ее может служить деревянный собор в городе Екатеринодаре... Тот же нижний восьмерик с верхним восьмериком поменьше, то же полукруглое покрытие с шейкой и луковичной главкой»⁴⁵¹.

Подобные формы храмов были традиционными в местах проживания запорожского и донского казачества вплоть до конца XVIII века. Очевидно, в большей или меньше степени, сходство екатеринодарского Воскресенского собора со Свято-Троицким собором в городе Новомосковске (Самаре) Екатеринославской губернии (освящен в 1781 году)⁴⁵², собором Медведовского монастыря в Поднепровье (вторая половина XVIII века)⁴⁵³, церковью Параскевы Пятницы в селе Россошки, построенной в 1763 году одним из предводителей «Колывищины» Иваном Гонтой, с Покровской церковью в Ромнах, построенной в 1764 году последним запорожским атаманом Петром Калнышевским⁴⁵⁴, донскими храмами — Воскресенским собором в Черкасске (освящен в 1719 году)⁴⁵⁵, церквями иконы Казанской Божией Матери в Гугнинской (Баклановской) станице, Николая Чудотворца в Голубинской, Архистратига Михаила в Трехостровской, иконы Казанской

⁴⁵¹ Султанов Н. В. Образцы древнерусского зодчества в миниатюрных изображениях. Памятники древней письменности. — Вып. VIII [XVIII]. — СПб.: Типография И. Вошинского, 1881. — С. 17.

⁴⁵² См.: Оранский К. Новомосковский Свято-Троицкий собор // Записки Одесского общества истории и древностей. — Т. 2. — Одесса: в городской типографии, 1848. — С. 829–832; Машуков В. Д. Материалы к изучению церковной старины Украины / [предисл.: проф. Е. Редин]. — Харьков: Тип. «Печатное дело» кн. К. Н. Гагарина, 1905. — С. 37; Тарас Я. М. Українська сакральна дерев'яна архітектура: словник-довідник. — Львів: ІН НАНУ, 2006. — С. 132–133, 138–139, 213.

⁴⁵³ См.: Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. — Авторизованный перевод со второго украинского издания. — СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1913]. — С. 450.

⁴⁵⁴ Тарас Я. М. Українська сакральна дерев'яна архітектура ... С. 51, 256–257, 330, 341.

⁴⁵⁵ См.: Лаврский Н. Черкасск и его старина. С. 23–25.

Божией Матери в Семикаракорской, Рождества Христова в Нижне-Кундрюченской станице⁴⁵⁶.

Екатеринодарский Воскресенский собор был возведен без фундамента, и поэтому уже к 1825 году, «несмотря на починки», обветшал. В 1831 году из Петербурга в Екатеринодар был направлен архитектор Бернадот для «освидетельствования прочности войскового собора» и рассмотрения предложения о построении новой соборной церкви⁴⁵⁷. По какой-то причине дело было приостановлено, и уже в 1845 году В. Ф. Золотаренко писал, что «собор, это огромное и вместе с тем великолепное здание... не имея каменного фундамента... приходит в ветхость, даже опасную для молельщиков»⁴⁵⁸.

Рис. 17. Парад строевых частей по случаю пожалования Кубанскому казачьему войску Георгиевских знамен. 19 мая 1868 года. Вид на собор и часть площади с северо-запада. Фото неизвестного автора (Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е. Д. Фелицына. Коллекция фотодокументов. ПМ 212)

⁴⁵⁶ См.: Бондарь В. В. Украинское барокко в православной храмовой архитектуре Юга России // Вопросы культурологии. — 2015. — № 7. — С. 90–91.

⁴⁵⁷ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 705 ; Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 93.

⁴⁵⁸ Город Екатеринодар 40-х годов прошлого столетия ... С. 49.

С освящением нового Александра Невского войскового собора (в 1872 году) Воскресенский собор потерял значение главного храма Черноморского (тогда уже Кубанского) казачьего войска, и в 1876–1879 годах он был «за ветхостью» разобран⁴⁵⁹.

В 1814 году в квартале, изначально отведенном под площадь (между нынешними улицами Мира, Коммунаров, имени Орджоникидзе и имени М. Седина), был освящен деревянный храм во имя Св. Екатерины Великомученицы, построенный группой мастеровых по руководством казака Минского куреня Черноморского войска Петра Кучера. Судя по сохранившимся описаниям и изображениям, церковь была решена в мотивах украинского барокко: вытянутый по оси «запад — восток» крестообразный сруб на низком каменном фундаменте, с приделами с севера и юга и прирубами во внутренних углах, с куполами над центром и над сводами алтаря и притвора⁴⁶⁰.

Центральный объем храма был составлен из разделенных залами четверика и двух ярусов сужающихся кверху восьмериков; примыкающие объемы пятигранные; к западному, северному и южному входам были пристроены крыльца под двускатными, опирающимися на столбики навесами (позже крыльца были превращены в остекленные с ажурными переплетами рундуки). Покрытия помещений притвора, алтаря и приделов были решены в барочных формах: полуцилиндрические, с «гранеными» закруглениями в торцах, созвучные покрытию зала (уступа) между вторым и третьим ярусами центральной части и колокольчатых куполов. На куполах с металлической фальцевой кровлей помещались увенчанные крестами луковицы; барабаны восточной и западной глав были решены как фонарики. Углы четверика и прирубов имели покрытия пирамидальных очертаний. Шалевка стен Екатерининской церкви, в отличие от войскового собора, была вертикальной, в традиции сельских храмов Украины. Известно, что к середине века при храме находилась «отдельная деревянная на столбах колокольня» и турлучный караульный дом, крытый тесом; вокруг него была устроена «решеточная ограда»⁴⁶¹. Не ранее

⁴⁵⁹ *Короленко П. П.* Екатеринодарский войсковой собор ... С. 74 ; Кубанские областные ведомости. — 1879. — 24 марта.

⁴⁶⁰ Семипрестольный храм Св. Екатерины ... С. 11–15, 29, вклейки 5–8 ; Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 62 ; Православная церковь на Кубани ... С. 201–203.

⁴⁶¹ ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 512. Л. 125 об. ; Ф. 334. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

конца 1860-х годов деревянная колокольня была заменена кирпичной, решенной в «старомосковских» мотивах⁴⁶².

Рис. 18. Церковь во имя Святой Екатерины Великомученицы с колокольней. Вид с юго-востока. Фото неизвестного автора. Последняя треть XIX века. Коллекция сайта «С любовью из Екатеринодара». URL: <http://www.myekaterinodar.ru/ekaterinodar/cards/ekaterinodar-ekaterinodar-ekaterininskaya-cserkov-i-kolokolnya/> (дата обращения: 22.11.2021)

Воспроизводя своей объемно-пространственной композицией и оформлением экстерьера архитектуру традиционных трехверхих малороссийских церквей, в том числе казачьих, и будучи напоминанием о последнем храме Новой Сечи — Покровском, екатеринодарский Свято-Екатерининский храм на протяжении нескольких десятилетий служил образцом для храмового строительства в куренных селениях (станциях) Черноморского казачьего войска⁴⁶³.

В 1914 году, после постройки на площади Семипрестольного собора Св. Екатерины, старая Екатерининская церковь была разобрана и перенесена на Титаровскую (северную) межу Екатеринодара, в «Новые Сады» (ныне пос. Северный), где была вновь возведена в не-

⁴⁶² Семипрестольный храм Св. Екатерины ... С. 17.

⁴⁶³ См.: Бондарь В. В. Украинское барокко в православной храмовой архитектуре Юга России. С. 91–92.

*Рис. 19. Церковь Святой Екатерины. 1814 год. Вид с запада.
Фото 1912–1913 годов (Семипрестольный храм Св. Екатерины
в г. Екатеринодаре. Екатеринодар : [б. и.], 1913. Вклейка 2)*

сколько измененном виде — без глав и освящена во имя Рождества Богородицы⁴⁶⁴. В послевоенные годы это единственное сохранившееся

⁴⁶⁴ См.: Селиверстов А. В. Все храмы города: иллюстрированная история всех храмов Екатеринодара-Краснодара / Александр Селиверстов. — Краснодар : Традиция, 2014. — С. 38.

*Рис. 20. Церковь Святой Екатерины. 1814 год. Вид с северо-востока.
Фото 1912–1913 годов (Семипрестольный храм Св. Екатерины
в г. Екатеринодаре. Екатеринодар : [б. и.], 1913. Вклейка 3)*

на Кубани произведение архитектуры украинского барокко обрело статус памятника истории и культуры республиканского значения, но было утрачено в 1978 году в результате пожара⁴⁶⁵.

⁴⁶⁵ См.: Маркова О. Н. К истории Екатерининской церкви в Краснодаре // Кубанский сборник / под ред. О. В. Матвеева, Г. В. Кокунько. — Т. IV (25). — Краснодар : Книга, 2012. — С. 341–351.

Сведений о прочих храмах Екатеринодара «войскового» периода крайне мало. Например, есть прямое указание на то, что 26 апреля 1813 года последовало высочайшее повеление о строительстве церкви во имя Святого Апостола Фомы «на общеградском кладбище»⁴⁶⁶, но когда строительство было завершено и состоялось освящение храма — неизвестно. В очерке «Всесвятское кладбище г. Екатеринодара» В. П. Бардадым привел, со ссылкой на публикацию в «Трудах Вольного Общества любителей Российской словесности» 1820 года, указание войскового протоиерея К. В. Россинского на то, что антиминс в храм «на кладбище, в богадельне» был положен в 1817 году⁴⁶⁷, из чего можно примерно датировать освящение храма. В документах Войсковой канцелярии есть упоминание о том, что Фоминская церковь помещалась «с большой неудобностью» посреди группы зданий богадельни, сложенных из «красного кирпича, без строгого соблюдения правил архитектуры»⁴⁶⁸. Какие-либо изображения этого храма неизвестны.

В 1839 году, при подготовке строительства новой богадельни, Фоминский храм был упразднен и разобран⁴⁶⁹. Грамотой от 29 июля 1840 года архиепископ Новочеркасский и Георгиевский Афанасий благословил постройку в Екатеринодаре «среди здания войсковой богадельни» храма во имя Скорбящей Божией Матери⁴⁷⁰. В 1840–1842 годах по проекту инженер-капитана Петрова был возведен комплекс зданий войсковой богадельни, занявший квартал, примыкающий к главной улице города — Красной и ограниченный нынешними улицами Длинной, Рашилевской и имени Будённого. Это был ансамбль усадебного типа, с главным корпусом, поставленным в глубине квартала и протяженным по линии «юг — север». Срединное положение в этом кирпичном симметричном, близком к Ш-образному плану, здании, сохранившемся до наших дней, занимает объем Скорбященского храма, освященного в 1844 году. С юга и севера к центральному

⁴⁶⁶ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 52. Л. 270.

⁴⁶⁷ Бардадым В. П. Всесвятское кладбище города Екатеринодара // Открытки на память / В. П. Бардадым. — Краснодар : Советская Кубань, 2005. — С. 135–136.

⁴⁶⁸ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 171. Т. 1. Л. 33.

⁴⁶⁹ См.: Карева Н. В. Церковь во имя Божьей Матери Всех Скорбящих Радость в Екатеринодаре // Historia Caucasia : региональный исторический сборник научных статей. — Вып. 5. — Краснодар : КГИАМЗ, 2005. — С. 15.

⁴⁷⁰ Православная церковь на Кубани ... С. 191–192.

объему — крестовому в плане, с удлинением в западной части, завершенному полусферическим куполом на цилиндрическом барабане, примыкают выполненные как трансепт одноэтажные переходы, связывающие центральный объем с боковыми двухэтажными флигелями, в которых изначально располагались палаты для «призреваемых». Эти флигели энергично выдвинуты к западу, параллельно так же значительно выдвинутому к западу нефу храма, и слабо проявлены ризалитами на восточном фасаде. Судя по сохранившемуся чертежу⁴⁷¹, изначально купол храма был высоким сферическим, а над притвором помещалась шатровая конструкция с луковичной главкой.

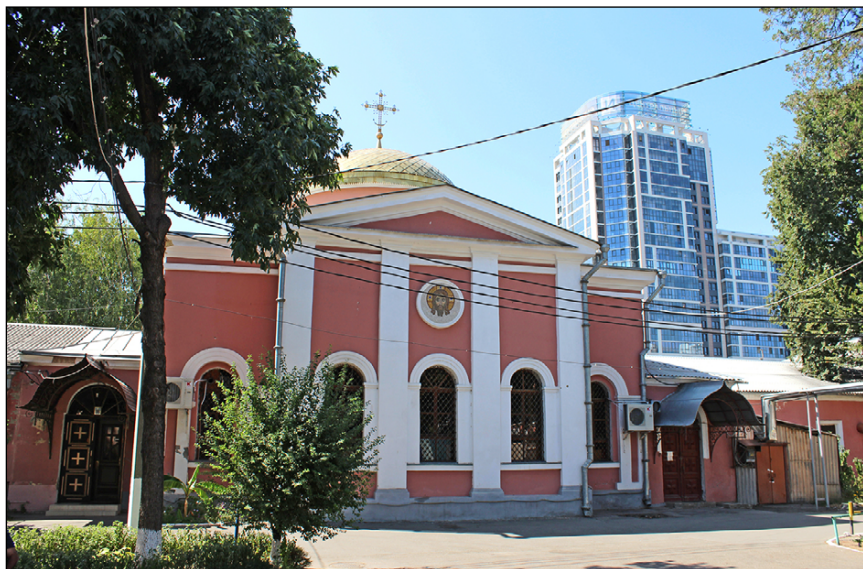

Рис. 21. Церковь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Восточный фасад. Современный вид. Фото автора. 21.08.2017 г.

Как и в объемно-пространственном решении, в экстерьере здания отчетливо проявлены классицистические мотивы: треугольные фронтоны центральных ризалитов западного и восточного фасадов; трехчастное деление пилястрами центрального ризалита восточного фасада и боковых ризалитов западного и восточного фасадов; ориентированные по сторонам света проемы в форме люнетов на барабане и др.

⁴⁷¹ См.: Селиверстов А. В. Все храмы города ... С. 53.

Как верно отметила искусствовед А. Л. Филиппова, богаделенская Скорбященская церковь стала второй после войскового Воскресенского собора пространственной, смысловой и архитектурной доминантой Екатеринодара: «Они (храмы. — *Авт.*) противостояли друг другу своим местоположением: крайний север и крайний юг города. Между ними, как между двумя полюсами — войны и милосердия, — рос и развивался Екатеринодар»⁴⁷².

Комплекс богадельни формировался более десяти лет⁴⁷³. В 1853 году его составляли, помимо главного корпуса с храмом, расположенные к западу от него постройки: «дом для помещения кухни с пекарнею, квасоварни и служителей», баня, «сарай для волов и телег» с продовольственным складом и ледником, «дом для умалишенных», «часовня для выноса мертвых тел» и др.; пространство к востоку от главного корпуса, до улицы Красной, занимал сад, через который от храма к улице вела пешеходная тропа. Возле выхода, к северу от него, находилась могила атамана Черноморского казачьего войска Н. С. Заводовского, с надгробным кирпичным сооружением с деревянным куполом под железной кровлей. По трем сторонам территория богадельни была обнесена забором, со стороны Красной улицы была устроена решетчатая ограда⁴⁷⁴.

До нашего времени сохранился двухэтажный хозяйственный корпус, поставленный по линии северного флигеля главного корпуса богадельни, на расстоянии нескольких метров к западу. Стены его первого этажа сложены сплошной кирпичной кладкой, второго — по деревянному каркасу, в приемах фахверковых построек. Еще в 2000-х годах здание сохраняло исторический облик.

Деревянный храм во имя Димитрия митрополита Ростовского был сооружен «тщанием... атамана генерал-майора и кавалера Федора Яковлевича Бурсака, того же войска штаб- и обер-офицеров и казаков» в 1817-м и освящен в 1819 году⁴⁷⁵. На плане Екатеринодара

⁴⁷² Филиппова А. Л. Архитектура Екатеринодара конца XVIII — начала XX века. — Краснодар : Просвещение-Юг, 2008. — С. 55–56.

⁴⁷³ Карева Н. В. Церковь во имя Божьей Матери ... С. 12–16.

⁴⁷⁴ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 240. Л. 37–38 ; Ф. 249. Оп. 1. Д. 2075. Л. 1–2 ; Ф. 252. Оп. 2. Д. 1934. Л. 72 об.–73.

⁴⁷⁵ Православная церковь на Кубани ... С. 198 ; Бардадым В. П. Церковь во имя Святого Димитрия Ростовского. С. 33.

Рис. 22. Церковь Св. Димитрия Ростовского. Вид с юга. Фото начала XX века. Фрагмент почтовой карточки (Екатеринодар. Дмитриевская церковь зимою : [почтовая карточка]. Екатеринодар : Изд. Галладжянц, Тип. 6)

1818 года Дмитриевская церковь показана в квартале, ограниченном нынешними улицами имени Коммунаров, имени Чапаева, имени Седина и Карасунской; в этом же месте обозначен, но без указания наименования, деревянный храм на плане города 1819 года⁴⁷⁶. Из клировой ведомости приходской Дмитриевской церкви за 1843 год известно, что на тот момент церковное здание было уже ветхим и при нем находилась построенная в 1834 году «иждивением прихожан» колокольня «в столбах, обшелеванная досками и покрытая шелевкою»⁴⁷⁷. Сведений об облике храма того времени нет.

Как следует из поздних, начиная с 1850-х годов, документов, в 1848 году была построена новая Дмитриевская церковь — «деревянная с отдельною колокольнею на столбах и деревянною оградюю, небольшим караульным домом турлучной постройки, крытым камышом, с двумя комнатами»⁴⁷⁸. На «Плане города Екатеринодара с окрестностию», составленном землемером прапорщиком Яновым в 1848 году, как на всех поздних планах города, новый храм показан

⁴⁷⁶ РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 5550, 5554 ; ГАКК. Коллекция «Географические и специальные карты Северного Кавказа». Д. 112.

⁴⁷⁷ Православная церковь на Кубани ... С. 198.

⁴⁷⁸ См., например: ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 512. Л. 125 об. ; Ф. 334. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

на площади (будущей Дмитриевской) между нынешними улицами Пашковской, Базовской, имени Горького и имени Леваневского, где она сохранялась до 1930-х годов⁴⁷⁹.

Изложенные обстоятельства ранее послужили нам основанием для вывода о двух последовательно существовавших в Екатеринодаре одноименных храмах, располагавшихся в разных местах⁴⁸⁰, однако на сегодняшний день мы относим эту точку зрения к числу предположений. Возможно, Дмитриевская церковь изначально находилась в том квартале, где позже была построена вновь. Например, в «Справочнике по Ставропольской епархии» Н. Т. Михайлов сообщал, что церковь, возведенная в 1817 году, «в 1847 году перестроена вновь тщанием прихожан и вновь освящена, в 1874 и 1897 году расширена»⁴⁸¹. Каких-либо упоминаний о переносе храма в документах не обнаружено.

Фотографические изображения храма 1848 года постройки, относящиеся к началу XX столетия, многократно публиковались⁴⁸². Они дают представление о том, что, даже будучи перестроенным, он, наряду с очевидными классицистическими атрибутами в экстерьере, обладал отдельными характерными барочными чертами, например формой куполов основного объема и колокольни.

Многократно упоминавшийся нами «Генеральный план крепости и города Екатеринодара Войска Черноморского с показанием производимых и вновь предполагаемых работ», составленный инженер-поручиком Барашкиным 30 сентября 1818 года, содержит показанный при пересечении нынешних улиц имени Горького и имени Чкалова объект, обозначенный в экспликации как «каменная богадельня и в оной церковь Св. Иоанна»⁴⁸³. Иные источники, содержащие сведения об этом объекте в войсковом городе Екатеринодаре, на

⁴⁷⁹ См.: Бардадым В. П. Церковь во имя Святого Димитрия Ростовского. С. 35; Селиверстов А. В. Все храмы города ... С. 47.

⁴⁸⁰ Бондарь В. В. Две церкви во имя Святого Дмитрия Ростовского в Екатеринодаре // Кубанское казачество: три века исторического пути : материалы Международной научно-практической конференции. Ст. Полтавская Краснодарского края, 23–27 сентября 1996 года. — Краснодар, 1996. — С. 25–27.

⁴⁸¹ Справочник по Ставропольской епархии ... С. 230.

⁴⁸² См., например: Екатеринодар. Дмитриевская церковь зимой : [почтовая карточка]. — Екатеринодар : Изд. Галладжианц, Тип. 6 ; Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 105 ; Селиверстов А. В. Все храмы города ... С. 42, 44, 47.

⁴⁸³ РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 5550.

*Рис. 23. Кладбищенская церковь Всех Святых. Вид с юго-запада.
Фото 1909 года (Бардадым В. П. Зодчие Екатеринодара. Краснодар :
Советская Кубань, 1995. С. 11)*

сегодняшний день не выявлены, поэтому отдельные обстоятельства, допускаемые как косвенные свидетельства нахождения в указанном месте богадельни с храмом, могут служить лишь отправными точками для предположений⁴⁸⁴. Считать же доказанным существование этого объекта оснований нет.

О первой армянской церкви Екатеринодара, построенной в первом-втором десятилетии жизни города, известно немного: из планов города 1818, 1819, 1848 годов и «Плана части г. Екатеринодара» 1849 года⁴⁸⁵ следует, что храм был посвящен Святому Георгию и располагался в середине квартала, примыкающего западной стороной к главной улице — Красной, а южной стороной обращенного к крепостной эспланаде (нынешние названия улиц, ограничивающих этот

⁴⁸⁴ См.: Селиверстов А. В. Все храмы города ... С. 19–20.

⁴⁸⁵ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 240. Л. 18.

квартал, помимо Красной, — Советская, Красноармейская и имени Пушкина).

Последним по времени храмом, воздвигнутым в войсковом городе Екатеринодаре, была освященная 31 августа 1852 года небольшая деревянная церковь во имя Всех Святых на войсковом кладбище⁴⁸⁶. Инициатором ее строительства был исправлявший должность наказного атамана генерал Г. А. Рашпиль, а проект, по сведениям В. П. Бардадыма, был составлен войсковым архитектором есаулом Е. Д. Черником. Он же, судя по документам, руководил строительством⁴⁸⁷.

Первое описание храма содержится в составленной в апреле 1852 года описи церковной утвари: «Кладбищенская при городе Екатеринодаре церковь Во имя Всех святых деревянная на каменном фундаменте, окрашенная масляной краской внутри и снаружи, покрытая железом с позолоченными на куполе звездами»⁴⁸⁸. Последующие описания храма так же лаконичны: в «Таблице об общественных зданиях в Черноморском казачьем войске» 1858 года по Екатеринодарской станице обозначена «Церковь во имя всех Святых деревянная с отдельною колокольнею на столбах»⁴⁸⁹; в «Ведомости войсковых и общественных зданий Кубанского войска в Екатеринодарском округе за 1867 год» указывалось, что церковь была деревянная на каменных столбах, с колокольней, крытая железом⁴⁹⁰. Наконец, в «Справочнике по Ставропольской епархии» 1910 года кладбищенская Всесвятская церковь екатеринодарского градского благочиния отмечена как «деревянная, колокольня отдельно»⁴⁹¹.

Скудные подробностями описания храма отчасти восполняются его единственным известным на сегодняшний день изображением — фотографией, впервые опубликованной В. П. Бардадымом в книге «Зодчие Екатеринодара» и датированной им 1909 годом⁴⁹².

⁴⁸⁶ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1869. Л. 19–19 об., 128.

⁴⁸⁷ Бардадым В. П. Зодчие Екатеринодара. — Краснодар : Советская Кубань, 1995. — С. 11 ; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1869. Л. 92–92 об.

⁴⁸⁸ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1869. Л. 106–113.

⁴⁸⁹ ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 512. Л. 125 об.

⁴⁹⁰ ГАКК. Ф. 334. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

⁴⁹¹ Справочник по Ставропольской епархии ... С. 231.

⁴⁹² Бардадым В. П. Зодчие Екатеринодара. С. 11 ; *Его же*. Зодчие Кубани.

Судя по фото, небольшое церковное здание композиционно имитировало «восьмерик на четверике» — с центральным прямоугольным объемом, на котором помещался восьмигранный барабан, увенчанный луковичной главой с крестом на яблоке. Притвор был решен как портик под двускатным покрытием, с треугольным фронтоном; над ним была установлена малая глава луковичной формы на световом барабане. Обе главы имели кровельное покрытие «шашкой». Колокольня была двухъярусной, в плане квадратной, по четырем столбам, со сквозными проемами звона в верхнем ярусе, под четырехскатной шатровой крышей, увенчанной помещенной на восьмигранной шейке «барочной» — грушевидной с сильно выступающим заломом — главкой, с ажурным крестом на яблоке. О прочих характеристиках экстерьера фотография представления не дает. Пространственное окружение Всесвятского храма изначально составляли собственно городское кладбище, на котором храм занимал почти центральное положение, и построенный еще в 1837 году «на счет доброхотных приношений» дом для караульных казаков — «турлучной постройки об одной комнате и одной печи»⁴⁹³. Кладбищенский Всесвятский храм сохранялся до 1930-х годов⁴⁹⁴.

В феврале 1846 года император Николай I «высочайше повелел» вместо существовавшей в Екатеринодаре «ветхой соборной деревянной церкви (Воскресенского собора. — *Авт.*) построить... новую каменную соборную церковь... Исчисленную примерную на постройку новой церкви сумму... употребить из капитала Черноморского войска»⁴⁹⁵. Строительство нового войскового храма «о пяти главах в византийском вкусе» велось по проекту, составленному архитектором И. Д. Черником и утвержденному в 1849 году⁴⁹⁶. Начавшись в 1853 году на площади упраздненного рынка (ныне сквер имени Г. К. Жукова между улицами Красной, Гимназической, Красноармей-

⁴⁹³ ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 512. Л. 125 об.

⁴⁹⁴ См. подробнее: *Бондарь В. В.* «...Над прахом многих, там почиющих»: кладбищенский храм Во имя всех Святых в Екатеринодаре // Фелицынские чтения (XX) : Проблемы сохранения, изучения и музеефикации историко-культурного и природного наследия : материалы межрегиональной научно-практической конференции. — Краснодар : Вика-Принт, 2018. — С. 45–48.

⁴⁹⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 9. Д. 28948. Л. 5 ; ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–3.

⁴⁹⁶ РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 5566, 5567.

ской и имени Ленина), строительство растянулось на девятнадцать лет и закончилось, когда Екатеринодар был уже «гражданским» городом. Связано это было с нехваткой средств, перебоями в работе завода, изготовлявшего кирпич, пересмотром смет и т. д.⁴⁹⁷ Освящение храма во имя Святого Благоверного князя Александра Невского состоялось 8 ноября 1872 года⁴⁹⁸.

Архитектурное решение нового войскового собора в полной мере соответствовало господствовавшей в то время «тоновской» версии «официального» русско-византийского стиля, закрепленной в так называемых образцовых, т. е. рекомендованных императорским указом (1841 года), проектах⁴⁹⁹. Отсюда не только общее идейно-образное, но и конкретное формальное сходство екатеринодарского собора Александра Невского с эталонными воплощениями стиля — Введенской церковью (собором) лейб-гвардии Семёновского полка в Петербурге и Храмом Христа Спасителя в Москве, построенными по проектам К. А. Тона⁵⁰⁰, и даже, в определенной степени, с более ранней киевской Десятинной церковью (в версии 1828–1842 годов), возведенной по проекту В. П. Стасова.

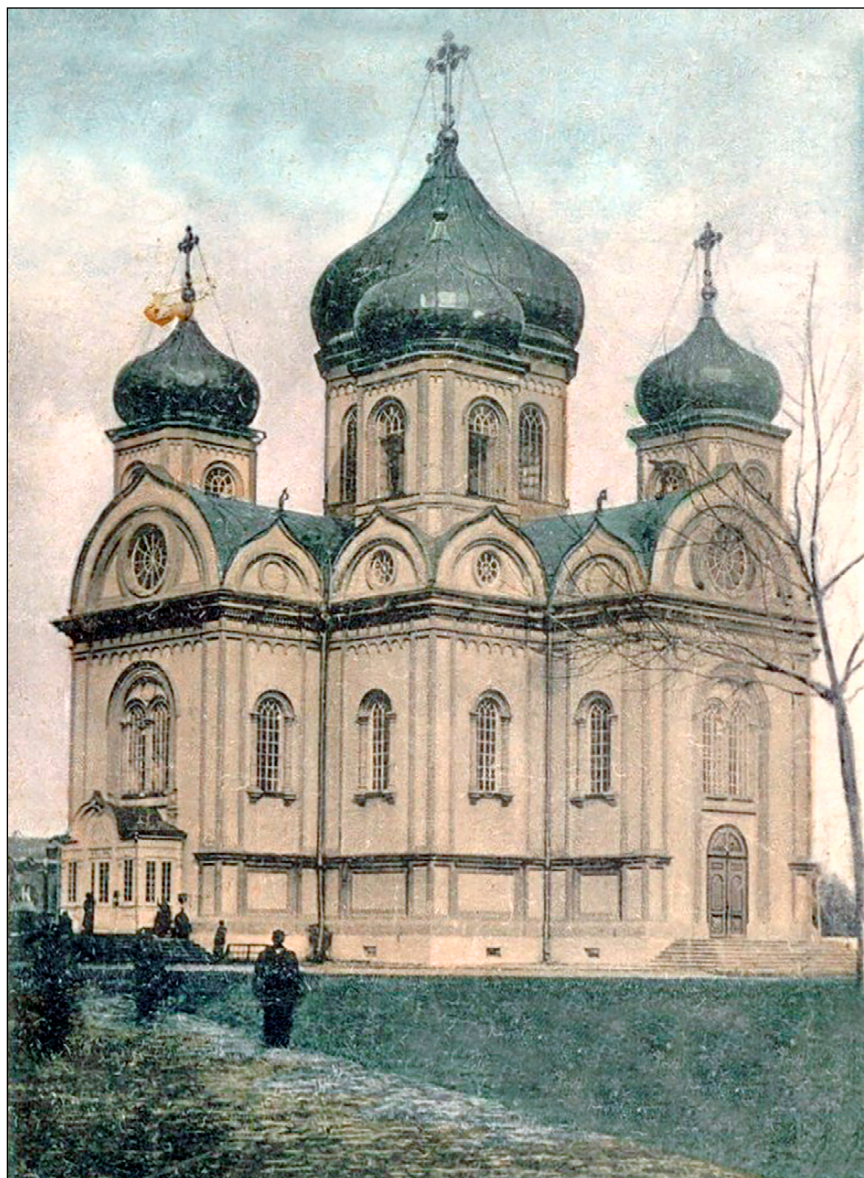
Классицистическая монументальная основа екатеринодарского Александро-Невского собора, проявленная в центричности и четком членении объемов, дополнялась «освященным пятиглавием» и набором архитектурных мотивов владими́ро-суздальской школы. В плане храм составлял равносторонний крест с квадратными выступами во внутренних углах. От торцов ветвей креста фасадные плоскости, решенные как прясла, к которым соседние прясла примыкали под прямыми углами, «отступали» к поперечине креста. Такое решение, наряду с отсутствием выделения алтарной части апсидой (апсидами),

⁴⁹⁷ См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 16. Д. 13794. Л. 5; ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 69, 76, 78–80, 93, 111, 112, 125, 144, 152, 154, 175, 179, 228; Оп. 2. Д. 23; Филиппова А. Л. Архитектура Екатеринодара ... С. 58–67.

⁴⁹⁸ Кубанские областные ведомости. — 1872. — 11 нояб.; Справочник по Ставропольской епархии ... С. 229.

⁴⁹⁹ См.: Кириченко Е. И. Архитектурные теории XIX века в России. — М.: Искусство, 1986. — С. 99.

⁵⁰⁰ См.: Пилявский В. И., Тиц А. А., Ушаков Ю. С. История русской архитектуры: [учебник для архитектурных специальностей вузов]. — Л.: Стройиздат, 1984. — С. 468–470; Кириченко Е. И. Архитектурные теории ... Ил. 48; Иконников А. В. Архитектура и история. — М.: Arhitectura, 1993. — С. 12–14.

*Рис. 24. Войсковой собор Александра Невского. Вид с юго-запада.
Фото начала XX века. Фрагмент почтовой карточки
(Войсковой собор. Екатеринодар : [почтовая карточка].
Екатеринодар : Изд. Книжн. маг. Мееровича)*

обеспечивало задуманную архитекторами «всефасадность» храма, т. е. визуальную равнозначность его видов со всех сторон, что, видимо, можно считать реминисценцией идейно-художественного смысла «казацких соборов» и конкретно — старого войскового Воскресенского собора.

Прочие характеристики экстерьера храма относились к стандартным воплощениям стиля: на средокрестии помещался большой восьмигранный барабан, увенчанный луковичной главой; четыре малых четырехгранных со скошенными углами барабана под луковичными главами располагались на выступавших во внутренних углах объемах; грани барабанов были прорезаны высокими проемами с полуциркульным верхом; прясла — высокими с полуциркульным верхом окнами, на торцевых плоскостях помещались «флорентийские» окна; прясла завершались отделенными карнизом кокошниками с круглыми окнами — витражными и ложными; развитые карнизы основного объема и всех барабанов были подчеркнуты аркатурными поясами. По замечанию А. Л. Филипповой, «в духе требований времени декор этот механически и рационально наложен на стены собора и, как считалось, окончательно придал сооружению характер русского национального храма»⁵⁰¹. Снаружи храм был выбелен, главы окрашены зеленой краской⁵⁰².

О войсковых и общественных постройках, имевших какую-либо архитектурную ценность, сохранилось чрезвычайно мало сведений, но и эти единичные факты дают представление о внешнем облике столицы Черномории. Известно, например, что располагавшееся за восточным крепостным валом, в черте нынешнего городского сада, здание открытой в 1803 году школы, позже преобразованной в войсковое училище, представляло собой «деревянный рубленый под железную крышею дом», при котором находился «деревянный же рубленый под камышовую кровлю флигель»⁵⁰³. В плане здание было крестообразным, с круглым мезонином, в котором помещался колокольчик⁵⁰⁴. Это здание упоминал И. М. Сбитнев, когда училище уже было преобразовано в гимназию: «Дом, занимаемый оною

⁵⁰¹ Филиппова А. Л. Архитектура Екатеринодара ... С. 68.

⁵⁰² См.: Селиверстов А. В. Все храмы города ... С. 68.

⁵⁰³ ГАКК. Ф. 427. Оп. 1. Д. 149. Л. 9–10.

⁵⁰⁴ См.: Кубанские областные ведомости. — 1910. — № 106.

(на тот момент гимназией. — *Авт.*), по огромности своей и хорошей отделке есть первый во всем Екатеринодаре. В нем прежде жилал кошевой атаман Чепега... и потом уже обращен сей дом в учебное заведение. Купол колокольни, на верху дома сделанной, обит свинцом, привезенным из Анапы, как добыча победителей»⁵⁰⁵. Изображения здания неизвестны.

Сооруженное в 1834 году на берегу Карасуна, опять-таки в пределах нынешнего городского сада, по проекту инженер-капитана Петрова здание войскового архива⁵⁰⁶ было решено в приемах классицизма: главный фасад составляли четырехколонный дорический портик-пастада, венчавшийся симметричным ступенчатым аттиком, и два боковых ризалита, завершенных треугольными фронтонами, и расположенный между ризалитами дорический портик⁵⁰⁷.

За неимением описаний и изображений допустимо лишь предполагать, исходя из господствовавшего «официального» стиля эпохи, что встречающиеся в виде упоминаний в документах 1840–1850-х годов здания присутственных мест, торгового словесного суда и дворянского собрания, войскового театра⁵⁰⁸ и, возможно, некоторые другие здания административного и общественного значения были решены в приемах классицизма.

В целом же архитектурный облик Екатеринодара в «войсковой» период его истории определялся примитивной, не имеющей никакого художественного содержания «рядовой» (в основном жилой) застройкой. Помимо жилищ, простой облик имели общественные здания, даже в 1850–1860-х годах, как, например, дом Екатеринодарского станционного правления — обшитый досками, «турлучной постройки, об одном этаже о четырех комнатах, одной печи и одной трубе... с особою на столбах поветью (навесом. — *Авт.*)», «дом на общественном кладбище для караульных казаков, турлучный, об одной комнате с сенцами и печкою», «запасной хлебный магазин деревянной постройки о пяти отделениях»⁵⁰⁹.

⁵⁰⁵ Сбитнев И. М. Воспоминание о Черномории. С. 317.

⁵⁰⁶ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 801.

⁵⁰⁷ См.: Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 85.

⁵⁰⁸ РГИА. Ф. 1152. Т. 3. Д. 96 ; РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 5557, 5570 ; ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 71, 132.

⁵⁰⁹ ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 512. Л. 125 об. ; Ф. 344. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.

Почти все современники войскового города Екатеринодара констатировали, что своим неказистым внешним видом столица Черномории более походила на сельское поселение, чем на город. Так, побывавший здесь в 1820 году путешественник статский советник Гавриил Гераков в своих «Путевых записках» отметил, что «Екатеринодар есть столица черноморских казаков, где и войсковая канцелярия; город обширный, но худо выстроен...»⁵¹⁰. Н. В. Симановский, увидевший Екатеринодар в 1837 году, был более категоричен, написав в своем дневнике: «Екатеринодар только по названию город и, право же, стоит иной деревни... Домов хороших совсем нет»⁵¹¹. Так же отзывались о главном городе Черномории сами екатеринодарцы, например В. Ф. Золотаренко в своем «Плаче...»: «Строение в Екатеринодаре вообще бедное. Дома турлучные. Только в голове города, близ крепости, зеленеют дома на шести крыши; каменного или двухэтажного дома нет ни одного. Самые присутственные места турлучные. На строениях сплошь-рядом крыши камышовые»⁵¹². И уже в середине 1850-х годов путешественник Н. И. Воронов писал, что «Екатеринодар — не больше как черноморская станица в распространенных размерах. Станица — далеко не русский уездный город; она значительно уступает ему во всем, что касается выгод и степени общежития»⁵¹³.

Долгое время ни войсковая администрация, ни сами горожане не придавали особого значения внешнему облику екатеринодарских улиц, довольствуясь архитектурными достоинствами церковных и небольшого числа войсковых и общественных зданий. До конца 1840-х годов о какой-либо градостроительной политике в Екатеринодаре не было речи. И даже деятельность созданной в 1847 году Временной строительной комиссии, возглавлявшейся наказным атаманом⁵¹⁴, поначалу сводилась лишь к контролю за строительством

⁵¹⁰ Путевые записки по многим российским губерниям 1820 г. статского советника Гавриила Геракова. — СПб. : в типографии императорского воспитат. дома, 1828. — С. 105.

⁵¹¹ ОР РНБ. Ф. 777. Оп. 3. № 326/1. Л. 5.

⁵¹² Город Екатеринодар 40-х годов прошлого столетия ... С. 49–50.

⁵¹³ Воронов Н. И. Из черноморского края // Русский вестник. — М. : В типографии Т. Волкова и Комп., 1856. — Т. 6 — № 21, нояб. — Кн. 1. — Паг. 2. — С. 55–59.

⁵¹⁴ ГАКК. Ф. 344. Оп. 2. Д. 1. Л. 6.

зданий по высочайше утвержденным проектам: войскового собора, присутственных мест, дворянского собрания и торгового словесного суда, артиллерийского арсенала⁵¹⁵, а также к организации работ по «осушению города Екатеринодара»⁵¹⁶. Контроль властей за застройкой плановых мест, даже в центре города, практически отсутствовал.

Лишь в мае 1863 года наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-майор Н. А. Иванов обратил внимание екатеринодарского полицмейстера и Временной строительной комиссии на непрезентабельный вид центральной улицы войсковой столицы — Красной: «Жители города Екатеринодара, а также люди, временно проживающие в нем, строят по произволу на плановых местах, даже на главной улице, безобразные и неуклюжие домики и лавочки, не только не испрашивая утверждения фасадов, но часто даже и без ведома начальства. Предлагаю... объявить жителям, чтобы на постройку каких бы то ни было зданий... они предварительно представляли в войсковое правление на утверждение фасады, без которых постройка воспрещается. За соблюдением этого законного порядка полиция обязана строго наблюдать, а между тем немедленно представить мне ведомость, кем и какие построены на главной улице здания без утверждения фасадов»⁵¹⁷.

В представленной почти два года спустя (уже другому атаману — графу Ф. Н. Сумарокову-Эльстону) «Ведомости домам, устроенным жителями города Екатеринодара по главной улице» из 107 построек только 14 были отмечены как войсковые или общественные, основную же массу построек составили дома, хаты и лавки, построенные в разное время⁵¹⁸. По воспоминаниям казака-эмигранта С. М. Мащенко, в 1860-х годах «на протяжении от начала города до строившегося тогда нового войскового собора (примерно от богадельни севера до нынешнего сквера имени Г. К. Жукова. — *Авт.*) Красная улица немногим отличалась от станичных улиц: обширные дворы-поместья с турлучными хатами, крытыми камышом или соломой... Небольшая разница от станицы заключалась только в том, что по

⁵¹⁵ См.: ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 1, 2, 46, 69, 71, 76–78, 79, 86, 93, 94, 111, 112, 125, 132, 144, 152, 175, 228.

⁵¹⁶ См.: ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 5, 75, 121.

⁵¹⁷ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 244. Л. 14–14 об.

⁵¹⁸ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 244. Л. 3–9.

Красной улице попадались большие хаты (дома) с колоннадами и балконами, под железною крышею. Это усадьбы “панов” и зажиточных казаков-торговцев. Огорожены дворы были досками или частоколом... Против собора на целый квартал — обширный пустырь с лачугами и сарайчиками разных ремесленников и мелких торговцев»⁵¹⁹. В качестве отличия Красной от прочих улиц города, как и станиц войска, Мащенко отмечает отсутствие на ней плетневых ограждений усадеб. В остальном вид главной улицы вполне отражал характер застройки всего Екатеринодара.

В большем, нежели архитектурный облик, упадке находилось благоустройство главного города Черномории. Природно-климатические условия Карасунского кута предопределили почти полное отсутствие естественного стока дождевых вод с занимаемой Екатеринодаром территории, что, в свою очередь, было причиной невероятной, даже по меркам того времени, грязи на екатеринодарских улицах, делавшей их непроходимыми. Почти все, описывавшие столицу Черномории, упоминали, как о некоем бедствии, о непролазной грязи. Так, генерал-майор Дебу, собиравший сведения о Черноморском войске в 1816–1826 годах, отметил в своей книге: «...низменность места, избранного для построения города и нерадение жителей... столь умножает в самом городе грязь, что с трудом можно проехать чрез оный»⁵²⁰, а поручик Навагинского полка Симановский, пребывавший в Екатеринодаре по служебным делам, сделал 10 апреля 1837 года в дневнике такую запись: «При малейшем дождике страшно выйти из комнаты, чтобы не утонуть в грязи. Я никогда не видывал такой грязи; еще хорошо тем, что скоро очень сохнет, а то нельзя было бы ходить, ибо верховой лошади местами по брюхо»⁵²¹.

Эту неприглядную черту екатеринодарской повседневности ярко описал, применительно к 40-м годам позапрошлого столетия, В. Ф. Золотаренко: «Когда же наступает осень, то грязь бывает до того глубока, что не ходят, а бродят (в буквальном смысле этого слова)

⁵¹⁹ Мащенко С. Отрывок воспоминаний о жизни на Кубани в шестидесятых и семидесятых годах прошлого века // Кубанский исторический и литературный сборник / сост. В. Науменко. — Blauvelt, USA. — 1962. — № 14. — Январь-февраль. — С. 25.

⁵²⁰ Дебу И. О Кавказской линии ... С. 422.

⁵²¹ ОР РНБ. Ф. 777. Оп. 3. № 326/1. Л. 5 об.

по колени... Мужчины в такое время ездят верхом, а кому надобно проехать в коляске, то не пара, а четверка лошадей с трудом везут ничем не нагруженный экипаж. Бедняки, из опасения лишиться сапог в грязи, подвывают голенища выше колен. Грязь бывает до того густа и клейка, что лошадь едва идет. Колеса телеги в таком случае принимают вид больших груд грязи. На многих улицах вы увидите торчащие повозки. Короче сказать: все улицы, особенно продольные, принимают вид как бы одного озера, редко где пересекаемого насыпом или самую незначительную возвышенностью. Подобная грязь бывает почти каждый год, начиная с октября до апреля месяца»⁵²².

Документы войскового архива свидетельствуют, что усилий, направленных на приведение екатеринодарских улиц в «надлежащий вид», т. е. на их возвышение и устройство искусственного стока вод, было приложено немало. Если в конце XVIII — начале XIX века улицы просто гатили дерном, песком, землей и навозом, что почти не давало результата, то позже стали принимать более действенные меры: с 1823 года в Екатеринодаре организовывались общественные работы по рытью кюветов для спуска дождевых и паводковых вод в Кубань, Карасун и Ореховое озеро и засыпке низменных мест⁵²³, к началу 30-х годов главная улица города — Красная была возвышена посредством укладки фашин из хвороста, укрепленных на грунте кольями и засыпанных песком⁵²⁴. Но и такое обустройство города не давало стойкого результата — кюветы забивались мусором и грязью, вода снова заполняла улицы и насыпи постепенно оседали.

В отчете наказного атамана Черноморского казачьего войска за 1847 год исправлявший эту должность генерал Г. А. Рашпиль признавал, что «важное неудобство в Екатеринодаре то, что в нем нет ни одной мостовой и даже ни одного канала для спуска воды, отчего город заливается водой, образуются лужи, и грязи столько, что в период осени и весны по улицам с величайшим трудом проходят, а проезд на колесах в иное время вовсе невозможен»⁵²⁵. И в 1850–1860-х годах, когда на трех улицах уже существовали деревянные тротуары (на Красной — с середины 1840-х годов), а на

⁵²² Город Екатеринодар 40-х годов прошлого столетия ... С. 51.

⁵²³ ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 21. Л. 12–22.

⁵²⁴ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1565. Л. 15–19, 20–22.

⁵²⁵ Цит. по: Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 104.

пересечении улиц для перехода через расширенные сточные канавы были устроены мосты⁵²⁶, екатеринодарская грязь считалась одной из главных достопримечательностей города. Как и прежде, оставляли зимовать застрявшие в осенней грязи экипажи, потому что вытащить их было невозможно; не имея возможности выехать верхом, многие обитатели города, в основном женщины, месяцами не видели родственников или знакомых, живущих по соседству, потому что невозможно было перейти улицу; часто для того, чтобы закрыть ставни, горожане выезжали верхом на лошади. Как писал о столице Черномории Д. И. Никифоров, офицер одного из регулярных полков, расквартированных в Екатеринодаре в 1854 году, «по улицам идти было невозможно! Грязь выше колен не позволяла переходить поперек улицы. Солдаты перелезали через плетни и шли огородами и садами к отведенным их квартирам. Обоз и повозки оставляли на выгоне. Никакая лошадь не могла бы вытащить не только нагруженную телегу, а тем более казенную фуру, но пустопорожнюю бричку из липкой грязи екатеринодарских улиц»⁵²⁷.

Завершим ряд впечатлений современников о екатеринодарской уличной грязи интересным отдельными подробностями быта воспоминанием екатеринодарца С. И. Эрастова: «Черноземный грунт был толстым и жирным, и когда “разверзались хляби небесные”, а это было довольно часто, грязь в городе становилась непролазной... Дамы, чтобы добраться до войскового собрания... либо к другим развлечениям, должны были ехать на волах и надевать чоботы, переобуваясь в туфельки уже в клубе. Чиновники, чтобы добрести до своих институций, должны были пробираться дворами, дразня и отбиваясь от собак...»⁵²⁸

Ко времени обращения Екатеринодара в «гражданский» город ни его пространственный облик, ни степень благоустройства почти не изменились в сравнении с первыми десятилетиями его истории. О таких благах городской жизни, как мощеные и освещенные улицы, водопровод, канализация, обитатели войсковой столицы и недавно

⁵²⁶ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 21231. Л. 4 ; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2364. Л. 433–434 ; Кубанские войсковые ведомости. — 1864. — № 24. — 3 окт.

⁵²⁷ Воспоминания из времен Николая I Д. И. Никифорова. — М. : Университетская типография, 1903. — С. 61.

⁵²⁸ Эрастов С. И. Воспоминания старого екатеринодарца. С. 118.

созданной Кубанской области могли лишь мечтать — настоящее благоустройство было делом отдаленного будущего.

Подытоживая рассмотрение характерных черт пространственной среды Екатеринодара конца XVIII — 60-х годов XIX века, констатируем ее основную особенность: сочетание масштабной «городской» регулярной пространственно-планировочной композиции, охватывавшей обширную территорию, с застройкой преимущественно усадебного сельского характера, с редкими вкраплениями отдельных зданий, имевших выраженные качества произведений архитектуры, но не формировавших городских ансамблей, при отсутствии соответствующего статусу города благоустройства.

Глава 3

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЕКАТЕРИНОДАРА ИЗ ВОЙСКОВОГО В ГРАЖДАНСКИЙ ГОРОД

3.1. Предпосылки и условия перехода города в новый статус

Большинство российских городов, основанных в XVIII — начале XIX века, развивалось путем постепенной трансформации из административного (или военно-административного) центра определенной территориальной единицы в ее хозяйственно-экономическое и культурное ядро, при сохранении административной функции. Для присоединенных окраин становление городов имело решающее значение, обеспечивая быстрое вхождение этих территорий в общероссийские экономические и социально-культурные процессы. Вне этой закономерности оказывались города, расположенные на землях казачьих войск: население их было занято несением военной, преимущественно пограничной, службы; представители других сословий империи не имели прав оседлости и владения недвижимостью в этих городах, как и вообще на казачьих землях. Такое законодательно установленное обособление войсковых городов означало невозможность применения к ним общероссийских принципов городского устройства, т. е. многосословного «градского общества», формирования органов самоуправления, городского бюджета и т. д. «Городской» статус этих поселений был в значительной степени номинальным.

Фактически войсковые города мало чем отличались от прочих селений казачьих войск (что показано на примере Екатеринодара во второй главе), а жители их несли те же повинности и обладали теми же привилегиями, что и все население войсковых территорий. Предельно точно сущность войсковых городов определяется характеристикой, данной Максом Вебером русским феодальным городам, в которых «создавалось не право гражданства в городе, а возникал

просто временный союз оседлых в городе людей, объединенных общими повинностями и привилегиями»⁵²⁹.

Устройство и все существование войсковых городов определялось почти исключительно мерами государственно-административного порядка и основывалось на традиционном военном быте казаков и сословной «монолитности» каждого казачьего войска. Их полноценное хозяйственное развитие сдерживалось отсутствием постоянного, свободного от военной службы населения, задействованного в торговле, промышленности и ремесленном производстве. В этом противоречии, а также в некоторой культурно-бытовой обособленности казачества вообще и каждого войска в отдельности состояла причина хозяйственной и культурной неразвитости, «законсервированности» войсковых городов даже в середине XIX века. Именно таким городом был тогда Екатеринодар.

Заинтересованность в преодолении сословной замкнутости населения войсковой столицы впервые проявилась в рапорте наказного атамана Черноморского казачьего войска генерал-лейтенанта Н. С. Заводовского командующему Отдельным Кавказским корпусом генерал-лейтенанту В. И. Гурко от 11 ноября 1843 года. Поддерживая просьбу торговавших в Екатеринодаре купцов, проживавших здесь временно, атаман ходатайствовал о «дозволении иногородним строить в Екатеринодаре каменные здания», поясняя, что тем самым «украсится город, облегчится для жителей военный постой и распространится промышленность». О ходе рассмотрения рапорта сведений нет, но известен результат: несмотря на убедительные доводы, ходатайство не было удовлетворено⁵³⁰.

Спустя десять лет, в 1853 году, тот же Н. С. Заводовский, будучи уже генералом от кавалерии, командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории (сохраняя должность наказного атамана), повторил свою просьбу, а командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютант князь М. С. Воронцов переадресовал ее, со своим согласием, в хозяйственное отделение департамента военных поселений Военного министерства. В ходатайстве было сказано: «Екатеринодар, главный город Черноморского казачьего войска, несмотря

⁵²⁹ Вебер М. Город / пер. Б. Н. Попова ; под ред. [и с предисл.] проф. Н. И. Кареева. — Пг. : Наука и школа, 1923. — С. 35.

⁵³⁰ См.: Шевченко Г. Н. Черноморское казачество ... С. 23.

на полувековое свое существование, имеет столь бедное и значению своему не соответствующее устройство, что почти нисколько не отличается от прочих станиц этого войска. Причина этого заключается главным образом в воспрещении иногородним жителям иметь собственные дома и другие здания в означенном городе. А как городская торговля и промышленность находятся в руках людей иногородних, то и устройство города зависит преимущественно от этого класса обывателей. Что же касается до местных собственно, или что то же — войсковых жителей, то они, будучи обязаны службою и поставлены в такой же сельский быт, как и все остальное народонаселение войска, не могут дать городу приличного устройства... А из всех этих обстоятельств открывается в настоящее время потребность, для пользы края вообще, и города Екатеринодара в особенности, предоставить иногородним лицам строить и приобретать в недвижимую собственность дома и другие здания в этом городе, на общем праве прочих городов Империи». В целях развития в городе и крае именно торговли, а также придания екатеринодарским улицам «благородного вида», Заводовским были оговорены конкретные условия проживания «домохозяев» из иногородних: они не могли «иметь при домах своих ни скотоводства, ни хлебопашества... и чтобы постройка была производима не иначе, как каменная или кирпичная под железною крышею...»⁵³¹.

После предварительного рассмотрения предложений атамана Заводовского предполагалось обратиться за «высочайшим» разрешением к императору. Когда дело находилось в производстве, князь М. С. Воронцов обратился письмом к военному министру князю В. А. Долгорукому с просьбой поддержать инициативу черноморского атамана, разъясняя, что преодоление сословной замкнутости населения Екатеринодара имело своей целью не столько благоустройство города, сколько достижение «успешнейшего водворения торговли и промышленности в целом крае». В ответном письме В. А. Долгорукий сообщил М. С. Воронцову, что ходатайство генерала Заводовского вынесено на рассмотрение Военного совета⁵³².

Результатом состоявшегося 11 ноября 1853 года заседания Военного совета стало удовлетворение ходатайства, и 23 сентября

⁵³¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 21231. Л. 1–2.

⁵³² Там же. Л. 19–20, 22.

1854 года в «Положение о Черноморском казачьем войске» 1842 года были внесены следующие изменения: иногородним, занимающимся в Черноморском войске торговлей, разрешалось приобретать землю под усадьбы в городах Екатеринодаре и Тамани⁵³³ и станицах с ведома войскового начальства, а также «возводить на этих участках каменные или кирпичные под железною крышею дома, фабрики, лавки, магазины и всякие другие строения по существующим городским правилам», но запрещалось «иметь при домах своих скотоводство, производить хлебопашество на войсковой земле или участвовать в довольствиях городским выгоном наравне с обывателями войскового сословия». Усадьбы можно было продавать, передавать по наследству, но с соблюдением условия, что новые владельцы усадьбы будут заниматься торговлей на войсковой земле⁵³⁴.

Спустя некоторое время, в начале 1858 года, Военным советом рассматривался вопрос «О разрешении селиться и приобретать землю и дома в собственность в городах Екатеринодаре и Тамани лицам всех сословий империи» независимо от рода занятий. Тогда было вынесено следующее решение: «...если будет Высочайше утверждено предложение Совета относительно дозволения иногородним селиться в городе Новочеркасске (этот вопрос находился в стадии рассмотрения. — *Авт.*), то ходатайство о разрешении селиться иногородним в городах Екатеринодаре и Тамани вновь вынести на рассмотрение Военного Совета»⁵³⁵. Судя по отсутствию соответствующих поздних документов, на этом производство дела было приостановлено. При этом необходимость изменения административного статуса столицы Черноморского казачьего войска была уже очевидной.

Вскоре в биографии Екатеринодара, как и всего края, произошли важные изменения: указами императора Александра II от 8 февраля 1860 года была образована Кубанская область⁵³⁶, а от 19 ноября того же года — Кубанское казачье войско (его составили Черномор-

⁵³³ С 1849 года в Тамани действовало станичное правление, но еще несколько лет «по инерции» ее называли городом. См.: Основные административно-территориальные преобразования ... С. 15.

⁵³⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 21231. Л. 36–39.

⁵³⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 21231. Л. 44.

⁵³⁶ ПСЗ. — Собр. 2. — Т. XXXV. — Отделение 1. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1862. — № 35421. — С. 122.

ское казачье войско и шесть бригад Кавказского Линейного казачьего войска, относившиеся к правому крылу Кавказской линии)⁵³⁷. Это означало, что бывшая столица Черномории становилась областным городом — административным центром территории, занимавшей почти 83 тысячи квадратных верст (свыше 94 тыс. квадратных километров), граничившей на севере с Областью Войска Донского, на востоке и юго-востоке — со Ставропольской губернией, а западной и юго-западной границей выходившей к Азовскому и Черному морям. В Екатеринодаре сосредоточивалось управление Кубанским казачьим войском: здесь имел «местопребывание» наказной атаман, совмещавший эту должность с должностью начальника Кубанской области, располагался войсковой штаб и другие службы и учреждения созданного войска.

Несколько позже к этим изменениям добавились новые, имевшие социально-демографический и военно-политический характер. Ставший одним из главных последствий отмены крепостного права массовый процесс переселения безземельных и малоземельных крестьян на новые, слабо освоенные территории совпал со стремлением правительства к закреплению позиций государства на Северном Кавказе, в частности в Закубанье⁵³⁸. Война на Северо-Западном Кавказе близилась к завершению, и 24 июня 1861 года император Александр II высочайшим рескриптом на имя командующего войсками Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска графа Н. И. Евдокимова объявил, что «Кубанскому казачьему войску в награду за доблестное служение» отводились присоединяемые территории. Рескриптом также «дозволялось» для развития в области торговли и промышленности и для «облегчения к продаже войсковых имуществ и казачьих усадеб предоставить [право] людям стороннего для войска звания приобретать в собственность дома, сады, заводы, магазины, лавки и вновь возводить всякие из означенных строений в городе Екатеринодаре, равно в тех станицах, где находятся окружные управления»⁵³⁹. Эти преобразования полностью совпадали с пла-

⁵³⁷ ПСЗ. — Собр. 2. — Т. XXXV. — Отделение 2. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1862. — № 36327. — С. 391–393.

⁵³⁸ См.: *Кабузан В. М.* Население Северного Кавказа ... С. 93–95.

⁵³⁹ ПСЗ. — Собр. 2. — Т. XXXVII. — Отделение 1. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1865. — № 38256. — С. 406–425.

ном окончательного завоевания Закубанья, подготовленным и позже осуществленным «твердой рукой» графа Евдокимова. Согласно этому плану, пространство между реками Белой и Лабой и восточным берегом Черного моря отводилось для заселения казачьими станицами, для чего коренное адыгское население должно было «освободить территорию» — переселиться на кубанскую равнину (несогласным горцам предлагалось выселиться в Турцию). На частично же освобожденных казачьих землях могли оседать допущенные сюда «иногородние» — граждане «невойсковых» сословий.

В 1862 году по уже изрядно расшатанной сословной монолитности населения Екатеринодара и всего Кубанского казачьего войска был нанесен окончательный удар — издано «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России», которым подтверждалось право казаков, переселявшихся на новые земли, продавать свою недвижимую собственность лицам «невойсковых» сословий. В станицах разрешалось продавать усадьбы и любые строения, в Екатеринодаре — «пустопорожние» плановые места. Приобретение недвижимости давало иногородним право оседлости на землях Кубанского казачьего войска (с подчинением войсковому начальству) и обязывало ежегодно вносить посаженную плату: в станицах — 2 копейки в год за квадратную сажень, в Екатеринодаре — 5 копеек, причем одна половина взимаемой суммы шла в доход войска, а другая — в станичную или городскую казну. Приобретенные усадьбы, дома, сады, «пустопорожние места» могли свободно продаваться как иногородним, так и казакам, однако купивший их казак освобождался от посаженной платы, поскольку вся земля как в станицах, так и в Екатеринодаре по-прежнему считалась собственностью войска. Все лица «невойсковых» сословий, приобретая в пределах Кубанского казачьего войска недвижимую собственность, получали и право пользования общим выгоном для домашнего скота⁵⁴⁰.

Таким образом, несмотря на подчинение иногородних войсковому начальству и формальное сохранение городских земель в соб-

⁵⁴⁰ Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России : [утв. 10-го мая 1862 г. : с прил. др. материалов]. — СПб. : тип. Упр. иррегулярных войск, 1862. — С. 30–33.

ственности войска, с этого момента право «городского гражданства» в Екатеринодаре распространялось на всех, имевших в городе недвижимую собственность, независимо от сословной принадлежности и рода занятий. Перспектива отмены «войскового» статуса города и введения гражданского управления становилась вполне реальной, и это, как писал позже П. В. Миронов, подвигло «торговое и иногороднее общество» Екатеринодара обратиться в марте 1863 года с соответствующим ходатайством к начальству (по-видимому, Кавказскому наместнику). В докладной записке «общество» указывало, что из 14 тысяч жителей города 10 тысяч составляли казаки и 4 тысячи — иногородние (примечательно, что П. В. Миронов считал эти показатели завышенными)⁵⁴¹. Судьба этого обращения неизвестна.

Последним фактором, «подтолкнувшим» Екатеринодар к гражданскому устройству, стало окончание в мае 1864 года многолетней Кавказской войны, определявшей в конце XVIII — начале 60-х годов XIX века главное назначение Черноморского и Кавказского линейного (с 1860 года — Кубанского) казачьих войск. Край, заселявшийся и существовавший в условиях войны, наконец получил возможность мирного развития и полноценного (не только политического, но и культурного и экономического) вхождения в состав России. Это в полной мере относилось и к Екатеринодару, к началу 1860-х годов утратившему свое стратегическое значение.

О препятствиях в развитии войскового и одновременно областного центра в составленном в 1864 году пояснении к проекту Положения о Кубанском казачьем войске было сказано следующее: «Нынешний войсковой град Екатеринодар есть вместе и город, и станица, с городской полицией и станичным правлением, с городским выгоном и станичным юртом. Из такого... взаимно[го] поглощения города станицею, а станицы городом и выходит на самом деле, что Екатеринодар не город и не станица. Само собой разумеется, что под давлением этого разнохарактерного сцепления никакое развитие, ни городское, ни станичное, невозможно». Названным проектом новый областной центр предполагалось построить на левом берегу Кубани, о старом же войсковом центре говорилось: «Нарицательный же город Екатеринодар войско готово оставить без сожаления, так как чрез протечение (так в документе. — *Авт.*) семидесятилетнего свое-

⁵⁴¹ См.: *Миронов П. В.* Население Краснодара. Количество. С. 10.

го существования он остался под первобытной камышевой кровлей и не приобрел другой известности кроме непроходимой грязи и лихорадочно подавляющего всякую деятельность климата. Не в таком... центре нуждается войско, призванное к новой жизни на местности, которой нет подобной в Империи»⁵⁴².

По каким причинам этому проекту не был дан ход, неизвестно, но Екатеринодар сохранил статус областного центра, а длившаяся несколько лет подготовка к официальному преобразованию войскового города со станичным устройством в гражданский город завершилась лишь 1 мая 1867 года⁵⁴³, когда было высочайше утверждено «Мнение Государственного Совета о заселении и управлении города Екатеринодара», заключавшееся в следующем: «1. Предоставить Его Императорскому Высочеству Наместнику Кавказскому приступить теперь же к распоряжениям об устройстве Екатеринодара, применив к сему городу правила, установленные уже для городов Ейска, Темрюка, Анапы и Новороссийска, с теми отступлениями, которые будут вызваны для упомянутого города особыми местными условиями... 2. Распространив на Екатеринодар правила, изложенные в статьях 6, 7 и 9 Высочайше утвержденного 29 ноября 1866 года Положения об управлении городом Темир-Хан-Шурую (с 1922 года Буйнакск. — *Авт.*), предоставить обывателям право пользоваться исчисленными в статье 7 означенного Положения льготами и преимуществами в течение 5 лет со дня причисления к городу»⁵⁴⁴. В соответствии с составленным тогда же на основе «Мнения Государственного Совета» Положением о заселении и управлении города Екатеринодара⁵⁴⁵ устанавливалось, что, получив «общее для всей Империи городское устройство», Екатеринодар сохранял только выгонную землю, а юрт Екатеринодарской станицы распределялся между близлежащими станицами — Пашковской, Динской, Новотитаровской и Елизаветинской; жители Екатеринодарской станицы причислялись к «названным четырем станицам с соблюдением по возможности личного их мнения и с предоставлением им права оставить за собою имеющиеся у них

⁵⁴² ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 30. Л. 245 об.–246.

⁵⁴³ См.: РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 701. Л. 4 ; Ф. 1149. Т. 7. Д. 58.

⁵⁴⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 40. Д. 2257. Л. 20–20 об.

⁵⁴⁵ ПСЗ. — Собр. 2. — Т. XLII. — Отделение 1. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1871. — № 44504. — С. 413–415.

в Екатеринодаре дома, если пожелают подчиниться городским правам, или же оные продать»⁵⁴⁶.

Механизм непосредственной реализации мер правительства по переустройству Екатеринодара был изложен в «Правилах для заселения и управления города Екатеринодара Кубанского казачьего войска», утвержденных Кавказским наместником великим князем Михаилом Николаевичем 8 июня 1867 года⁵⁴⁷. Этим актом провозглашалось: «Существующий в пределах Кубанского казачьего войска город Екатеринодар получает общее во всей империи устройство». Городу отводилось «в собственность, по усмотрению Наместника Кавказского, достаточное количество земли с половиною вод реки Кубани по всем ее изгибам, соприкасающимся к городской выгонной земле». Городские земли, таким образом, выходили из состава войсковой территории. Далее отдельными главами определялись «Порядок вступления в состояние обывателей города Екатеринодара», «Управление сим городом», «Источники городских доходов», «Некоторые местные изменения».

В число обывателей города Екатеринодара могли вступить лица всех сословий империи, имевшие «по общим постановлениям» право причисляться к городским обществам, а также иностранцы «на основании общих законов и заключенных с иностранными государствами трактатов». Воспрещалось в областном городе поселяться лицам, состоящим под судом или следствием, исключенным из своих обществ общественными приговорами, «изобличенным в злонамеренном банкротстве», лишенным «прав состояния» и последователям «вредных» сект (скопцам и бегунам). Ограничивались права государственных и временнообязанных крестьян: первым требовалось согласие общества, в котором они числились; вторым — согласие помещика. Также ограничена была приписка евреев: право оседлости в Екатеринодаре получали только те из них, которые приемными приговорами городского общества признавались «полезными для города».

Желавшие приписаться к Екатеринодару должны были подавать прошения на имя начальника Кубанской области, который принимал

⁵⁴⁶ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1887. Л. 2–2 об.

⁵⁴⁷ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2981. Л. 1–9; Правила для заселения и управления города Екатеринодара Кубанского казачьего войска. — Екатеринодар : в Кубанской войсковой типографии, 1867.

решения о приписке и извещал о них городскую Думу для внесения принятых в число обывателей города. Получившие приписку обязывались завести в Екатеринодаре «прочную оседлость», т. е. возвести на отведенных плановых местах постройки или развести сады и огороды, или приобрести недвижимую собственность в течение трех лет. Не выполнившие эти требования лишались льгот и «преимуществ», которые состояли в освобождении на пять лет от платежа казенных податей и денежных городских и государственных повинностей (подобно жителям городов Закавказского края, Владикавказа, Поти, Темрюка, Петровска и Сухума), отводе плановых мест не с торгов, а за посаженную плату и возможности залога каменных зданий «в обеспечение казенных подрядов».

Казачи, имевшие в Екатеринодаре оседлость до опубликования «Правил...», сохраняли право собственности на все свое недвижимое имущество в городе с возможностью отчуждения как лицам войскового сословия, так и иногородним без взноса в городской доход, однако с условием несения городских и земских повинностей. Фактически это лишало проживавших в областном городе казаков одной из главных сословных привилегий.

Иногородние обитатели Екатеринодара, купившие в нем недвижимость у казаков, переселившихся в предгорья, обязывались единовременно внести в городской доход 25 % ее стоимости, определявшейся особой комиссией, и освобождались от посаженной платы. Остальные владельцы уплачивали всю сумму.

Управление Екатеринодара устраивалось на следующих началах: город состоял «в пределах ведомства» Начальника Кубанской области, «под непосредственным ведением и главным начальством» Кавказского наместника; «частное» (внутреннее) управление города составляли полицмейстер, полицейское управление, городская Дума, городской суд и «особые чины»: архитектор, два врача, стряпчий и два судебных следователя. Деятельность полицмейстера и полицейского управления, подчинявшихся непосредственно начальнику Кубанской области, основывалась на общероссийских законах, определявших предметы ведения и пределы власти полиции. Городская Дума, учрежденная на тех же законодательных основаниях, что и городская Дума в Темрюке, «для управления хозяйственной частью», избиралась в составе девяти членов «градским обществом»: по два гласных от дворянства, от купечества, от мещанства и от всех остальных сосло-

вий, а также городской голова, который мог принадлежать к любому сословию. Деятельность городской Думы сводилась к сбору и распределению, согласно законам, всех городских и казенных сборов и пошлин, выдаче свидетельств на торговлю и промыслы, «устройству всех подведомственных учреждений» и «всестороннему попечению о благосостоянии города Екатеринодара».

Городовой суд, учрежденный на таких же основаниях, как и городской суд в портовом городе Ейске, а также «особые городские чины»: архитектор, стряпчий, врачи и следователи (все они получали жалование из городской казны) — руководствовались в своей деятельности общероссийскими «узаконениями» и правилами.

Источники городских доходов определялись согласно единому в империи Уставу о городском и сельском хозяйстве и состояли из установленного сбора с застрахованных частных зданий, денежного сбора на земские повинности и сбора за места и лавки во время ярмарок⁵⁴⁸.

Под «некоторыми местными изменениями» в «Правилах для заселения и управления города Екатеринодара...» подразумевалась передача от войска в ведение екатеринодарской городской Думы войсковой богадельни и инвентаря пожарной команды.

Новое устройство Екатеринодара согласовывалось с екатерининским «Городовым положением» 1785 года, базировавшимся на принципе сословности «градского общества» и органов муниципальной власти. При этом в «Правилах для заселения и управления города Екатеринодара» учитывались поздние законодательные отступления от «Городового положения», связанные с местными особенностями городов, в которых оно вводилось. Так, подобно Темрюку, вместо установленных Общей и Шестигласной дум в Екатеринодаре избиралась одна городская Дума, состоявшая из восьми гласных и городского головы; льготы и преимущества для поселявшихся в Екатеринодаре были такими же, как в закавказских и некоторых северокавказских городах; городской суд был устроен по образцу ейского суда и т. д. По-видимому, это было связано со стремлением правительства учесть все особенности Екатеринодара того времени и облегчить его переход в новый статус.

⁵⁴⁸ Свод законов Российской империи. — Т. 12. — Ч. II : Уставы о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казенных и казачьих селениях и колониях иностранцев в империи. — СПб. : в тип. второго отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1857. — С. 1–23.

3.2. Упразднение станичного устройства и становление Екатеринодара в статусе гражданского города

Через месяц после утверждения «Правил для заселения и управления города Екатеринодара...» состоялась официальная церемония его «открытия». Вот как это событие было описано в газете «Кубанские войсковые ведомости»: «6 числа сего Июля, в четверг, последовало открытие города Екатеринодара на началах, указанных в мнении Государственного Совета, Высочайше утвержденном в 1-й день Мая сего 1867 года. В 9 часов утра, после благовеста в войсковом соборе, в присутствии Господина Начальника Кубанской области и собравшихся чинов... при входе в собор прочитаны были в извлечении, утвержденные 9[-го] (фактически 8-го. — *Авт.*) числа июня его императорским высочеством Великим князем Наместником Правила для заселения и управления города Екатеринодара. Затем, по входе внутрь храма, соборным священником о. Симеоном Кучеровским перед благодарственным молебствием по случаю обновления Екатеринодара, обращена была к присутствовавшим приличная случаю речь, исполненная убеждений в недалеком лучшем будущем нашего города. По совершении молебствия все присутствовавшие чиновники, граждане обновленного Екатеринодара, избранные из среды всех сословий его гласные и духовенство отправились в квартиру Начальника области для принесения Его Сиятельству выражения чувства благодарности за ходатайство о новом, ныне осуществленном положении Екатеринодара. Начальник области обратился к гласным — представителям городских сословий и изволил выразить надежду, что они, а в лице их и все члены новой городской семьи, окажут ему дружное содействие в деле благоустройства и процветания заново ныне открытого города...»⁵⁴⁹

Приведенная заметка свидетельствует, помимо прочего, о том, что окончательная инициатива о переустройстве Екатеринодара принадлежала начальнику Кубанской области и наказному атаману Кубанского казачьего войска графу Ф. Н. Сумарокову-Эльстону, а также о том, что ко времени официального открытия города «на новых началах» уже были определены гласные городской Думы — представители от разных сословий. Как следует из поздних публикаций

⁵⁴⁹ Кубанские войсковые ведомости. — 1867. — № 26. — 8 июля.

в «Кубанских войсковых ведомостях», назначение гласных, а впоследствии председателя Думы произвел лично начальник области⁵⁵⁰.

Первым мероприятием по непосредственному введению в действие «Правил для заселения и управления города Екатеринодара...» было упразднение Екатеринодарской станицы. Уже на следующий день после церемонии открытия города, 7 июля 1867 года, Войсковому правлению Кубанского казачьего войска наказным атаманом было дано распоряжение: всех жителей Екатеринодарской станицы, согласно спискам, составленным окружным сыскным начальником, «перечислить в те станицы, в какие кто назначен, соображаясь при этом с проектом межевого надела...». Жители станицы, «согласно желанию каждого», были распределены следующим образом: в Пашковскую станицу — 255 семейств, Новотитаровскую — 197, Динскую — 196, Елизаветинскую — 155; одно семейство изъявило желание остаться в Екатеринодаре «с исключением из казачьего сословия». Один экземпляр списков переселявшихся предписывалось «препроводить в Екатеринодарское городское управление... с тем, что в ведении сего управления должны состоять все остающиеся в Екатеринодаре жители упраздняемой Екатеринодарской станицы, впредь пока они сбудут свои дома, но не более одного года, и этим выйдут из счета городских обывателей»⁵⁵¹. Станичное имущество предполагалось продать с торгов и вырученную сумму разослать по названным станицам, пропорционально количеству переселявшихся туда казаков⁵⁵².

Позже, в феврале 1868 года, Войсковым правлением было сделано пояснение, «что расселение Екатеринодарской станицы не относится до дворянства и чиновников войскового сословия, которые не участвуют в земских повинностях по станицам...»; урядники и казаки, имевшие в Екатеринодаре «домашнюю оседлость», могли оставаться в городе, но «с исключением из казачьего сословия»; желавшие остаться в городе в течение льготного времени, «с сохранением звания казачьего», обязывались нести все городские и земские повинности и «все-таки быть приписанными к одной из станиц». Всем переселявшимся жителям упразднявшейся Екатеринодарской станицы, на-

⁵⁵⁰ Кубанские войсковые ведомости. — 1868. — № 14. — 13 апреля.

⁵⁵¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1887. Л. 3, 4–4 об.

⁵⁵² ГАКК. Ф. 334. Оп. 1. Д. 12. Л. 25.

селение которой к началу 1868 года составило 6909 душ⁵⁵³, давалась, считая с 1 января 1868 года, «двухгодичная льгота от полевой службы и земских повинностей»⁵⁵⁴.

Официально Екатеринодарская станица была упразднена 1 марта 1868 года⁵⁵⁵, а вместо существовавшего ранее станичного правления было образовано «Временное управление для заведывания бывшими жителями и делами Екатеринодарской станицы»⁵⁵⁶. На тот момент желание стать екатеринодарскими мещанами «по роду занятий их торговлею и ремеслами, совершенно необходимыми для городского поселения» изъявили 78 казачьих семейств, о чем Войсковое правление донесло Кавказскому наместнику великому князю Михаилу Николаевичу⁵⁵⁷.

10 июля 1868 года последовало высочайшее повеление об исключении 72 семейств бывшей Екатеринодарской станицы из казачьего сословия⁵⁵⁸. Всем остальным, оставшимся казакам предстояло переселение в станицы в округах бывшей Черномории, причем перечень мест возможной приписки уже не ограничивался четырьмя вышеназванными станицами. Переселение, начавшись в 1868 году, продолжалось до 1871 года⁵⁵⁹.

Примечательно, что в те же годы, помимо Екатеринодара, было упразднено станичное управление и отменены ограничения, связанные с правом проживания и владением недвижимой собственностью, в Новочеркасске⁵⁶⁰, Орской станице, преобразованной в город Орск, и в казачьих форштадтах городов Омска и Петропавловска⁵⁶¹.

Параллельно расселению жителей упраздненной Екатеринодарской станицы проходил процесс водворения в городе иногородних крестьян и представителей городских сословий. Этому процессу в немалой степени способствовало постановление Государственного

⁵⁵³ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2652. Л. 199.

⁵⁵⁴ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1887. Л. 11 об.–13.

⁵⁵⁵ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2981. Л. 8.

⁵⁵⁶ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1887. Л. 18 об.

⁵⁵⁷ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1887. Л. 19–19 об.

⁵⁵⁸ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1887. Л. 23а–23а об.

⁵⁵⁹ ГАКК. Л. 25–28 ; Ф. 574. Оп. 1. Д. 921.

⁵⁶⁰ Новочеркасск // Города России : энциклопедия. С. 317.

⁵⁶¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 40. Д. 2257. Л. 22 об.–23 об.

Совета от 29 апреля 1868 года «О дозволении русским подданным не-войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск, не испрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества»⁵⁶², открывавшее широчайшие возможности заселения Кубани выходцами из внутренних губерний России и других мест. Для Екатеринодара же значительный прирост численности населения означал перспективу быстрого экономического развития.

Начатки такого прироста проявились еще в 1867 году, в первые месяцы жизни города на новых началах. Как сообщалось в «Кубанских войсковых ведомостях», «в первый месяц существования Екатеринодара как города, от 6 июля (дня открытия города) до 6 августа, подано прошений для приписки 654 семейств, в которых по меньшей мере надо считать около 2000 душ. Не лучшее ли это доказательство насущной потребности открытия города, и не служит ли это залогом дальнейшего развития Екатеринодара? Пока изъявляют желание приписаться преимущественно торговцы и промышленники, издавна здесь проживающие, хотя, например, был случай, что с такою же просьбой обратилось из Екатеринославского уезда целое селение, в 66 семейств, из коих лишь 3 семейства живут в Екатеринодаре. Приписывающиеся говорят, что если бы земляки их знали обстановку нового города и здешние приволья, повалили бы сюда большими массами»⁵⁶³.

О темпах роста численности населения Екатеринодара в первые годы после его перехода в новый статус можно судить по следующему сопоставлению: в 1868 году в городе насчитывалось 8343 жителя, в том числе 6657 казаков, 748 мещан, 650 дворян, 161 представитель купеческого сословия и 77 представителей духовенства⁵⁶⁴, а в 1871 году — уже 17 622 жителя, в том числе 15 142 мещанина, 731 дворянин, 937 «иногородних» (не приписавшихся к городу), 454 купца, 294 отставных солдата, 3 почетных гражданина и 61 представитель духовного сословия⁵⁶⁵. То есть за три года население города

⁵⁶² ПСЗ. — Собр. 2. — Т. XLIII. — Отделение 1. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1873. — № 45785. — С. 473–474.

⁵⁶³ Кубанские войсковые ведомости. — 1867. — № 32. — 19 авг.

⁵⁶⁴ Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 137.

⁵⁶⁵ Там же. С. 141.

численно увеличилось более чем вдвое. При этом в 1871 году среди горожан не указывались казаки, поскольку все лица войскового сословия уже были приписаны к станицам Кубанского казачьего войска. Можно констатировать, что население Екатеринодара начала 1870-х годов характером сословной структуры было близко к большинству российских «градских обществ».

В соответствии с «Правилами для заселения и управления города Екатеринодара...» в январе 1868 года полиция была преобразована в городское полицейское управление во главе с полицмейстером, а 19 февраля был открыт Екатеринодарский городской суд⁵⁶⁶. Как писала газета «Кубанские войсковые ведомости», «в таком порядке следовало переустройство нашего города, сперва собственно и исключительно только войскового, а ныне и войскового, и общегражданского». В той же заметке сообщалось, что 11 апреля 1868 года состоялись выборы первого городского головы. Процедура выборов была установлена начальником Кубанской области и проходила следующим образом: 53 представителя от всех городских сословий и столько же от «войсковых дворян-домовладельцев», принесли присягу выбирать «по совести и беспристрастно», избрали из пяти баллотировавшихся на должность городского головы купцов первой гильдии трех. Набравший большее количество голосов отставной подпоручик К. И. Фролов стал городским головой, М. Н. Калашников и П. И. Якунинский — «кандидатами по нем», т. е. заместителями. На следующий день избранные «на трехлетие» голова и заместители были утверждены в должностях начальником области графом Н. Ф. Сумароковым-Эльстоном и приведены к присяге. Тогда же состоялись выборы на остальные должности в органах городского самоуправления⁵⁶⁷.

Специфический характер первых городских выборов и непосредственное вмешательство в них начальника области объясняется, на наш взгляд, отсутствием в Екатеринодаре того времени необходимых для полноценных выборов в соответствии с действовавшим тогда «Городовым положением» 1785 года шести разрядов «городовых обывателей», а также стремлением властей контролировать становление системы самоуправления города, обретшего новый статус.

⁵⁶⁶ Кубанские войсковые ведомости. — 1868. — № 8. — 24 февр.

⁵⁶⁷ Кубанские войсковые ведомости. — 1868. — № 14. — 13 апр.

Через несколько месяцев после выборов первого городского головы и других должностных лиц городского самоуправления в Екатеринодаре была учреждена должность городского архитектора, потом были открыты городские общественное собрание, «медицинская часть», мужское училище и т. д.⁵⁶⁸

Наряду с обретением Екатеринодаром необходимых атрибутов гражданского города в нем сохранялись черты его былой войсковой специфики. Во-первых, Екатеринодар по-прежнему оставался центральным административным пунктом Кубанского казачьего войска: в нем «имел местопребывание» наказной атаман, находились главные войсковые учреждения, войсковой собор, проводились сборы, смотры и парады строевых частей войска, ряд частей и подразделений имели здесь постоянную дислокацию. Во-вторых, вся городская земля была поделена на собственно «городской» и «войсковые» планы. Принадлежащими Кубанскому казачьему войску участками в пределах города считались вся площадь бывшей крепости, дворы бывшего войскового дежурства и почтовой конторы, конвойной команды, арсенала, территории Главного Екатеринодарского поста, войскового сада (в 1874 году сад был передан городу и стал именоваться Городским), квартал, где находился дом наказного атамана и др., всего 61 десятина 800 квадратных сажень (66,85 гектаров)⁵⁶⁹, что при 500 десятинах (545 га) общей площади городской земли в 1867 году⁵⁷⁰ составляло 12,4 %. Названные «войсковые» черты были присущи Екатеринодару вплоть до конца 1917 — начала 1918 года.

Завершая обзор обстоятельств и результатов перехода войскового города Екатеринодара к «общегражданскому» устройству, отметим следующее. Невозможность полноценного хозяйственного и культурного развития Екатеринодара в условиях его «войскового» статуса, отмечавшуюся многими современниками, осознавали и войсковое, и вышестоящее начальство еще в ходе Кавказской войны, однако преобразования последовали лишь тогда, когда полностью отпала необходимость кордонной службы черноморских казаков и военная функция столицы края перестала быть преобладающей.

⁵⁶⁸ Екатеринодар-Краснодар : Два века города ... С. 137, 140, 141.

⁵⁶⁹ Подсчитано по данным: РГИА. Ф. 1287. Оп. 40. Д. 2257. Л. 6.

⁵⁷⁰ См.: *Миронов П. В.* Территориальный рост гор. Екатеринодара. С. 84.

В новом статусе Екатеринодару в масштабах империи отводилась роль административного и хозяйственно-экономического центра Северо-Западного Кавказа, с очевидной возможностью расширения функционального спектра, что и было реализовано в полной мере в последней четверти XIX — начале XX столетия⁵⁷¹.

⁵⁷¹ См.: *Бондарь В. В.* Города Кубани в конце XVIII — начале XX в. : (Опыт типологического анализа) // Вопросы историографии и истории Северного Кавказа XVIII — начала XX в. : сб. науч. тр. — Краснодар : Кубанский государственный университет, 1997. — С. 122–124.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Войсковой город Екатеринодар был одним из многих российских городов конца XVIII — первой половины XIX века, выступавших военно-колониционными центрами присоединенных к государству окраинных территорий, и одновременно одним из немногих городов, находившихся на землях казачьих войск и имевших население, отнoсившееся исключительно к казачьему сословию.

Статус Екатеринодара как войскового города во многом определял его функциональную роль в масштабах Российской империи и Земли Войска Черноморского, а также специфику системы внутреннего управления, культурно-хозяйственного и пространственного развития поселения.

Екатеринодар был основан переселившимися на пожалованные императрицей Екатериной Великой земли Правобережья Кубани черноморскими казаками в качестве войскового центра и главного пункта Черноморской кордонной линии. В условиях относительной автономии Войска Верных Черноморских казаков в вопросах внутреннего управления и расселения по войсковой территории, решение об основании города было принято Войсковым правительством. Не будучи изначально, в отличие от многих военно-колониционных центров, «имперским проектом» (как, например, ранее Петербург, Оренбург, в Предкавказье — Ставрополь, Ейск), являясь в первые годы существования лишь центром внутреннего управления Черноморским войском, Екатеринодар впоследствии обрел значение опорного пункта Российского государства на Северо-Западном Кавказе.

Дату возникновения Екатеринодара следует соотносить с первым документальным свидетельством о выборе места поселения, непрерывно существующего до сих пор, — рапортом Черноморского Войскового правительства Таврическому губернатору от 9 июня 1793 года.

Выбор места для «главного войскового града» был продиктован прежде всего стратегическими соображениями: расположением урочища Карасунский кут на Черноморской кордонной линии и его естественной формой — водные преграды (реки Кубань и Карасун) с трех сторон обеспечивали защиту города от нападений неприятеля. При выборе места, однако, не были учтены крайне неблагоприятные климатические условия местности, обусловившие повальные заболе-

вания малярией и высокую смертность как среди первопоселенцев, так и у горожан последующих поколений. То есть оптимальное с военно-политической точки зрения макроположение Черноморского войска удачно сочеталось со стратегическими выгодами и крайне неудачно — с климатическими условиями микроположения его столицы.

Функциональная роль Екатеринодара в масштабах государства определялась главным предназначением Черноморского казачьего войска — несением кордонной и внутренней службы. Доминировавшие военная и административная функции города и «перманентная» война с закубанскими горцами обусловили военный характер самого поселения и образа жизни его обитателей.

Прочие функции войскового города Екатеринодара — экономические и культурные — были обусловлены его административным статусом и реализовывались, за исключением роли города как пункта ярмарочной и меновой торговли, лишь в масштабе Земли Черноморского казачьего войска. Хозяйственная деятельность населения Екатеринодара обеспечивала почти исключительно потребности самих горожан, не составляя экономических функций города.

Законодательный запрет лицам «невойсковых» сословий постоянного проживания и владения недвижимой собственностью на землях казачьих войск predetermined сословную замкнутость населения Екатеринодара и, как следствие, невозможность устройства города на установленных для большинства городов Российской империи принципах всесословности «градского общества» и избиравшихся органов городского самоуправления. В Екатеринодаре, как и во всех войсковых городах Российской империи, сложился военно-полицейский тип организации городской власти. Кроме того, в условиях унификации управления и системы землепользования в Черноморском казачьем войске все казачье население города было организовано в курени, а позже в территориально тождественную городу станицу Екатеринодарскую. Это явление в истории российских городов уникально.

Сословная и культурная «монолитность» и единый образ жизни всего населения Земли Войска Черноморского обусловили культурно-бытовую и хозяйственную общность Екатеринодара с другими казачьими поселениями Черномории: малороссийский язык, традиции, нравы и обычаи, занятия и характер ведения домашнего хозяйства у екатеринодарцев были такими же, как у всех черноморских казаков. Определенное «цивилизаторское» воздействие на патриархальный

екатеринодарский быт, в первую очередь на образ жизни горожан — представителей черноморского войскового дворянства, оказывали офицеры базировавшихся в городе с начала 1830-х годов регулярных частей российской армии.

Пространственная организация Екатеринодара также имела особенный характер: при общих для поселений военного характера регулярной планировке и регулярном же наборе «казенных» зданий застройка города велась преимущественно по усадебному принципу характерными для всех селений Черномории турлучными жилищами и надворными постройками, при которых разбивались большие фруктовые сады. Значимыми с архитектурной точки зрения сооружениями в Екатеринодаре были лишь выступавшие пространственными доминантами здания культа и отдельные здания общественного назначения, в облике которых отразился постепенный переход от казачьих традиций храмового зодчества к общероссийскому «официальному» стилю — классицизму.

Необходимость хозяйственного развития Екатеринодара, ставшего в 1860 году центром Кубанской области и Кубанского казачьего войска, подтолкнула правительство к снятию ограничений на право оседлого жительства и владения недвижимой собственностью в городе лицам «невойсковых» сословий, подобно другим войсковым городам Российской империи. Этому способствовало также окончание в 1864 году войны на Северо-Западном Кавказе и, как следствие, возможность мирного развития края. С изданием 7 июня 1867 года «Правил для заселения и управления города Екатеринодара Кубанского казачьего войска» и упразднением станичного управления город обрел общее для всех городов империи устройство, дававшее ему большие возможности экономического развития. Вместе с тем Екатеринодар сохранял определенные черты своего «войскового» прошлого.

В целом история войскового города Екатеринодара специфически проявила общероссийский крепостнический комплекс: если феодальная зависимость большинства российских городов проявлялась в том, что торговля и промышленность в них развивались за счет спроса со стороны дворянства и чиновничества, то зависимость жителей войсковых городов, составлявших часть населения территорий казачьих войск, проявлялась в общей повинности войскового сословия — несении военной службы на осваивавшихся землях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА):
 - Фонд 16. Опись 1. Дело 962. Часть 2.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА):
 - Ф. 797. Оп. 16. Д. 13794.
 - Ф. 1149. Т. 7. Д. 58.
 - Ф. 1152. Т. 3. Д. 96.
 - Ф. 1268. Оп. 2. Д. 963.
 - Ф. 1287. Оп. 38. Д. 701 ; Оп. 40. Д. 2257.
 - Ф. 1329. Оп. 1. Д. 236.
 - Ф. 1341. Оп. 75. Д. 518.
 - Ф. 1405. Оп. 45. Д. 9036.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА):
 - Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 21231 ; Т. 9. Д. 28948.
 - Ф. 349. Оп. 12. Д. 5550 ; Д. 5554 ; Д. 5557 ; Д. 5566 ; Д. 5567 ; Д. 5570.
 - Ф. ВУА (военно-ученый архив). Д. 20159. Ч. 2 ; Д. 21924.
4. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ):
 - Ф. 342. № 951.
 - Ф. 777. Оп. 3. № 326/1.
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК):
 - Ф. 249. Оп. 1. Д. 161 ; Д. 179 ; Д. 208 ; Д. 210 ; Д. 223 ; Д. 228 ; Д. 238 ; Д. 239 ; Д. 253 ; Д. 276 ; Д. 283 ; Д. 318. Т. 1 ; Д. 333 ; Д. 338 ; Д. 354 ; Д. 405 ; Д. 498 ; Д. 539 ; Д. 624 ; Д. 764 ; Д. 829. Т. 2 ; Д. 1011 ; Д. 1091 ; Д. 1422 ; Д. 1537 ; Д. 1549 ; Д. 1565 ; Д. 1689 ; Д. 1742 ; Д. 1764 ; Д. 1869 ; Д. 1897 ; Д. 2075 ; Д. 2116 ; Д. 2364 ; Д. 2830 ; Д. 2981 ; Д. 2652 ; Д. 2981.
 - Ф. 250. Оп. 1. Д. 1 ; Д. 3 ; Д. 5 ; Д. 20 ; Д. 24 ; Д. 27–28 ; Д. 52 ; Д. 62 ; Оп. 2. Д. 1 ; Д. 33 ; Д. 38 ; Д. 39 ; Д. 54 ; Д. 106 ; Д. 171. Т. 1 ; Д. 203 ; Д. 270 ; Д. 412 ; Д. 627 ; Д. 705 ; Д. 801 ; Д. 1565. Оп. 2. Д. 39.
 - Ф. 252. Оп. 2. Д. 162 ; Д. 1760 ; Д. 1887 ; Д. 1934.
 - Ф. 318. Оп. 1. Д. 27 ; Д. 276 ; Д. 512. Оп. 2. Д. 1 ; Д. 3 ; Д. 21 ; Д. 29.
 - Ф. 334. Оп. 1. Д. 12 ; Д. 20.
 - Ф. 344. Оп. 1. Д. 1 ; Д. 2 ; Д. 5 ; Д. 20 ; Д. 46 ; Д. 69 ; Д. 71 ; Д. 75 ; Д. 76–78 ; Д. 79 ; Д. 86 ; Д. 93 ; Д. 94 ; Д. 111 ; Д. 112 ; Д. 121 ; Д. 125 ; Д. 132 ; Д. 144 ; Д. 152 ; Д. 175 ; Д. 240 ; Д. 244 ; Д. 228 ; Д. 240 ; Д. 244.
 - Ф. 396. Оп. 1. Д. 11328.

- Ф. 427. Оп. 1. Д. 149.
 - Ф. 452. Оп. 1. Д. 26.
 - Ф. 454. Оп. 2. Д. 96.
 - Ф. 470. Оп. 2. Д. 209.
 - Ф. 574. Оп. 1. Д. 215 ; Д. 921.
 - Ф. 670. Оп. 1. Д. 18 ; Д. 30.
 - Ф. 770. Оп. 1. Д. 1.
 - Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 31 ; Д. 155.
 - Коллекция «Географические и специальные карты Северного Кавказа». Д. 112 ; Д. 113.
6. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е. Д. Фелицына (КГИАМЗ):
- Коллекция фотодокументов. КМ 4266.17 ; ПМ 212.
7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ):
- Собрание 1:
- Т. XX. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. — № 14392.
 - Т. XXII. — СПб. : Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — № 16187 (16188).
 - Т. XXIII. — СПб. : Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — № 17055.
 - Т. XXVII. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. — № 20156.
- Собрание 2:
- Т. II. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. — № 1058.
 - Т. XXIV. — Отд. 2. — СПб. : Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1850. — № 23575.
 - Т. XXXV. — Отделение первое. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1862. — № 35421 ; № 36037 ; Отделение второе. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1862. — № 36327 ; № 36445.
 - Т. XXXVII. — Отделение первое. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1865. — № 38256 ; Т. XLII. — Отделение 1. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1871. — № 44504.
 - Т. XXVIII. — Отделение первое. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1854. — № 27646.
 - Т. XXXIX. — Отделение второе. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. — № 41411 ; Т. XLIII. — Отде-

- ление первое. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1873. — № 45785.
8. Свод законов Российской империи. — Т. 12, ч. II : Уставы о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казенных и казачьих селениях и колониях иностранцев в империи. — СПб. : в тип. второго отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1857. — 582 с.
 9. Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России : [утв. 10-го мая 1862 г. : с прил. др. материалов]. — СПб. : тип. Упр. иррегулярных войск, 1862. — 118 с.
 10. Положение о Черноморском казачьем войске. — СПб. : в типографии Департамента военных поселений, 1842. — 135, 103, V с.
 11. Правила для заселения и управления города Екатеринодара Кубанского казачьего войска. — Екатеринодар : в Кубанской войсковой типографии, 1867. — 18 с.
 12. Городские поселения в Российской империи / [сост. по приказанию М-ва внутренних дел]. — СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1860–1865. — Т. 2. — 1861. — 587 с. ; Т. 3. — 1863. — 680 с.
 13. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — Вып. 2. — Ставрополь : Изд. Ставроп. статистического комитета, 1869. — 461 с.
 14. Справочник по Ставропольской епархии : (обзор городов, сел, станиц и хуторов Ставропольской губернии и Кубанской области) / сост. свящ. Н. Т. Михайлов. — Екатеринодар : Типография Кубанского областного правления, 1910. — 501 с.
 15. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год / сост. М. П. Штер. — СПб. : Тип. И. Глазунова, 1829. — 95 с.
 16. Статистические очерки некоторых городов Кавказа и Закавказского края // Кавказский календарь на 1852 год. — Тифлис : Тип. канцелярии Наместника Кавказского, 1851. — С. 275–452.
 17. Статистические сведения о Кавказской области и Земле Войска Черноморского // Журнал Министерства внутренних дел. — СПб., 1830. — Ч. 2, кн. 3. — С. 183–206.
 18. Статистические таблицы Российской империи за 1856 год, составленные и изданные по распоряжению Министра внутренних дел статистическим отделом Центрального Статистического комитета. — Вып. 1. — СПб. : Тип. II-го отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1858. — 300 с.
 19. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в полное собрание законов с 1649 по 1900 год / состави-

- тель П.П. фон-Винклер. — [Репринт. воспроизведение изд. 1899 г.]. — Москва : Планета, 1990. — 222 с.
20. Кубанские войсковые ведомости. — 1864. — № 24. — 3 октября ; 1865. — № 39. — 2 октября ; 1867. — № 26. — 8 июля ; № 32. — 19 августа ; 1868. — № 8. — 24 февраля ; № 14. — 13 апреля.
 21. Кубанские областные ведомости. — 1872. — 11 ноября ; 1879. — 24 марта.
 22. Атлас землям иррегулярных войск 1858 года. — [Б. м. : б. и.]. — 9 с.
 23. Краснодарский край : топографическая карта. — 1:100 000. — Лист L-37-101 (XIX). — Издание Генштаба ВС СССР, 1989.
 24. *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска : в 4 томах / собр. и изд. И. И. Дмитренко. — СПб. : Тип. штаба отд. корпуса жандармов, 1896–1898. — Т. 2 : Бумаги императрицы Екатерины II, Потемкина-Таврического, Суворова-Рымникского, Голенищева-Кутузова и др. 1787–1795 гг. — 1896. — 475 с. — Документы извлечены из Кубанского войскового архива ; Т. 3 : Войско верных Черноморских казаков. 1787–1795 гг. — 1896. — 799 с. — Документы извлечены из Кубанского войскового архива ; Т. 4 : 1795–1799 гг. — 1898. — XX, 497 с. — Документы извлечены из Кубанского войскового архива.
 25. Екатеринодар-Краснодар : Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... : материалы к Летописи. — Краснодар : Книжное издательство, 1993. — 800 с.
 26. Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII века : исторические документы / Администрация Краснодарского края, Упр. по делам арх. Краснодарского края, Гос. учреждение Краснодарского края «Государственный архив Краснодарского края» ; [сост.: Н. В. Малеева и др.]. — Краснодар : Диапазон-В, 2006. — 520 с.
 27. Православная церковь на Кубани (конец XVIII — начало XX в.) : сборник документов : (к 2000-летию христианства) / Упр. по делам архивов Краснодарского края ; Госархив Краснодарского края ; Госархив Ставропольского края. — Краснодар : ЭДВИ, 2001. — 728 с.
 28. *Балуев П. С.* Исторические и статистические описания станиц и городов, посещаемых г. военным министром при объезде его превосходительством Области Войска Донского в 1900 году / сост. Ген. штаба полк. П. С. Балуевым. — Новочеркасск : Обл. Войска Донск. тип., 1900. — 242 с.
 29. *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1893 год. — СПб. : Типография Императорской академии наук, 1869. — Ч. 1. — 1869. — 545 с.
 30. *В. Л.* Поездка на правый фланг Кавказской линии и в Черноморию // Кавказ. — 1850. — № 58. — 26 июля.

31. *Воронов Н. И.* Из черноморского края // Русский вестник. — М. : В типографии Т. Волкова и Комп., 1856. — Т. 6. — № 21. — Ноябрь. — Кн. 1. — Паг. 2. — С. 55–59.
32. *Воронов Н.* Черноморские письма // Русский вестник : журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. — Т. 7. — М. : В типографии Каткова и К°, 1857. — № 1. — Паг. 2. — С. 71–74.
33. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив : в 12 вып. / сост.-изд. П. Бартенев. — М. : В университетской типографии (М. Катков), 1884. — Кн. 1. — Вып. 2. — С. 363–390.
34. Воспоминания из времен Николая I Д. И. Никифорова. — М. : Университетская типография, 1903. — 63 с.
35. Город Екатеринодар 40-х годов прошлого столетия : (рукопись «Плач Василия при реке Кубани») // Известия ОЛИКО. — Екатеринодар : Типография Кубанского областного правления, 1909. — Вып. 4. — С. 43–72.
36. *Дебу И. Л.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах, собранные действительным статским советником и кавалером Иосифом Дебу с 1816 по 1826 год. — СПб. : тип. К. Крайя, 1829. — 463 с.
37. Журнал путешествия по земле донских казаков, к Кавказу и в Астрахань, г. Ст... / [X. Х. Стевен] // Северный архив : журнал истории, статистики и путешествий, издаваемый Ф. Булгариным. — СПб. : В Военной тип. Главного штаба Е. И. В., 1824. — Ч. 12. — Ноябрь. — № 21–22. — С. 159–192.
38. *Келле-Шагинов С.* История семьи из бывшего города Нахичевани-на-Дону в воспоминаниях ушедших поколений. Часть 1 // Relga : научно-культурологический журнал (ISSN 1814-0149). — № 7 (245). — 01.05.2012. — URL : <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=3185&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 07.01.2019).
39. *Мащенко С.* Отрывок воспоминаний о жизни на Кубани в шестидесятых и семидесятых годах прошлого века // Кубанский исторический и литературный сборник / сост. В. Науменко. — Blauvelt, USA. — 1962. — № 14. — Январь-февраль. — С. 23–27.
40. *Мигрин И. И.* Похождения, или История жизни Ивана Мигрина, черноморского казака // Русская старина. — 1878. — Т. XXIII. — Сентябрь. — С. 1–32.
41. Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море. — М. : У продавца Бува ; В типографии Н. С. Всеволожского, 1810. — 289 с.
42. Путевые записки по многим российским губерниям 1820 г. статского советника Гавриила Геракова. — СПб. : в типографии императорского воспитат. дома, 1828. — 172 с.

43. *Рошешуар Л.-В.-Л.* Мемуары графа де-Рошешуара, адъютанта императора Александра I : (Революция, Реставрация и Империя) / пер. с фр. под ред. А. Гретман. — Москва : «Сфинкс» Н. Ф. Прорубникова, 1914. — 471 с. — (Историческая библиотека «Сфинкса» ; Т. 13, вып. 2).
44. *Сбитнев И.* Воспоминание о Черномории // Украинский журнал, издаваемый Императорским Харьковским университетом. — 1825. — Ч. 6. — № 11–12. — С. 310–340.
45. *Соболев М.* Письмо о войне с закубанцами // Московский телеграф. — 1831. — Ч. 37. — № 3. — С. 400–410.
46. *Туренко А. М.* Исторические записки о войске Черноморском : [Со времени последнего оного на всемилостивейше пожалованной земле по 1831 год]. — Киев : тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамом, 1887. — 149 с.
47. *Филиппов Н.* Поездка по берегам Азовского моря летом 1856 г. : Из Морского сборника 1857 года. — СПб. : В типографии Морского министерства, 1857. — 170 с.
48. *Эрастов С. И.* Воспоминания старого екатеринодарца / публ. В. К. Чумаченко // Родная Кубань. — 1998. — № 2. — С. 111–130.
49. Войсковой сбор. Екатеринодар : [почтовая карточка]. — Екатеринодар : Изд. Книжн. маг. Мееровича.
50. Екатеринодар. Дмитриевская церковь зимой : [почтовая карточка]. — Екатеринодар : Изд. Галладжанц, Тип. 6.

Литература

1. *Агафонов О. В.* Казачьи войска Российской империи. — Калининград : Рус. кн., [1995]. — 556 с.
2. *Александрова В.* Курорт Ессентуки : [путеводитель] / В. Александрова, И. Александров. — Ставрополь : Кн. изд-во, 1973. — 155 с.
3. *Алисов Д. А.* Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.) : монография / Д. А. Алисов ; Федеральное агентство по образованию, Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. — Омск : Изд-во ОмГУ, 2006. — 336 с.
4. *Алисов Д. А.* Культурный ландшафт города: концепция, структура, индикаторы. — Текст : электронный // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики) : материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) / под ред. Д. А. Алисова, О. В. Петренко. — Москва, Омск : Сибирский филиал Института Наследия, 2020. — С. 7–17.
5. *Андреев Ю. П.* Ессентуки. Казачья станица и знаменитый курорт. — Ставрополь : Ставропольский гос. аграрный ун-т, 2013. — 424 с.

6. *Анучин Д. Г.* Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии // Военный сборник : Издаваемый по высочайшему повелению. — Т. XI. — СПб. : в типографии Карла Вульфа, 1860. — Паг. 2. — С. 273–324.
7. *Анфимов И. Н.* Археологические памятники города Краснодара / И. Н. Анфимов, Н. В. Анфимов // Кубанский краевед. — Вып. 3. — Краснодар, 1992. — С. 19–60.
8. *Анциферов Н.* Книга о городе / Н. Анциферов, Т. Анциферова. — Кн. 1 : Город, как выразитель сменяющихся культур. Картины и характеристики. — Л. : Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1926. — 224 с.
9. *Анциферов Н. П.* Жизнь города / Н. П. Анциферов, Т. Н. Анциферова. — Л. : Издательство Брокгауз-Ефрон, 1927. — 299 с.
10. *Анциферов Н. П.* Город как объект экскурсионного изучения // Краеведение. — 1926. — № 2. — С. 167–182.
11. *Анциферов Н. П.* О методах и типах историко-культурных экскурсий. — Пг. : Начатки знаний, 1923. — 39 с.
12. *Анциферов Н. П.* Пути изучения города, как социального организма : Опыт комплексного подхода. — 2-е изд., испр. и доп. — Л. : Сеятель, 1926. — 150 с.
13. *Бабюх В. А.* Понятие «город» и типологизация городов: проблемы соотношения при определении даты возникновения городских поселений / В. А. Бабюх, Ж. Е. Кайсарова // Вестник Казанского технологического университета. — 2014. — Т. 17, № 20. — С. 417–422.
14. *Бабюх В. А.* Методологические критерии, принципы и проблемы летоисчисления городов в российской исторической урбанистике // Мanuscript. — 2021. — Т. 14, вып. 8. — С. 1544–1550.
15. *Багалій О. Д.* Історія військових поселень в Україні : Із неопублікованої спадщини. — Харків : Видавництво САГА, 2007. — 348 с.
16. *Бардадым В. П.* Архитектура Екатеринодара. — Краснодар : Лебедев Ю. Ю., 2009. — 400 с.
17. *Бардадым В. П.* Зодчие Екатеринодара. — Краснодар : Советская Кубань, 1995. — 112 с.
18. *Бардадым В. П.* Зодчие Кубани. — Краснодар : Вишера, 2011. — 368 с.
19. *Бардадым В. П.* Кубанские арабески : краеведческие очерки. — Краснодар : Советская Кубань, 2000. — 320 с.
20. *Бардадым В. П.* Открытки на память. — Краснодар : Советская Кубань, 2005. — 216 с.
21. *Бардадым В. П.* Этюды о Екатеринодаре. — Краснодар : Северный Кавказ, 1992. — 135 с.

22. *Бардадым В. П.* Этюды о прошлом и настоящем Краснодара. — Краснодар : Краснодарское книжное издательство, 1978. — 127 с.
23. *Бентковский И. В.* Заселение Черномории с 1792 по 1825 год // Памятная книжка Кубанской области на 1881 год. — Екатеринодар, 1881. — Паг. 5. — С. 1-125.
24. *Блюдов Н. Ф.* Начальное народное образование в Кубанской области // Кубанский сборник : труды Кубанского областного статистического комитета / под ред. Е. Д. Фелицына. — Т. 1. — Екатеринодар : Тип. Кубан. обл. правления и Л. Нитье, 1883. — Паг. 2. — С. 733–828.
25. *Боже-Гарнье Ж.* Очерки по географии городов / Ж. Боже-Гарнье, Ж. Шабо ; пер. с фр. К. Т. Топуридзе и С. Н. Тагера ; вводная статья и ред. В. В. Покшишевского. — Москва : Прогресс, 1967. — 424 с.
26. *Бондарь В. В.* «...Над прахом многих, там почивающих»: кладбищенский храм Во имя всех Святых в Екатеринодаре // Фелицынские чтения (XX) : Проблемы сохранения, изучения и музеефикации историко-культурного и природного наследия : материалы межрегиональной научно-практической конференции. — Краснодар : Вика-Принт, 2018. — С. 45–48.
27. *Бондарь В. В.* Войсковой город Екатеринодар. 1793–1867 гг. Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. — Краснодар : [Советская Кубань], 2000.
28. *Бондарь В. В.* Города Кубани в конце XVIII — начале XX в. : (Опыт типологического анализа) // Вопросы историографии и истории Северного Кавказа XVIII — начала XX в. : сборник научных трудов. — Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 1997. — С. 115–125.
29. *Бондарь В. В.* Город в дореволюционной России: к проблеме трактовки понятия // Культурное наследие России : научно-информационный журнал. — 2017. — № 2. — С. 17–24.
30. *Бондарь В. В.* Город Екатеринодар в пространстве и времени : Опыты исторической урбанистики : монографический сборник. — Краснодар : [Издатель Игорь Платонов], 2006. — 126 с.
31. *Бондарь В. В.* Две церкви во имя Святого Дмитрия Ростовского в Екатеринодаре // Кубанское казачество: три века исторического пути : материалы Международной научно-практической конференции. Ст. Полтавская Краснодарского края, 23–27 сентября 1996 года. — Краснодар, 1996. — С. 25–27.
32. *Бондарь В. В.* Екатеринодар — войсковой город (1793–1867 гг.) // Вопросы отечественной истории : сборник научных трудов. — Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 1995. — С. 36–41.

33. *Бондарь В. В.* К вопросу о типологии российских городов : Екатеринодар // Проблемы историографии и истории Кубани : сборник научных трудов. — Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 1994. — С. 87–95.
34. *Бондарь В. В.* К истории войсковых храмов Черномории // Кубанский сборник : сборник научных статей по истории края / под ред. О. В. Матвеева. — Краснодар : Книга, 2006. — Т. 1 (22) — С. 302–314.
35. *Бондарь В. В.* К истории основания Екатеринодара // Екатеринодар-Краснодар. 1793–2003. Вчера. Сегодня. Завтра : тезисы научно-практической конференции. — Краснодар : [б. и.], 2003. — С. 15–17.
36. *Бондарь В. В.* Комплексное историческое исследование российского города: концептуальные принципы // Голос минувшего : Кубанский исторический журнал. — 1998. — № 1–2. — С. 3–7.
37. *Бондарь В. В.* К проблеме датировки основания городов // Труды Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 11–13 октября 2007 года). В 3 томах. Т. 2. — СПб., 2010. — С. 607–613.
38. *Бондарь В. В.* Культурные ландшафты исторических поселений как особая категория наследия : (на материалах Северо-Западного Кавказа) : монография / В. В. Бондарь, О. Н. Маркова ; Министерство культуры Российской Федерации, Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. — Москва : Институт Наследия, 2020. — 333 с.
39. *Бондарь В. В.* О распространенных ошибках в освещении ранней истории Екатеринодара // Культурная жизнь Юга России. — 2009. — № 1. — С. 64–67.
40. *Бондарь В. В.* Точка отсчета екатеринодарской истории // Древности Кубани : [сборник научных трудов]. — Краснодар, 1997. — Декабрь. — С. 37–45.
41. *Бондарь В. В.* Изучение истории Екатеринодара в XX столетии / В. В. Бондарь, Б. Е. Фролов // Гуманитарная мысль Юга России в XX веке : тезисы межрегиональной научной конференции, станица Тамань, 19–22 сент. 2000 г. / науч. ред.: В. Н. Ратушняк, В. Е. Щетнев. — Краснодар, 2000. — С. 138–144.
42. *Бондарь В. В.* К проблеме датировки основания Екатеринодара / В. В. Бондарь, Б. Е. Фролов // Голос минувшего : Кубанский исторический журнал. — 2001. — № 3–4. — С. 49–52.
43. *Бондарь В. В.* К ранней истории Екатеринодара: был ли А. В. Суворов основателем города? / В. В. Бондарь, Б. Е. Фролов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. — 2022. — № 4. — С. 6–8.
44. *Бондарь В. В.* Украинское барокко в православной храмовой архитектуре Юга России // Вопросы культурологии. — 2015. — № 7. — С. 85–94.

45. *Борисов В. И.* Реки Кубани. — Краснодар : Кн. изд-во, 1978. — 79 с.
46. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. — Т. I. Структура повседневности: возможное и невозможное. — 2-е изд. — Москва : Весь Мир, 2007. — 592 с.
47. *Бурмагин А. Г.* Вехи истории городского самоуправления / А. Г. Бурмагин, О. А. Леусян, Н. Н. Суворова. — Краснодар : Палитра-С, 2010. — 221 с.
48. *Васькина В.* Основание Екатеринодара // Большевик. — 1941. — 29 марта.
49. *Вебер М.* Город / пер. Б. Н. Попова ; под ред. [и с предисл.] проф. Н. И. Кареева. — Пг. : Наука и школа, 1923. — 136 с.
50. *Веленгурин Н. Ф.* Друг Кобзаря // Дорога к Лукоморью. От Пушкина до Горького. Писатели в нашем крае / Н. Ф. Веленгурин. — Краснодар : Кн. изд-во, 1976. — С. 194–208.
51. *Водарский Я. Е.* Исследования по истории русского города : (факты, обобщения, аспекты). — М. : Институт российской истории РАН, 2006. — 415 с.
52. *Враская О. Б.* Архивные материалы И. М. Гревса и Н. П. Анциферова по изучению города // Археографический ежегодник за 1981 г. / отв. ред. С. О. Шмидт. — Москва : Наука, 1982. — С. 303–315.
53. *Галкин Г. А.* «Родословная» реки Кубани / Г. А. Галкин, В. И. Коровин // Кубанский краевед. — Вып. 3. — Краснодар, 1992. — С. 176–189.
54. *Гангур Н. А.* Материальная культура кубанского казачества. [В 2 частях]. Ч. 1. Конец XVIII — середина XIX века. — Краснодар : Традиция, 2009. — 284 с.
55. *Гниловской В. Г.* Территориальное развитие города Ставрополя в первой половине XIX столетия // Материалы по изучению Ставропольского края. — Вып. 4. — Ставрополь : Крайиздат, 1952. — С. 175–218.
56. Гоголь українською мовою / [В. В. Дроздовський] // Червоний шлях : громадсько-політичний і літературно-науковий місячник. — 1927. — № 7–8. — С. 335–346.
57. Города России : энциклопедия / гл. ред. Г. М. Лаппо. — Москва : Большая российская энциклопедия, 1994. — 559 с.
58. *Городецкий Б. М.* Периодика Кубанско-Черноморского края, 1863–1925 / Проф. Б. М. Городецкий. — Краснодар : [б. и.], 1927 (тип. Адыгчеркпромторга). — 72 с.
59. Город и деревня в Европейской России : Сто лет перемен : Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского : [монографический сборник] / Ин-т географии Рос. акад. наук ; [ред.-сост.: Т. Нефедова и др.]. — Москва : ОГИ, 2001. — 557 с.
60. Городское или среднее состояние русского народа, в его историческом развитии, от начала Руси до новейших времен / сост. Л. О. Плошинским,

- преподавателем законовещения в дворянском полку. — СПб. : Тип. Э. Веймара, 1852. — XI, 286 с.
61. *Гревс И. М.* Город как предмет краеведения // Краеведение. — 1924. — № 3 — С. 245–258.
 62. *Гревс И. М.* История в краеведении // Краеведение. — 1926. — № 4. — С. 487–508.
 63. *Гревс И. М.* К теории и практике «экскурсий», как орудия изучения истории в университетах. — СПб. : Сенат. тип., 1910. — 48 с.
 64. *Гревс И. М.* Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело. — 1921. — № 1 — С. 21–34.
 65. *Гревс И. М.* Природа «экскурсионности» и главные типы «экскурсий в культуру» // Экскурсии в культуру : методический сборник / под ред. проф. И. М. Гревса. — М., 1925. — С. 9–34.
 66. *Грибовський В.* Містечко Микитине і Микитин перевіз: козацька предісторія міста Нікополя // Датування міста як проблема історичної урбаністики: європейський та український досвід. : матеріали круглого столу 24 вересня 2008 р. / за заг. ред. В. Г. Панченка. — Дніпропетровськ : Герда, 2008. — С. 34–42.
 67. *Грушевский М. С.* Иллюстрированная история Украины. — Авторизованный перевод со второго украинского издания. — СПб. : Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1913]. — 558 с.
 68. *Данилевский Н. Я.* Исследования о кубанской дельте // Записки Русского географического общества. — Т. 2. — СПб., 1869. — С. 1–125.
 69. *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов России. В 2 томах. Т. 1. Ведение. Города России в XVIII столетии. — СПб. : Типография П. П. Меркулева, 1875. — 508, III с.
 70. *Дроздовський В. В.* Катеринодар у минулому // Науковий збірник лєнінградського товариства дослідників української історії, письменства та мови. III. — Київ : 3 друкарні Всеукраїнської академії наук, 1931. — С. 65–83.
 71. Катериноград // Отечественная история : энциклопедия. — Москва, 1996. — Т. 2. — С. 132.
 72. Катеринодар-Краснодар. 1793–2009 : историческая энциклопедия / [авт.-сост. Б. А. Трехбратов, В. А. Жадан]. — Краснодар : Кубань-Книга, 2009. — 684 с.
 73. *Жадан В. А.* Когда Краснодару праздновать день рождения? // Кубанские новости. — 1991. — 21 сент.
 74. *Жадан В. А.* Так когда же основан Краснодар? // Вольная Кубань. — 1996. — 18 сентября.

75. *Зеленский Ю. В.* Несколько предметов из разрушенного средневекового погребения // Историко-археологический альманах. — Армавир ; Москва, 1998. — Вып. 4. — С. 141–142.
76. *Иконников А. В.* Архитектура и история. — Москва : Arhitectura, 1993. — 252 с.
77. *Илюхин С. Р.* При реке Кубани, в Карасунском куте, или Ландшафтная экология Екатеринодара в историческом плане. — Краснодар : Кубаньпечать, 1998. — 151 с.
78. Историческая записка о городе Новочеркасске и его управлении / [и. д. секретаря Ком. по упр. г. Новочеркасском В. Богаевский]. — Новочеркасск : Обл. Дон. войска тип., 1895. — 53 с.
79. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии : К столетию занятия Тифлиса рус. войсками 26 нояб. 1799 г. / под ред. ген.-майора Потто. — Тифлис : Издание военно-исторического отдела при Штабе Кавказского военного округа, 1899. — III, 332, XV с.
80. История Кубанского казачьего войска / сост. чл.-корр. Акад. наук. Ф. А. Щербина. — Т. I : История края. — Екатеринодар : Типография Кубанского областного правления, 1910. — 734 с. ; Т : II. История войны казаков с закубанскими горцами. — Екатеринодар : Типография Товарищества печатного и издательского дела под фирмой «Печатник», 1913. — 848 с.
81. *Кабузан В. М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX веках : этностатистическое исследование. СПб. : Русско-балтийский информационный центр «Блиц», 1996. — 224 с.
82. *Каменцева Е. И.* Русская метрология : учебное пособие / Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. — 2-е изд. — Москва : Высшая школа, 1975. — 321 с.
83. *Карева Н. В.* Церковь во имя Божьей Матери Всех Скорбящих Радость в Екатеринодаре // Historia Caucasica : региональный исторический сборник научных статей. — Вып. 5. — Краснодар : КГИАМЗ, 2005. — С. 10–17.
84. *Кафенгауз Б. Б.* Город и городская реформа 1785 г. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. / под ред. А. И. Барановича, Б. Б. Кафенгауза, П. К. Алефиренко, Ю. Р. Клокмана, Е. Н. Кушевой. — Москва : Изд-во АН СССР, 1956. — С. 151–165.
85. *Кизеваттер А. А.* Городовое положение Екатерины II 1785 г. : Опыт исторического комментария. — М. : Типография Императорского Московского университета, 1909. — X, 473 с.
86. *Кияшко И. И.* Войсковые певческий и музыкантские хоры Кубанского казачьего войска, 1811–1911 годы : исторический очерк столетия их существования. — Екатеринодар : Типография Кубанского областного правления, 1911. — 124 с.

87. *Кириченко Е. И.* Архитектурные теории XIX века в России. — Москва : Искусство, 1986. — 344 с.
88. *Кирсанов Е. И.* Слава и трагедия Новочеркасска : (История казачьей столицы). — Т. 1. — Историко-краеведческое издание. — Новочеркасск: Сервис-связь, п. Каменоломни, 2005. — 736 с.
89. Когда же был основан Екатеринодар? : [материалы круглого стола] // *Голос минувшего* : Кубанский исторический журнал. — 1997. — № 2. — С. 51–58.
90. *Константинов О. А.* Типология и классификация городских поселений в советской экономико-географической науке // *Материалы по географии населения* : [сборник статей] / Геогр. о-во СССР, Отд-ние экон. географии ; отв. ред. О. А. Константинов. — Ленинград : [б. и.], 1962–1963. — Т. 2, вып. 2. — 1963. — С. 5–53.
91. *Короленко П. П.* Войсковой собор в г. Екатеринодаре // *Кубанские войсковые ведомости*. — 1867. — № 9. — 4 марта.
92. *Короленко П. П.* Город Екатеринодар // *Кубанские областные ведомости*. — 1895. — 20 апреля.
93. *Короленко П. П.* Екатеринодарский Войсковой собор времен Екатерины Великой // *Известия ОЛИКО*. — Вып. 1. — Екатеринодар : Тип. Кубанского областного правления, 1899. — С. 69–74.
94. *Короленко П. П.* Кубанские казаки // *Кубанский сборник* : труды Кубан. обл. статист. комитета / под ред. В. А. Щербины. — Т. 3. — Екатеринодар : Тип. А. П. Сташевского, Э. Х. Килиуса и Кубан. обл. правления, 1894. — Паг. 3. — С. 1–18.
95. *Короленко П. П.* [О времени основания Екатеринодара] // *Кубанские областные ведомости*. — 1894. — 4 июня.
96. *Короленко П. П.* Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли // *Известия Общества любителей изучения Кубанской области*. — Вып. 1. — Екатеринодар : Тип. Кубанского областного правления, 1899. — С. 53–63.
97. Краснодару — 200 лет : тезисы краевой научно-практической конференции / Администрация г. Краснодара ; Краснодарский городской совет народных депутатов ; Кубанский государственный университет [и др.] ; отв. ред. В. Н. Ратушняк, В. Е. Щетнев. — Краснодар : Типография администрации [Краснодарского] края, 1993. — 160 с.
98. *Краснянский М. Б.* Прошлое Ростова-на-Дону по городским планам. — Ростов-на-Дону : скл. изд. у авт., 1912. — 16 с.
99. Краткая история возрождения Донского казачества : Город-станция : по материалам Е. И. Кирсанова. — URL: <http://novocherkassk-gorod.ru/his>

- tory/town-history/cossack-revival-history/village-town/ (дата обращения: 11.12.2018).
100. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с закубанскими горскими народами с 1792 по 1864 год / Сост. В. С. Шамрай // Кубанский сборник : труды Кубан. обл. статистич. комитета / под ред. С. В. Руденко. — Т. 8. — 1902. — Екатеринбург : Тип. И. Ф. Бойко, 1901. — Пар. 2. — С. 351–543.
 101. Крашенинникова Н. Л. Принципы планировки регулярных городов-крепостей XVIII в. : На примере Оренбурга // Архитектурное наследство. — 1973. — № 21. — С. 13–30.
 102. Ктиторов С. Н. Экскурсионный метод в исторической урбанистике Предкавказского региона // Культурная жизнь Юга России. — 2009. — № 3 (32). — С. 10–13.
 103. Кулишов В. П. В низовьях Дона. — Москва : Искусство, 1987. — 175 с.
 104. Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века : К пробл. развития капитализма вширь. — Москва : Наука, 1981. — 232 с.
 105. Куценко Я. И. Краснодар : исторический очерк / Я. И. Куценко, Г. Т. Чучмай. — Краснодар : Кн. изд-во, 1956. — 111 с.
 106. Лаврский Н. Черкасск и его старина. — М. : Искусство и жизнь, [1917]. — 36 с.
 107. Ламосова Н. В. К истории постановок драмы Я. Г. Кухаренко «Черноморский побит на Кубани между 1794 и 1796 годами» // Четвертые Кухаренковские чтения : (доклады и сообщения, 7 декабря 2009 г., Краснодар). — Краснодар : Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств, 2010. — С. 35–40.
 108. Лапто Г. М. Формирование сети городов на территории России // Проблемы урбанизации на рубеже веков / отв. ред. А. Г. Махрова. — Смоленск : Ойкумена, 2002. — С. 19–33.
 109. Лещенко А. Ф. Краснодар як культурно-економічний і революційний центр Кубані // Новим шляхом [Орган Комнацу Наркомосу РСФФР]. — 1927. — № 1. — С. 3–30.
 110. Лихачёв Д. С. Образ города // Знание — сила. — 1988. — № 5. — С. 5–12.
 111. Лунин Б. В. Очерки истории Подонья-Приазовья. В 2 книгах. Кн. 2. — Ростов-на-Дону : Ростиздат, 1951. — 380 с.
 112. Макаров А. М. Світло українського бароко. — Київ : Мистецтво, 1994. — 228 с.
 113. Маркова О. Н. К истории Екатерининской церкви в Краснодаре // Кубанский сборник / под ред. О. В. Матвеева, Г. В. Кокунько. — Т. IV (25). — Краснодар : Книга, 2012. — С. 341–351.

114. *Матвеев О. В.* Екатеринодар в исторической картине мира кубанского казачества // Екатеринодар-Краснодар. 1793–2003. Вчера, сегодня, завтра : тезисы научно-практической конференции, посвященной 210-летию г. Краснодара (13 сентября 2003 г.) / Администрация г. Краснодара ; Кубанский государственный университет [и др.]. — Краснодар, 2003. — С. 57–60.
115. *Машталер О. В.* Грани украинского барокко: Восток и Запад : (на материале архитектуры) // Барокко и классицизм в истории мировой культуры : материалы Международной научной конференции. Серия «Symposium». — Вып. 17. — Санкт-Петербург : С.-Петерб. филос. о-во, 2001. — С. 144.
116. *Машуков В. Д.* Материалы к изучению церковной старины Украины / [предисл.: проф. Е. Редин]. — Харьков : Тип. «Печатное дело» кн. К. Н. Гарины, 1905. — 63 с.
117. *Мерлен П.* Город. Количественные методы изучения / пер. с фр. О. К. Парчевского ; под ред. и с послесл. Ю. В. Медведкова. — Москва : Прогресс, 1977. — 263 с.
118. *Мерфи Р.* Американский город / сокр. пер. с англ. В. Ковалевского ; редакция В. Гохмана ; послесл. В. Гохмана и Г. Лаппо. — Москва : [Прогресс], 1972. — 320 с.
119. *Милов Л. В.* О так называемых аграрных городах России XVIII века // Вопросы истории. — 1968. — № 6. — С. 54–64.
120. *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие / Б. Н. Миронов ; АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1990. — 271 с.
121. *Миронов Б. Н.* Русский город во второй половине XVIII — первой половине XIX века. Типологический анализ // История СССР. — 1988. — № 5. — С. 150–168.
122. *Миронов П. В.* Екатеринодар : очерк естественных, экономических и исторических элементов // Вся Кубанская область : торгово-промышленный справочник на 1913 год. — Екатеринодар : Издание А. Яценко и П. Мякотина, 1913. — Паг. 4. — С. 1–10.
123. *Миронов П. В.* Краснодар : материалы к естественно-историческому и экономическому познанию города. — Вып. 1. — Краснодар : Кубанск. окр. отд. коммунального хозяйства, 1926. — 18 с.
124. *Миронов П. В.* Население Краснодара. Количество. — Краснодар : Издание Кубанского окружного отдела коммунального хозяйства, 1926. — 16 с.

125. *Миронов П. В.* Территориальный рост гор. Екатеринодара // Известия ОЛИКО. — Вып. 4. — Екатеринодар : Тип. Кубанского областного правления, 1909. — С. 73–88.
126. *Мошкович Г. Г. Атаман Г. А.* Рашпиль и организация меновой торговли казаков и горцев в 40–50-е гг. XIX в. на Кубани // Проблемы историографии и истории Кубани : сб. науч. тр. : Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 1994. — С. 123–126.
127. *Огарев Н. П.* Избранные социально-политические и философские произведения : в 2 томах / под общ. ред. М. Т. Иовчука и Н. Г. Тараканова ; Акад. наук СССР, Ин-т философии. — [Москва] : Госполитиздат, 1952–1956. — Т. 1. — 1952. — 864 с.
128. *Оранский К.* Новомосковский Свято-Троицкий собор // Записки Одесского общества истории и древностей. — Т. 2. — Одесса : в городской типографии, 1848. — С. 829–832.
129. Оружие и мундир кубанских казаков конца XVIII — начала XX в. / авт.-сост. Б. Е. Фролов. — Краснодар : Традиция, 2018. — 119 с.
130. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.) : [справочник] / Гос. арх. Краснодарского края ; [сост. А. С. Азаренкова и др.]. — Краснодар : Кн. изд-во, 1986. — 394 с.
131. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / [В. Н. Рагушняк, А. М. Ждановский, И. И. Марченко и др.] ; под общ. ред. В. Н. Рагушняка. — Краснодар : Советская Кубань, 1996. — 654 с.
132. *Павлова Л. И.* Город: модели и реальность. — Москва : Стройиздат, 1994. — 311 с.
133. *Перцик Е. Н.* География городов. Геоурбанистика : [учебное пособие для вузов по специальности «География»]. — Москва : Высшая школа, 1991. — 317 с.
134. *Петров А. Н.* Устройство и управление военных поселений в России // Граф Аракчеев и военные поселения 1809–1831. — СПб. : Издание «Русской старины», 1871. — XII, 308 с.
135. *Пилявский В. И.* История русской архитектуры : [учебник для архитектурных специальностей вузов] / В. И. Пилявский, А. А. Тиц, Ю. С. Ушаков. — Ленинград : Стройиздат, 1984. — 512 с.
136. *Поборина М. Ю.* Общественно-просветительская деятельность К. В. Россинского : специальность 07.00.02 : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Краснодар, 1997. — 240 с.
137. *Подольский С.* Екатеринодарский собор // Всемирная иллюстрация. — 1872. — № 174. — IV год. — Т. VII. — № 18. — С. 283–286.

138. *Покровский М. В.* Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века : социально-экономические очерки. — Краснодар : Кн. изд-во, 1989. — 318 с.
139. *Покровский М. В.* Краснодару — 150 лет // Большевик. — 1943 — 29 августа.
140. *Покровский М. В.* Русско-адыгейские торговые связи. — Майкоп : Адыг. кн. изд-во, 1957. — 114 с.
141. *Понка И. Д.* Исторические и биографические очерки : К фотографическим снимкам и картинам, представленным от Кубанского казачьего войска на Московскую политехническую выставку 30 мая 1872 г. — [Б. м. : б. и.]. — 106 с.
142. *Понка И. Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту : очерки края, общества, вооруженной силы и службы : в 17 рассказах, с эпилогом, карт. и 4 рис. с натуры : в 2 ч. — СПб. : Тип. П. А. Кулиша, 1858. — 315 с.
143. *Попов Х. И.* Город Черкасск : исторический очерк // Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. — Ростов-на-Дону : Изд. Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы, 1912. — Т. 1. — С. 95–104.
144. *Прозрителев Г. Н.* Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии // Сборник сведений о Северном Кавказе / под ред. Г. Н. Прозрителева. — Т. 7. — Ставрополь : Тип. губернского правления, 1912. — Паг. 2. — С. 1–9.
145. *Проскуракова Т. С.* О регулярности в русском градостроительстве XVII–XVIII вв. // Архитектурное наследство. — 1980. — № 28. — С. 41–46.
146. Путеводитель по государственным архивам Краснодарского края / Архивный отд. Краснодарского пром. крайисполкома ; Гос. архив Краснодарского края. — Краснодар : Кн. изд-во, 1963. — 496 с.
147. *Пчегатлук С. К.* Торгово-экономические связи в системе отношений Россия — Северо-Западный Кавказ (конец XVIII — начало XIX в.) // Информационно-аналитический вестник. — Вып. 9–10. — Майкоп : АРИГИ им. Т. М. Керашева, 2006. — С. 25–38.
148. *Рабинович Е. И.* О социально-краеведческом методе исследования города в социально-проектной диагностике // Город как социокультурное явление исторического процесса : сб. науч. тр. — Москва : Наука, 1995. — С. 280–285.
149. *Райский П. Д.* Путеводитель по гор. Оренбургу с очерком его прошлого и настоящего, иллюстрациями и планом. — Оренбург : Губ. тип., 1915. — 180 с.

150. *Репан О.* Час виникнення міста: випадок Дніпропетровська // Датування міста як проблема історичної урбаністики: європейський та український досвід : матеріали круглого столу 24 вересня 2008 р. / за заг. ред. В. Г. Панченка. — Дніпропетровськ : Герда, 2008. — С. 43–47.
151. *Репина А. П.* Город, общество, цивилизация: историческая урбанистика в поисках синтеза // Город как социокультурное явление исторического процесса : сборник научных трудов. — Москва : Наука, 1995. — С. 32–38.
152. *Рогозина М. Г.* Церковные древности в фотографиях XIX века : По коллекции архитектурной фотографии Музея архитектуры им. А. В. Щусева. — URL: <http://academy-professional.narod.ru/fotoarch1.html> (дата обращения: 21.04.2016).
153. Российское законодательство X–XX веков : в 9 томах / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О. И. Чистякова. — Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. засл. деятель РСФСР, д-р ист. наук Е. И. Индова. — Москва : Юридическая литература, 1987. — 527 с.
154. *Рындзюнский П. Г.* Изучение городов России первой половины XIX в. // Города феодальной России : сборник статей памяти Н. В. Устюгова. — Москва : Наука, 1966. — С. 65–74.
155. *Рындзюнский П. Г.* Основные факторы градообразования в России второй половины XVIII в. // Русский город : историко-методологический сборник. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1976. — С. 105–127.
156. *Саваренская Т. Ф.* История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм / Саваренская, Д. О. Швидковский, Ф. А. Петров. — Москва : Стройиздат, 1989. — 390 с.
157. *Самойлов И. В.* Устья рек. — Москва : Географгиз, 1952. — 527 с.
158. Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград : энциклопедический справочник. — Москва : Большая российская энциклопедия, 1992. — 687 с.
159. *Селиверстов А. В.* Все храмы города : иллюстрированная история всех храмов Екатеринодара-Краснодара. — Краснодар : Традиция, 2014. — 331 с.
160. Семипрестольный храм Св. Екатерины в г. Екатеринодаре. — Екатеринодар : [б. и.], 1913. — 120 с.
161. *Симановский Н. В.* Дневник. 2 апреля — 3 октября 1837 г., Кавказ / публикация, вступительная заметка и примечания И. Грозовой // Звезда : ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический независимый журнал. — 1999. — № 9. — С. 184–216.
162. *Скальковский А. А.* История Новой Сечи, или последнего Коша Запорожского / сост. из подлинных документов Запорожск. сечевого архива А. Скальковским. — 2-е изд., испр. и значит. умноженное. — Ч. 3. — Одесса : Гор. тип., 1846. — 294 с.

163. *Смолицкая Т. А.* Городской культурный ландшафт: традиции и современные тенденции развития / Т. А. Смолицкая, Т. О. Король, Е. И. Голубева ; под ред. Т. А. Смолицкой. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2012. — 255 с.
164. *Собриевский А. С.* Екатеринодарские городские базары : (К истории города Екатеринодара). — Екатеринодар : Типо-литогр. Э. Килиус и Ко, 1897. — 50 с.
165. *Соловьев В. А.* Екатеринодарская крепость. — Краснодар : Советская Кубань, 1995. — 40 с.
166. *Соловьев В. А.* Место сыскал под войсковой град // Екатеринодар : [еженедельник городского самоуправления]. — 1991. — Вып. 1. — С. 6.
167. *Соловьев В. А.* По следам Суворова : записки краеведа. — Краснодар : Центр информационного и экономического развития печати, телевидения и радио Краснодарского края, 2004. — 313 с.
168. *Соловьев В. А.* Суворов на Кубани, 1778–1793. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Краснодар : Кн. изд-во, 1992. — 250 с.
169. *Солодухин Л. А.* Краснодар : исторический очерк / Л. А. Солодухин, Я. И. Куценко, Г. Т. Чучмай. — Краснодар : Краснодар. кн. изд-во, 1968. — 343 с.
170. Столетие Военного министерства: 1802–1902. — Т. IX. — Ч. 4 : Землеустройство казачьих войск : исторический очерк / гл. ред. ген. от кавалерии Д. А. Скалон ; сост. Н. А. Чернощевков. — СПб. : Тип. т-ва М. О. Вольф, 1911. — 442 с.
171. *Столянский П. Н.* Город Оренбург : материалы к истории и топографии города. — Оренбург : Изд-во Оренб. губ. тип., 1908. — 399 с.
172. *Суворова Н. Н.* Биография городского герба / Н. Н. Суворова, Б. Е. Фролов. — Краснодар : [б. и.], 1999. — 35 с.
173. *Султанов Н. В.* Образцы древнерусского зодчества в миниатюрных изображениях. Памятники древней письменности. — Вып. VIII [XVIII]. — СПб. : Типография И. Вошинского, 1881. — 41 с.
174. *Тарас Я. М.* Українська сакральна дерев'яна архітектура: словник-довідник. — Львів : ІН НАНУ, 2006. — 584 с.
175. *Терещенко А.* Матеріали до студіювання народньої української архітектури (закладання й будівництва хати) // Хроніка археології та мистецтва / за ред. В. Козловської. — Київ : Всеукраїнська академія наук, 1930. — С. 49–52.
176. *Тройно Ф. П.* О принципах датировки основания городов // Вторая Всесоюзная конференция по историческому краеведению, апрель 1989 г. : тезисы докладов и сообщений. — Пенза, 1989. — С. 11–12.

177. Туаева Б. В. Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразований второй половины XIX — начала XX вв. — Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. — 426 с.
178. Тюников К. В. Ейск. — СПб. : Зеленогорский вестник, 1992. — 30 с.
179. Фелицын Е. Д. Документальные сведения об основании города Екатеринодара : материалы для изучения Кубанской области, собранные Е. Д. Фелицыным. — [Б. м. : б. и.]. — 14 с.
180. Фелицын Е. Д. По поводу столетия со дня основания города Екатеринодара // Кубанские областные ведомости. — 1893. — 16 октября.
181. Филиппова А. Л. Архитектура Екатеринодара конца XVIII — начала XX века. — Краснодар : Просвещение-Юг, 2008. — 126 с.
182. Фролов Б. Е. Заселение Кубани казаками в 1792–1864 гг. // По страницам истории Кубани / отв. ред. В. Н. Ратушняк. — Краснодар : Советская Кубань, 1993. — С. 71–78.
183. Фролов Б. Е. К истории реставрации оборонительных сооружений Екатеринодарской крепости // Историко-археологический альманах. — Вып. 3. — Армавир ; Москва, 1997. — С. 161–166.
184. Фролов Б. Е. К истории создания оборонительных сооружений г. Екатеринодара // Екатеринодар-Краснодар. 1793–2003. Вчера, сегодня, завтра : тезисы научно-практической конференции, посвященной 210-летию города Краснодара (13 сентября 2003 года). — Краснодар, 2003. — С. 26–28.
185. Хорев Б. С. Проблемы городов : (Урбанизация и единая система расселения в СССР). — 2-е изд., доп. и перераб. — Москва : Мысль, 1975. — 428 с.
186. Цудиков Г. М. Строительство и архитектура в Черномории (1793–1861 гг.) // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода : сборник научных трудов. — Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 1991. — С. 48–52.
187. Черников В. Н. Когда родился город Екатеринодар, или Что же мы празднуем нынче? // Кубанский курьер. — 1993. — 30 июня.
188. Черников В. Н. Следует ли Думе Краснодара отменять свое решение? // Казачьи вести. — 1996. — № 47. — 7–15 декабря.
189. Чучмай Г. Т. Краснодар. 1793–1917 гг. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Москва, 1980. — 16 с.
190. Шамрай В. С. Хронология важнейшим событиям и законоположениям, имеющим отношение к истории Кубанской области и Кубанского казачьего войска. — Екатеринодар : тип. Кубанского обл. правления, 1911. — 48 с.

191. Шахова Г. С. Краснодарская улица Красная : книга об истории главной улицы Краснодара. — Краснодар : Краснодарские известия, 1997. — 132 с.
192. Шахова Г. С. Улицы Краснодара рассказывают... Кн. 2. — Краснодар : Полиграфист, 2002. — 206 с.
193. Шахова Г. С. Улицы Краснодара рассказывают. — Кн. 3 : В Карасунском куте. — Краснодар : Краснодар. изд.-полиграф. комплекс, 2007. — 196 с.
194. Шахова Г. С. Штрихи к портрету города // Кубанский краевед. — Вып. 3. — Краснодар : Краснодар. кн. изд-во, 1992. — С. 3–12.
195. Шевченко Г. Н. Социально-экономическая структура городов Кубани в дореформенный период // Новейшие исследования по социально-экономической и культурной истории дореволюционной Кубани : сборник научных трудов. — Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 1989. — С. 4–15.
196. Шевченко Г. Н. Черноморское казачество в конце XVIII — первой половине XIX вв. : Сослов. строй. Социал. отношения / Кубан. гос. ун-т. — Краснодар : КГУ, 1993. — 85 с.
197. Шквариков В. А. Планировка городов России XVIII и начала XIX века. — Москва : Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1939. — 256 с.
198. Щелкунов З. И. Об устройстве казачьих поселений и об юртовых при них дольствиях // Сборник Областного войска Донского Статистического комитета. — Вып. 7. — Новочеркасск : Частная Донская типография, 1907. — С. 51–65.
199. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года / сост., науч. ред. Б. А. Трехбратов. — Краснодар : Администрация Краснодарского края, 1997. — 557 с.
200. Этнография восточных славян : очерки традиц. культуры / [К. В. Чистов, М. Г. Рабинович, М. Н. Шмелева и др.]; гл. ред. Ю. В. Бромлей ; отв. ред. К. В. Чистов ; [АН СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая]. — Москва : Наука, 1987. — 556 с.
201. Юрасова М. К. Омск : очерки истории города. — Омск : Кн. изд-во, 1983. — 256 с.
202. Я. Г. Кухаренко як літературний діяч / В. Д-ський [В. В. Дроздовський] // Червоний шлях : громадсько-політичний і літературно-науковий журнал. — 1928. — № 5–6. — С. 107–128.
203. Яковлев С. А. Артезианские воды города Краснодара : С 4 черт. геол. профилей, планом гор. Краснодара с нанесением мест буровых скважин / проф. С. А. Яковлев. — Краснодар : [б. и.], 1922 (4-я тип. Полиграфтреста). — 44 с.
204. Якунин М. А. Георгиевск : историко-краеведческий очерк / М. А. Якунин, М. И. Федькин. — Ставрополь : Ставроп. кн. изд-во, 1977. — 109 с.

205. Яцунский В. К. Некоторые вопросы методики изучения истории феодального города в России // Города феодальной России : сборник статей памяти Н. В. Устюгова. — Москва : Наука, 1966. — С. 83–89.
206. Catherine II's charters of 1785 to the nobility and Towns. — Bakersfield : Charles Schlacks, Jr., Publ., 1991. — LXXVI, 255 p.
207. *Phythian-Adams Ch.* Desolation of a City: Coventry and the Urban Crisis of the Late Middle Ages. — Cambridge, 1979. — 350 pp.
208. *Phythian-Adams Ch.* Re-thinking English Local History. — Leicester, 1987. — 58 pp.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВС СССР	—	Вооруженные силы СССР
ГАКК	—	Государственный архив Краснодарского края
КГИАМЗ	—	Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник
ОЛИКО	—	Общество любителей изучения Кубанской области
ОР РНБ	—	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПСЗ	—	Полное собрание законов Российской империи
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов
РГВИА	—	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	—	Российский государственный исторический архив

Научное издание

Бондарь Виталий Вячеславович

**ВОЙСКОВОЙ ГОРОД ЕКАТЕРИНОДАР 1793–1867 гг.
Историко-культурная специфика и функциональная роль
в системе городских поселений Российской империи**

Дизайн обложки: М. Маяков

Корректурa: О. Шuтова

Компьютерная верстка: О. Ключенкова

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru